И. А.
БУНИН

СТИХОТВОРЕНИЯ
И
ПЕРЕВОДЫ

КЛАССИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННИКА
И. А. БУНИН

КЛАССИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА «СОВРЕМЕННИКА»

И. А.
БУНИН

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ

«СОВРЕМЕННИК» · МОСКВА 1986

Р1
Б 91

Текст печатается по изданиям:
Бунин И. А. Собр. соч.: В 9-ти т. Т. 1. Стихотворения. 1886 — 1917. М., Худож. лит., 1965; Т. 8. Стихотворения. 1918 — 1953. Переводы. М., 1967; Лит. наследство. Кн. 1. Иван Бунин. М., 1973, — с некоторыми поправками Бунина, не учтенными в Собр. соч.

Составитель, автор вступительной статьи и комментариев *О. Н. Михайлов*

Художник *В. В. Покатов*

Рецензент *С. Б. Джимбинов*

Бунин И. А.

Б 91 Стихотворения и переводы/Автор вступ. статьи и коммент. О. Н. Михайлов; Худож. В. В. Покатов.— М.: Современник, 1986.—527с., ил., портр. — (Классическая б-ка «Современника»).

В пер.:1 р. 50 к.

В однотомник выдающегося русского писателя, классика отечественной литературы Ивана Алексеевича Бунина включены наиболее значительные поэтические произведения, созданные им более чем за полвека творческой жизни, и некоторые переводы.

$Б \frac{4702010100 - 055}{М106\ (03) - 86} 148 - 85$

ББК84Р1
Р1

БУНИН-ПОЭТ
(1870 — 1953)

Иван Алексеевич Буинн — один из крупиейших русских поэтов нвшего XX века.

Сегодия это звучит как аксиомв. Однвко долгое время заслуженная известяость Бунина-прозаика несколько заслоняла для чктателя его поэзию. «Антоновские яблокк», «Дереаня», «Суходол», «Захар Воробьев», «Господин из Сан-Франциско», «Легкое дыхание», «Солнечный удар», «Жкзнь Арсеньевв» — эти, употребляя словцо Горького, «тузовые» вещк аоспринимались подчас как нечто более значительное, нежелк бункнсквя лирика. Однако в твланте Букинв, яеобыкяовенно гармонячном, асе уравновешеио: проза его аспахвна плугом поэта, стихи звчастую предвосхнщают проблематику и даже стнлисткку рвсскаэов и повестей.

Бунинсквя поэзкя являет нам прнмер русской лирики в ее коренкых, национвльных осноаах.

И цветы, и шмелк, н трааа, н колосья,
И лазурь, к полудекный зяой...
Срок настанет — Господь сына блудкого спросит:
«Был лн счастлна ты а жнзня земной?»

И забуду я все — аспомню только аот эти
Полеаые путн меж колосьев и траа —
И от сладостиых слез не успею отаетить,
К милосердиым колекам прнпаа.

Любовь к родной земле, ее природе, ее ясторин вдохновляет буняскую музу. Нв рубеже двадцвтого столетия, когда уже пробквались первые росткк пролетарской лнтературы н одноаременно крепло «новое», симаолистское нвправление, стихи Бунина выделялись приаерженностью к прочным классическим традицкям. Пушкин, Тютчев, Фет, Мвйков, А. К. Толстой, Полонсккй — кх поэзкя потому и оставила столь глубокий след а душе Бунина, что она яалялвсь как бы чвстью окружающего его мирв. Именно эта поэзия переаодкла нв язык искусстаа те апечатления, какне получал юный Букин.

Этапы, через которые прошел Бупнн-поэт, были точио обозкачены нм самим в прижизненяых изданиях его стихов. Настоящнй сборник стронтся в соответствин с этимн хронологическими грвницами.

Первый этвп (1886 — 1899) отмечен знвчительиым вляяиием кв Бунинв демократического начала, воздействнем таких имея, как Кольцоа н Никитин. Его юность и формировакие лнчиостн, прошедшне на Орлов-

щине, а нищающей усадьбе, характеризуются известной даойствеиностью тяготеиий — сослоаио-даоринскнх н простонародио-демократических. Показателен, к прнмеру, перечень статей молодого Бунняа, преимущестаеино сотрудинка газеты «Орловскнй аестннк»: «Талант, аыброшенный на улнцу. По поводу самоубийства Н. В. Успенского» (1889), «К будущей бнографии Н. В. Успенского» (1890), «Тарас Шевчеико» (1891), «Памити сильиого челоаека (По поводу 70-летней годовщины со дня рождения И. С. Никитииа)» (1894). Последнаи статьи убеждает, что Иавн Никитии представлиется Буииву не просто крупиым художннком, чуткнм к национальной специфике, — аороиежскнй поэт-землик служил ему в эту пору и примером для подражаиия в смысле чнсто челоаеческом, чисто личных качеста.

«Я не зиаю, что называется хорошим человеком, — пнсал а этой статье Буинн. — Верно, хорош тот, у кого есть душа, есть горячее чуастао, безотчетио рвущееся из глубииы сердца. Я че знаю, что называется нскусством, красотою в нскусстве, его правилвмн. Верно, в том заключается оно, чтобы челоаек, какнмн бы словамн, а какой форме ни говорил мие, ио заставлял видеть перед собою жиаых людей, чуастаовать аеяиие живой прнроды, заставлял трепетать лучшне струны моего сердца.

Все это умел делать Никитин, этот снльный духом и телом человек. Он в числе тех великих, кем создан аесь саоеобразный склад русской лнтературы, ее саежесть, ее аеликая в простоте художестаенность, ее сильный и простой язык, ее реализм в самом лучшем смысле этого слова. Все геинальиые ее предствввители — людн, крепко саязанные с саоею стрвною, с своею землею, получающие от нее свою мощь н крепость. Так был саязвн с нею и Никитин н от нее получал силу в жизни н а творчестве».

В такой оценке отразилась живая, ие книжиая связь «ннщего» барчука с дереаенским бытом, трудом, досугом. По сути, он был ближе к крестьянству н лучше поннмал его, чем многие народнические интеллнгенты, — однн из них, публицист Скабичевский, даже возмутил Буиииа своим равиодушиым призиаиием, что «за асю саою жнзнь не видел, как растет рожь, н нн с одннм мужиком не разговарнвал». Сам Бунин не только «видел», как растет рожь, — он рос аместе с нею, «среди хлебов, подступаашнх к самым порогвм».

Близость к природе, сопричастность деревеиской жизни, ее трудоаым интересам, ее эстетике не могли не отразнться н на формяроааннн литературиых акусоа н прнстрастий молодого Буинна. Даже а 1899-м н а 1900-м годах, когда Буннн ненвдолго сближается с В. Я. Брюсовым и сотрудничает в символистском нздательстае «Скорпнон», он увлечеино собнрает материалы для биогрвфии И. С. Никитииа.

Буиинская поэзия глубоко нациоиальна. Образ Родииы, Росснн

складывается а стихах исподаоль, иезаметно. Он подготоалеи уже пейзажиой лирикой, где крепкой закваской явились апечатления от родяой Орловщииы, Подстепья, средиерусской природы. Разумеется, оии были лншь родииком, даашим иачало большой реке, но родником снльным и чистым. «Так аиать и любить природу, как умеет Буини, — писал А. Блок, — мало кто умеет. Благодаря этой любаи поэт смотрит зорко и далеко, и красочиые и слуховые впечатлеиия его богаты». И а ряде стихотвореиий конца 1880-х и начала 1890-х годоа Бунин реако и мужестаеино говорит о родной стране, нищей, голодиой, любимой («В стороие далекой от родиого края...», «Родина», «Родиие» и другие).

Оии глумятся иад тобою,
Оии, о роднна, корят
Тебн твоею простотою,
Убогим видом черпых хат...

Так сын, спокойяый н иахальный,
Стыдится матери своей —
Усталой, робкой и печальиой
Средь городских его друаей,

Глядит с улыбкой сострадаяья
На ту, кто сотни верст брела
И для иего, ко дню свиданья,
Последиий грошик берегла.

(1891)

В стихах 1886 — 1899 годоа Буяия, иаследуя традиции демократической поааии, нередко приходит к острым социальиым обобщеииям. Недаром одно из пераых его стихотаореиий — «Деревеиский яищий», аыдержаииое в тоиах, близких И. С. Никитииу, посвящено оголодавшей крестьяиской Руси.

Однако если ранние опыты Бунияа-поэта аастааляют иас вспомнить имеяа Никитияа и Кольцова, то стнхн коица 1890-х н иачала 1900-х годоа выдержаны а нных традициях — Фета, Полонского, Майкова, Жемчужиикова, А. К. Толстого. Влиниие атих поэтоа, апрочем, сказыаалось и раньше («Месяц задумчиаый, полиочь глубокая...», «Осыпаются астры в садах...», «Еще от дома на дворе...», «Отчего так печальио аечернее иебо?..», «Сиова сон плеиительный и сладкий...» и так далее). Оио оказалось прочным и стойким. Быт беднеющего даоряяства, катаяие ряжеяых на святках, охота, ярмарки, полевые работы — все ато, преображеняое, вдруг «узнавалось» в стихах певцов русской усадьбы. И, конечио, любовь. «В раияей юности, — аспоминал Буиин, — мяогим плеяял меня Полонский, мучнл теми любовиыми мечтами, образами, которые аыаыаал ои ао мие, с которыми так рано счастлиа я был в моей воображаемой любви. Что я тогда знал! А как верно и сильио аидел и чуаствовал!

Выйду за оградой
Подышать прохладой,
Слышу, милый едет
По степи широкой...»

Продолжая в стихах 1900 — 1902 годов традиции «серебряного века русской поэзии», Бунин, как бы споря с модой, оставался в основном во власти «старой» образной системы и ритмики. Ему приходилось поэтому внешне банальными средствами добиваться небанального. Путь слова от круга общеупотребляемых, стертых сочетаний к своему новому гнезду — уже как метафоре — необыкновенно короток. Поэт вскрывает неизведанные возможности, заложенные в традиционном стихе. Не в ритмике, нет — чаще всего это чистый пяти- или шестистопный ямб. Не в рифме: «азор» — «костер»; «ненастье» — «счастье»; «бурь» — «лазурь» и так далее — она, вырванная из художественного контекста, покажется банальной. Но Бунин уверенно выбирает такие сочетания слов, которые, при всей своей простоте, порождают у читателя ответную волну ассоциаций. «Леса на дальних косогорах, как желто-красный лисий мех»; «звезд узор живой»; «седое небо»; тучи — «как горы дымные»; облака — «как призраки развалин»; морская вода — «точно ртутью налита». Осенние степи, конечно, «нагие»; дым «бронзовые»; цветник морозом «сожжен»; шум моря — «атласный». Составные части всех этих образов так тесно тяготеют друг к другу, словно они существовали вместе извечно в некоем эстетическом симбиозе, а не были сближены поэтом. Изобразительная мощь Бунина не выставляет себя напоказ, его художественная власть над словом сокрыта от поверхностного взгляда.

Я одинок и ныне — как всегда.
Но вот закат разлил свой пышный пламень,
И тает в нем Вечерняя Звезда,
Дрожа насквозь, как самоцветный камень...

(«За все тебя, Господь, благодарю!..», 1901)

Только бесконечно чувствуя живую связь с природой, поэту удалось, идя бороздой, по которой шли Полонский, А. К. Толстой, Фет, не только избежать эпигонства, но и явить живое познание мира. Лишь говоря с природой на ее языке, можно было полновластно войти в ее бесконечный и таинственный мир, подметив, например, такое —

Усадьба по-осеннему молчала.
Весь дом был мертв в полночной тишине,
И, как ребенок брошенный, кричала
Ушастая пустушка на гумне.

(«Проснулся я внезапно, без причины...», 1903)

В противовес беззаботному отношению к природе поэтов народнического толка или демонстративному отъединению от нее декадентов

Бунин с сугубой дотошяостью, ревлистически полиовесио и точио воспроизводит ее мир. Всякаи поэтическая услоаность, переступающая граняцы реальио-возможиого, воспринямаетси им как иедопустимая вольность, безотносительио к жаиру. Недвром герой его ввтобиогрвфического романа «Жизнь Арсеньеаа», говоря о Надсояе, отмечает: «Я ие мог питать особого уважения к стихвм, где говорнлось, что болотиая осока растет иад прудом н даже склоинется над ним «зеленымн аетаями»...» С откровениой прямолииейностью возражает сам Буиин против того, что в горьковской «Песне о Соколе» выаедеи сокол, «почему-то очутиашийся а горах». Он, очевидно, просто не может восприиимать животяых я птнц а басенно-аллегорическом толкованнн, как «переодетых» людей, как выражение определенных человеческих качеств. И когда сам он изображает крылатого хищника. в стнхотвореиии передветсн весь живой опыт дереаеиского человекв:

Дымнтся поле, рассвет белеет,
В степн тумвяной кричвт орлы,
И дико-авонок их плач голодный
Среди холодной плывущей мглы.

(«Дымится поле, рассвет белеет...», 1901)

Старший брат Юлий Алексеевич вспомиивл о Буиине: «Все абстрактное его ум не аосприиимал». И не только абстрвктиое в смысле — логическое, протиаоположиое образиому, ио и «абстрактное», то есть лишеияое виешиего правдоподобия, условио-ромаитическое (вспомиим еще рвэ оцеику поэзии Надсоиа). Ои чувствует кровную свнзь с природой, с каждым ее жиаым существом, будь то олень, уходящий от преследоввния охотняков («Густой эеленый ельиик у дороги...»), или «седой орленок», который шипит, «как василиск» (дракон, змей), завидев диск солнца («Обрыв Яйлы. Как руки фурнй...»). И, скажем, герой малеиькой буниннской позмы «Листопад» (1900), а первом издании посвнщенной М. Горькому, «просто лес», его отдельное, красочное и многолнкое бытие.

Получив сборнкк «Листопвд», Горький писал Буиниу: «Я — со Скитальцем — проглотил его, как молоко. Хорошо! Какое-то мвтоаое серебро, мнгкое и теплое, льется а грудь со страияц этой простой, язящной книги. Люблю я, человек мелочиый, всегдв что-то делвющий, отдыхать душой на том красивом, в котором вложено вечное, хотя и иет в нем приятного мне возмущенни жизнью, нет сегодняшнего днн, чем я, по преимуществу, живу и что меия, помаленьку, губит. Не скрою — мие хочетсн вндеть в ваших стихах больше таких звуков, квк в «Витязе», да, но — «вснкому свое, а наибольшая тому честь, кто ао всем весь». Горькнй упомннвет ие случвйно стнхотворенне Скнтвльца (имеетсн в виду «Рыцарь», где ирко звучат революционные мотивы). Отмечая поэтические достоииства буииисиих стихов, ои недоволен общестаенной иидиффереитиостью нх творца.

Эта холодность и бесстрастность Бунина особенно контрастно по отношению к общественной жизни страны проявилась в стихах 1903—1906 годов, когда Россия пережила шквал первой русской революции. В то время как демократические писатели брались за самые насущные темы, Бунин неторопливо шлифовал свои произведения об угасающих дворянских гнездах, путешествовал по Ближнему Востоку, Малой Азии, Египту, а затем Индии и Цейлону. В его стихах этого периода мы почти не найдем города, городской жизни, отзвуков общественной борьбы. Он спешит увести читателя в поле, в лес, или спокойно любуется морским прибоем, или в чеканных стихах запечатлевает человека, который перед камином размышляет с потухающей сигарой о суете жизни...

И все же появление в дальнейшем таких произведений, как «Деревня», «Суходол», «Господин из Сан-Франциско», доказывает, какая огромная «подземная» работа должна была им предшествовать. Свидетельство тому, к примеру, стихотворение «Пустошь» (своего рода поэтическая параллель к «Суходолу», только написанное тремя годами раньше), в сдержанно-благородных тонах воссоздающее образы отравленных рабьей психологией людей, тех, кто отдал все свои силы темной «суходольской» жизни:

Мир вам, давно забытые! — Кто знает
Их имена простые? Жили — в страхе,
В безвестности — почили. Иногда
В селе ковали цепи, засекали,
На поселенье гнали. Но стихал
Однообразный бабий плач — и снова
Шли дни труда, покорности и страха...

Это стихотворение было написано в 1907 году, когда большинство писателей в обстановке начавшейся реакции отступило от демократических заветов. Остро переживая смену общественных настроений, Горький писал Е. Чирикову в марте 1907 года: «У меня странное впечатление вызывает современная литература,— только Бунин верен себе, все же остальные пришли в какой-то дикий раж, и, видимо, не отдают себе отчета в делах своих». Цельность Бунина-художника помогла ему не только «выстоять» в годы реакции, но и выйти к новым творческим рубежам.

Если на грани века для бунинской поэзии наиболее характерна пейзажная лирика, то в пору 1906 — 1911 годов Бунин все более обращается к лирике философской, продолжающей проблематику Тютчева. Личность поэта необычайно расширяется, обретает способность самых причудливых перевоплощений, входит элемент «всечеловеческого» (о чем говорил, применительно к Пушкину, в своей известной речи Достоевский):

Я челоаек: как бог, я обречея
Позяать тоску всех страи и асех времен.

(«Собакв», 1909)

Жизяь длн Бунина — путешествие в аоспомняанннх, прячем ие только лкчиостных, ко и аоспоминвкиях рода, класса, челоаечестаа. Поверхностяый атекзм («Каменная баба», «Мистику») смеинется пантенстнческнм воспрнятием мнра и своего рода метвфнзическим исследованнем глубнннных осяов иации. Не случайно нменно в 1906 —1907 годах а его поззкю особеияо широко вторгается стнхия крестьякского фольклора, устиой иародкой литературы. Легенды, предаяия, притчк, сказаянн, частушкн, лирические сельскке пески, «стрвдвкнн», прибаутки и прнсказки — россыпи мудростк яародкой, преображенные, становятся стихвми («Два голоса», «Святогор», «Мвчеха», «Отрвва», «Невеста», «Саятогор я Ильн», «Князь Всеслзв», «Мне вечор, младой...», «Алеяушка» н т. д.).

Отсюда, от «вечиых» звконов, управляющих якобы челоаеком, Бунин отправляетсн к нстоквм исчезнувших цнвнлизацнй, воскрешает образы Древнего Востокв, античной Грецин, раинего христнанства. В своих лучших историческнх стихвх он с пушкнвской отзычачвостью стремится пронникнуть в самую сердцевину чужой культуры, передать нядиандуальяый облик и иациоявльяую специфяку другого народв. Стнхн «Эсхнл», «Самсон», «Черяый камеяь Кавбы», «Тезей», «Иернхоя», равно как я великолепиые переводы, понуждают еще раз аспомиять слоаа Достоеаского о Пушкике, обладавшем редким саойством «перевоплощзться апоние в чужую нациояальность». Буннн не создает кллюстрацкю к Кораиу или халдейскому мифу: «вечиое», «архакчиое» и совремекиое иерасторжимы для иего. Иногда это «иастонщее в прошлом» обнвжеио а сеитеицик, как, напркмер, а стихотворении 1916 года «Кадильяяца». Образ продолжается а прямой запоаеди писателю, таорцу, напомниан о его высоком призаании («Ты, сердце, полкое огия и ароматв, не забывай о пей. До черяоты сгори»). Эяергнчкое напомикание о проповедиическом, страстиом долге художннка кажется иеожиданным в уствх Бунииа, яо ояо просто еще раз указывает на одиосторонность представлеиии о Букняе как писателе «холодиом». Оя лишь стремился асегда сохрзинть между собой н читвтелем нзаестиую дистаицию, стрвшась оказаться «нзкоротке» с ним. Горделивость буниискоЙ изтуры аоасе ие яскключала ее страстности, но она создавала, однако, своего рода защиткый покроа: зто квк бы пылающнй факел а ледяном пзнцире.

Фнлософскан лиркка а нернод 1912 — 1917 годоа асе более теснит пейзажкую, прояикает в кее и ее преображзет. Поэт стремятся заглянуть за пределы челоаеческой очеаидкости, переступить черту, которую сторожит «яезрячий азор» смертн. Ее караюшая десиица ие щадит ннкого («Был воик, вождь, ио имя смерть укралв и унесла на чер-

ном сквкуие...»; «Ряды гробниц — и все цари, цари... Что в коконе? Костяк в землистой коже, крест тонких рук, иссохший узкий таз...» и т. д.). «Я не знаю ни у кого из русских поэтов такого неотступного чувства возраста «лирического героя», — писал о Бунине А. Твардовский, — он как бы не сводит глаз с песочных часов своей жизни, следя за необратимо убегающей струйкой времени». Пессимизм Бунина усиливается ощущением обреченности кровного ему дворянского класса. Мрачно-торжественное, мистическое и смертное дыхание, ощутимое в ряде стихов, необыкновенно усилится в эмиграции, вместе с воскресшим чувством сословности, «зовом предков».

Где выход из пессимизма? По Бунину, он в слиянии с природой, в возвращении к ней и в обновлении жизни. И когда Смерть предлагает прохожим саван как вечную одежду, курган Савур отвечает ей: «И саван обречен истлеть в земле, чтоб снова вырос яркий небесно-синий лен» («Присела на могильнике Савура...»). Ощущение всеобщности жизни, ее вечного круговорота «в мириадах незримых существ» продолжает в стихах Бунина 1912 — 1917 годов тютчевскую традицию. Земная жизнь, бытие природы и человека воспринимаются поэтом как часть великой мистерии, грандиозного «действа», развертывающегося в просторах Вселенной:

И меркнет тень, и двинулась луна,
В свой бледный свет, как в дым, погружена,
И кажется, вот-вот и я пойму
Незримое — идущее в дыму
От тех земель, от тех предвечных стран,
Где гробовой чернеет океан,
Где, наступив на ледяную Ось,
Превыше звезд восстал Великий Лось —
И отражают бледные снега
Стоцветные горящие рога.

(«Ночь зимняя мутна и холодна...», 1912)

Но бунинский пантеизм, при всей его кажущейся широте, всеохватности, в действительности ограничен жесткими «личностными» и классовыми рамками. Опять-таки это связано с давлением дворянских симпатий, вынуждавших Бунина беспрерывно совершать «путешествие в прошлое», скорбеть о старине, чувствовать, что «мертвые не умерли для нас» («Призраки»). Правда, есть еще одна, абсолютная сила, способная противостоять смерти, и имя ей — красота.

Красота — «мир стремит вперед», она порождает любовь-страсть, совершающую прорыв в одиночестве и одновременно приближающую роковые силы смерти. Надо сказать, что именно в любовной, интимной лирике отчетливо видно отличие Бунина от «чистых» дворянских поэтов. Оно проявляется уже в облике лирического героя, далекого от прекраснодушия и восторженности, избегающего красивости, фразы, позы.

Заметно оно и в той здоровой чувственности, какая окрашивает бунинские стихи. В любовной лирике Фета главное — гамма возвышенных переживаний, красивое чувство, изображая которое поэт совершенно растворяет облик любимой, колеблет его, как колеблет отражение бегущий ручей («Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали лучи у наших ног в гостиной без огней. Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали, как и сердца у нас за песнею твоей»). Облик женщины поэтичен и бесплотен. И рядом — чувственное, бунинское:

Я к ней вошел в полночный час.
Она спала — луна сияла
В ее окно — и одеяла
Светился спущенный атлас.

Она лежала на спине,
Нагие раздвоивши груди, —
И тихо, как вода в сосуде,
Стояла жизнь ее во сне.

Любовная лирика Бунина невелика количественно. Но именно в ней предвосхищаются многие искания поздней поры. Женский характер, прямой и резкий, способный к действию, запечатленный в «Песне» («Я — простая девка на баштане...»), перекликается с образами рассказов «При дороге», «Игнат». А известное стихотворение «Портрет» (1903) родственно написанному в 1916 году рассказу «Легкое дыхание». Бессмысленная гибель прелестной девочки с «ясным» взором и кокетливой прической и несовместимость ее «бессмертного» облика с «погребальным вздором» как бы предваряют позднейшие, более общие размышления в рассказе: «Этот венок, этот бугор, этот дубовый крест! Возможно ли, что под ним та, чьи глаза так бессмертно сияют из этого выпуклого фарфорового медальона на кресте!..»

В конечном счете и любовь не спасает от одиночества. Исчерпав «земные» возможности, она ввергает героя в состояние спокойного отчаяния. Этим настроением сдержанного трагизма пронизано едва ли не самое известное стихотворение Бунина «Одиночество» («И ветер, и дождик, и мгла...»), сохранившееся в исполнении автора даже в граммофонной записи. Желание счастья и сознание его невозможности выражены в нарочито спокойной концовке:

Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.

Этот лаконизм — достояние литературы уже нового, XX века, когда смятенность чувств передается «посторонней» фразой. К 1912—1917 годам стих Бунина обретает особую плотность, лаконизм, насыщенность. Недаром А. Твардовский восхищался «изумительной энергией, краткостью и «отрубающей» односложностью выражения» в балладе 1913 года «Мушкет»:

Встал, жену убил,
Сонных зарубил своих малюток,
И пошел в туретчину, и был
В Цареграде через сорок суток...

На протяжении 1912 — 1917 годов поэтическая активность Бунина очень неравномерна. После появления «Деревни» (1910) проза решительно оттесняет на второй план стихи. Однако к 1915 году происходит обратное явление. В короткую пору 1915 — 1917 годов Бунин пишет небывало много стихов. Его поэзии военных лет не коснулся казенный патриотизм. Верный себе, Бунин тревожит прошлое, отдается печали воспоминаний, но зачастую это была не оторванность от времени, а форма неприятия его. Встречавшемуся с ним в Одессе в 1918 — 1919 годах В. Катаеву открылся в Бунине «как бы выходец из потустороннего древнерусского мира — жестокого, фантастического, ни на что не похожего и вместе с тем глубоко родного, национального, — мира наших пращуров, создавших Русь по своему образу и подобию...». Действительно, многие стихи 1910-х годов — «Сон епископа Игнатия Ростовского», «Михаил», «Святой Прокопий» и другие — являют нам реставрацию древней старины, глубинного, «прарусского» начала:

Бысть некая зима
Всех зим иных лютейша паче.
Бысть нестерпимый мраз и буйный ветр,
И снег спаде на землю превеликий,
И храмины засыпа, и не токмо
В путех, но и во граде померзаху
Скоты и человецы без числа,
И птицы мертвы падаху на кровли.

Однако разве одна седая истории возникает за литыми, звучными строками бунинского стихотворения? Не скрывает ли лексический «плюсквамперфект» некоего второго, злободневного звучания?

Бысть в оны дни:
Святый своим наготствующим телом
От той зимы безмерно пострада.
Единожды он нощию прииде
Ко храминам убогих и хоте
Согретися у них; но, ощутивше
Приход его, иния затворяху
Дверь перед ним, инии же его
Бияху и кричаще: — Прочь отсюду,
Отыде прочь, Юроде! — Он в угле
Псов обрете на снеге и соломе,
И ляже посреди их, но бегоша
Те псы его. И возвратися паки
Святый в притвор церковный и седе,
Согнуси и трясыйся и отчаяв
Спасение себе.— Благословенно

Господне имя! Псы и человецы —
Единое в свирепстве и уме.

(«Святой Прокопий», 1916)

Видя вокруг себя облик социального зла, невежества, жестокости, темноты, став свидетелем непрекращающейся кровавой бойни в полях мировой войны, Бунин в то же время со скорбью и страхом ожидает развала, падения «великой державы российской». «Святой Прокопий», как и написанное в том же 1916 году стихотворение «Сон епископа Игнатия Ростовского», полны смутных и тяжких предчувствий. Взгляд Бунина на Россию как на страну крестьянскую, таящую в себе взрывчатую силу «бунтов» и одновременно «смиренную» («или Сергий Радонежский, или Емелька Пугачев», как говорил он), все более укрепляется с перевесом «разрушительного» начала. Задолго до революции 1917 года Бунин, как чуткий художник, ощущал ее пришествие и воспринял приближающиеся громовые события как величайшее несчастье. В том великом противостоянии, какое образовали в пору революции классы русского общества, Бунин с его политическим консерватизмом нашел собственное место — место охранителя «исконных» стародавних устоев. На французском пароходе под греческим флагом он навсегда покинул Родину.

Творчество Бунина-поэта, понятно, продолжалось и за рубежом. Он и здесь остался верен себе, своему таланту, изображая красоту русской природы, размышляя о тайне жизни и смерти, о загадке любви. Но в его стихах 1918 — 1953 годов неотступно звучат боль и тоска по родине и невосполнимость этой утраты:

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
Как бьется сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, наемный дом
С своей уж ветхою котомкой!

(«У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...», 1922)

Эмиграция трагически надломила писателя и привела к тому, что живительный источник впечатлений резко сократился: за рубежом Бунин написал всего несколько десятков стихотворений. Правда, то были шедевры его поэзии: «У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...», «Канарейка», «Сириус», «Зачем пленяет старая могила...», «Ночь» и т. д.

Говоря о поэтическом наследии Бунина, следует особо сказать о Бунине-переводчике. В двадцать шесть лет создает он свой классический перевод «Песни о Гайавате» американского поэта Г. Лонгфелло, продолжая в течение десятилетий шлифовать и стилистически оттачивать его. Бунин обращается к английской (драматические поэмы Д. Байрона «Каин», «Манфред», «Небо и земля»; «Годива» А. Теннисона), французской (стихи А. де Мюссе, Л. де Лиля, Ф. Коппе), итальянской (Ф. Петрарка), украинской (Т. Шевченко), польской поэзии (А. Миц-

кевич, А. Асnык, Г. Сенкевич). «Ради Мицкевича, — вспоминал он,— я даже учился по-польски».

Нетрудно заметить, что во всех случаях Бунин избирает таких поэтов, такие стихи, которые более всего ему по сердцу. Воссоздавая с величайшей внутренней точностью суть оригинала, он и в переводных стихах продолжает напряженно осмыслять излюбленные проблемы, знакомые по его собственной поэзии. Достоинства Бунина в этой области точно охарактеризовал известный советский переводчик Н. Любимов: «Бунин являет собою пример нерасторжимого единства поэта оригинального и поэта-переводчика, пример однонаправленности усилий, пример взаимовлияния этих двух видов творчества. На переводной поэзии Бунина лежит печать свободной от всякого рода внешних украшений, от побрякушек и погремушек, строгой и яркой красоты его поэзии оригинальной».

В разгар первой мировой войны, в ответ на выступление Леонида Андреева, призывавшего «воспеть» мировую бойню, Бунин выступил в первом номере горьковского журнала «Летопись» со стихами, звучащими как завет последующим поколениям, как призыв бережно хранить национальную культуру, искусство, язык:

Молчат гробницы, мумии и кости,—
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

И нет у нас другого достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.

(«Слово», 1915)

Бунин-эмигрант не принял рабоче-крестьянское государство, но народ по праву вернул как национальное достояние все лучшее, что было создано писателем, в том числе и его поэзию. Певец русской природы, «вечных», «первородных» тем, мастер интимной и философской лирики, Бунин продолжает благородные классические традиции, учит любить и ценить родное Слово.

Олег Михайлов

СТИХОТВОРЕНИЯ

1886-1899

* * *

Шире, грудь, распахнись для принятия
Чувств весенних — минутных гостей!
Ты раскрой мне, природа, объятия,
Чтоб я слился с красою твоей!

Ты, высокое небо, далекое,
Беспредельный простор голубой!
Ты, зеленое поле широкое!
Только к вам я стремлюся душой!

28 марта 1886

ПОЭТ

Поэт печальный и суровый,
Бедняк, задавленный нуждой,
Напрасно нищеты оковы
Порвать стремишься ты душой!

Напрасно хочешь ты презреньем
Свои несчастья победить
И, склонный к светлым увлеченьям,
Ты хочешь верить и любить!

Нужда еще не раз отравит
Минуты светлых дум и грез,
И позабыть мечты заставит,
И доведет до горьких слез.

Когда ж, измученный скорбями,
Забыв бесплодный, тяжкий труд,
Умрешь ты с голоду, — цветами
Могильный крест твой перевьют!

1886

ДЕРЕВЕНСКИЙ НИЩИЙ

(Первое напечатанное стихотворение)

В стороне от дороги, под дубом,
Под лучами палящими спит
В зипунишке, заштопанном грубо,
Старый нищий, седой инвалид;

Изнемог он от дальней дороги
И прилег под межой отдохнуть...
Солнце жжет истомленные ноги,
Обнаженную шею и грудь...

Видно, слишком нужда одолела,
Видно, негде приюта сыскать,
И судьба беспощадно велела
Со слезами по окнам стонать...

Не увидишь такого в столице:
Тут уж впрямь истомленный нуждой!
За железной решеткой в темнице
Редко виден страдалец такой.

В долгий век свой немало он силы
За тяжелой работой убил,
Но, должно быть, у края могилы
Уж не стало хватать ему сил.

Он идет из селенья в селенье,
А мольбу чуть лепечет язык,
Смерть-близка уж, но много мученья
Перетерпит несчастный старик.

Он заснул... А потом со стенаньем
Христа ради проси и проси...
Грустно видеть, как много страданья
И тоски и нужды на Руси!

1886

* * *

Месяц задумчивый, полночь глубокая...
Хутор в степи одинок...
Дремлет в молчанье равнина широкая,
Тепел ночной ветерок.
Желтые ржи, далеко озаренные,
Морем безбрежным стоят...
Ветер повеет — они, полусонные,
Колосом спелым шуршат.
Ветер повеет — и в тучку скрывается
Полного месяца круг;
Медленно в мягкую тень погружается
Ближнее поле и луг.
Зыблется пепельный сумрак над нивами,
А над далекой межой
Свет из-за тучек бежит переливами —
Яркою, желтой волной.
И сновиденьем, волшебною сказкою
Кажется ночь, — и смущен
Ночи июльской тревожною ласкою
Сладкий предутренний сон...

1886

* * *

Как печально, как скоро померкла
На закате заря! Погляди:
Уж за ближней межою по жнивью
Ничего не видать впереди.

Далеко по широкой равнине
Сумрак ночи осенней разлит;
Лишь на западе сумрачно-алом
Силуэты чуть видпы ракит.

И ни звука! И сердце томится,
Непонятною грустью полно...
Оттого ль, что ночлег мой далеко,
Оттого ли, что в поле темно?

Оттого ли, что близкая осень
Веет чем-то знакомым, родным —
Молчаливою грустью деревни
    И безлюдьем степным?

1886

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

В блеске огней, за зеркальными стеклами,
Пышно цветут дорогие цветы,
Нежны и сладки их тонкие запахи,
Листья и стебли полны красоты.

Их возрастили в теплицах заботливо,
Их привезли из-за синих морей;
Их не пугают метели холодные,
Бурные грозы и свежесть ночей...

Есть на полях моей родины скромные
Сестры и братья заморских цветов:
Их возрастила весна благовонная
В зелени майской лесов и лугов.

Видят они не теплицы зеркальные,
А небосклона простор голубой,
Видят они не огни, а таинственный
Вечных созвездий узор золотой.

Веет от них красотою стыдливою,
Сердцу и взору родные они
И говорят про давно позабытые
Светлые дни.

1887

НА ПРУДЕ

Ясным утром на тихом пруде
  Резво ласточки реют кругом,
Опускаются к самой воде,
  Чуть касаются влаги крылом.

На лету они звонко поют,
  А вокруг зеленеют луга,
И стоит, словно зеркало, пруд,
  Отражая свои берега.

И, как в зеркале, меж тростников,
  С бегеров опрокинулся лес,
И уходит узор облаков
  В глубину отраженных небес.

Облака там нежней и белей,
  Глубина — бесконечна, светла...
И доносится мерно с полей
  Над водой тихий звон из села.

1887

* * *

В темнеющих полях, как в безграничном море,
Померк и потонул зари печальный свет —
И мягко мрак ночной плывет в ночном просторе
Немой заре вослед.

Лишь суслики во ржи скликаются свистками,
Иль по меже тушкан, таинственно, как дух,
Несется быстрыми, неслышными прыжками
И пропадает вдруг...

1887

* * *

Серп луны под тучкой длинной
Льет полночный слабый свет.
Над безмолвною долиной —
Темной церкви силуэт.

Серп луны за тучкой тает,—
Проплывая, гаснет он.
С колокольни долетает,
Замирая, сонный звон.

Серп луны в просветы тучи
С грустью тихою глядит,
Под ветвями ив плакучих
Тускло воду золотит.

И в реке, среди глубокой
Предрассветной тишины,
Замирает одинокий
Золотой двойник луны.

1887

ОКТЯБРЬСКИЙ РАССВЕТ

Ночь побледнела, и месяц садится
  За реку красным серпом.
Сонный туман на лугах серебрится,
Черный камыш отсырел и дымится,
  Ветер шуршит камышом.

Тишь на деревне. В часовне лампада
  Меркнет, устало горя.
В трепетный сумрак озябшего сада
Льется со степи волнами прохлада...
  Медленно рдеет заря.

1887

* * *

Высоко́ полный месяц стоит
В небесах над туманной землей,
Бледным светом луга серебрит,
Напоенные белою мглой.

В белой мгле, на широких лугах,
На пустынных речных берегах
Только черный засохший камыш
Да верхушки ракит различишь.

И река в берегах чуть видна...
Где-то мельница глухо шумит...
Спит село... Ночь тиха и бледна,
Высоко́ полный месяц стоит.

1887

* * *

Какая теплая и темная заря!
Давным-давно закат, чуть тлея, чуть горя,
Померк над сонными весенними полями,
И мягкими на все ложится ночь тенями,
В вечерние мечты, в раздумье погрузив
Все, от затихших рощ до придорожных ив,
И только вдалеке вечерней тьмой не скрыты
На горизонте грустные ракиты.

Над садом облака нахмурившись стоят;
Весенней сыростью наполнен тихий сад;
Над лугом, над прудом, куда ведут аллеи,
Ночные облака немного посветлее,
Но в чаще, где, сокрыв весенние цветы,
Склонились кущами зеленые кусты,
И темь, и теплота...

1888

* * *

Бледнеет ночь... Туманов пелена
В лощинах и лугах становится белее,
Звучнее лес, безжизненней луна
И серебро росы на стеклах холоднее.

Еще усадьба спит... В саду еще темно,
Недвижим тополь матово-зеленый,
И воздух слышен мне в открытое окно,
Весенним ароматом напоенный...

Уж близок день, прошел короткий сон —
И, в доме тишины не нарушая,
Неслышно выхожу из двери на балкон
И тихо светлого восхода ожидаю...

1888

* * *

Осыпаются астры в садах,
Стройный клен под окошком желтеет,
И холодный туман на полях
Целый день неподвижно белеет.
Ближний лес затихает, и в нем
Показалися всюду просветы,
И красив он в уборе своем,
Золотистой листвою одетый.
Но под этой сквозною листвой
В этих чащах не слышно ни звука...
Осень веет тоской,
Осень веет разлукой!

Поброди же в последние дни
По аллее, давно молчаливой,
И с любовью и с грустью взгляни
На знакомые нивы.
В тишине деревенских ночей
И в молчанье осенней полночи
Вспомни песни, что пел соловей,
Вспомни летние ночи
И подумай, что годы идут,
Что с весной, как минует ненастье,
Нам они не вернут
Обманувшего счастья...

1888

* * *

Не пугай меня грозою:
  Весел грохот вешних бурь!
После бури над землею
  Светит радостней лазурь,
После бури, молодея
  В блеске новой красоты,
Ароматней и пышнее
  Распускаются цветы!

Но страшит меня ненастье:
  Горько думать, что пройдет
Жизнь без горя и без счастья,
  В суете дневных забот,
Что увянут жизни силы
  Без борьбы и без труда,
Что сырой туман унылый
  Солнце скроет навсегда!

1888

* * *

Туча растаяла. Влажным теплом
Веет весенняя ночь над селом;
Ветер приносит с полей аромат,
Слабо алеет за степью закат.

Тонкий туман над стемневшей рекой
Лег серебристою нежной фатой,
И за рекою, в неясной тени,
Робко блестят золотые огни.

В тихом саду замолчал соловей;
Падают капли во мраке с ветвей;
Пахнет черемухой...

1888

* * *

Ветер осенний в лесах подымается,
Шумно по чащам идет,
Мертвые листья срывает и весело
В бешеной пляске несет.

Только замрет, припадет и послушает,—
Снова взмахнет, а за ним
Лес загудит, затрепещет,— и сыплются
Листья дождем золотым.

Веет зимою, морозными вьюгами,
Тучи плывут в небесах...
Пусть же погибнет все мертвое, слабое
И возвратится во прах!

Зимние вьюги — предтечи весенние,
Зимние вьюги должны
Похоронить под снегами холодными
Мертвых к приходу весны.

В темную осень земля укрывается
Желтой листвой, а под ней
Дремлет побегов и трав прозябание,
Сок животворных корней.

Жизнь зарождается в мраке таинственном.
Радость и гибель ея
Служат нетленному и неизменному —
Вечной красе Бытия!

1888

* * *

Пустыня, грусть в степных просторах.
Синеют тучи. Скоро снег.
Леса на дальних косогорах,
Как желто-красный лисий мех.
Под небом низким, синеватым
Вся эта сумрачная ширь
И пестрота лесов по скатам
Угрюмы, дики как Сибирь.
Я перейду луга и долы,
Где серо-сизый, неживой
Осыпался осинник голый
Лимонной мелкою листвой.
Я поднимусь к лесной сторожке —
И с грустью глянут на меня
Ее подслепые окошки
Под вечер сумрачного дня.
Но я увижу на пороге
Дочь молодую лесника:
Малы ее босые ноги,
Мала корявая рука.
От выреза льняной сорочки
Ее плечо еще круглей,
А под сорочкою — две точки
Стоячих девичьих грудей.

1888

* * *

Как все вокруг сурово, снежно,
Как этот вечер сиз и хмур!
В морозной мгле краснеют окна нежно
Из деревенских нищенских конур.

Ночь северная медленно и грозно
Возносит косное величие свое.
Как сладко мне во мгле морозной
Мое звериное жилье!

1889

* * *

На поднебесном утесе, где бури
Свищут в слепящей лазури,—
Дикий, зловонный орлиный приют.

Пью, как студеную воду,
Горную бурю, свободу,
Вечность, летящую тут.

Крым, 1889

ЦЫГАНКА

Впереди большак, подвода,
Старый пес у колеса,—
Впереди опять свобода,
Степь, простор и небеса.

Но притворщица отстала,
Ловко семечки грызет,
Говорит, что в сердце жало,
Яд горючий унесет.

Говорит... А что ж играет
Яркий угольный зрачок?
Солнцем, золотом сияет,
Но бесстрастен и далек.

Сколько юбок! Ногу стройно
Облегает башмачок,
Стан струится беспокойно,
И жемчужна смуглость щек...

Впереди большак, подвода,
Старый пес у колеса,
Счастье, молодость, свобода,
Солнце, степи, небеса.

1889

* * *

Не видно птиц. Покорно чахнет
Лес, опустевший и больной.
Грибы сошли, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибной.

Глушь стала ниже и светлее,
В кустах свалялася трава,
И, под дождем осенним тлея,
Чернеет темная листва.

А в поле ветер. День холодный
Угрюм и свеж — и целый день
Скитаюсь я в степи свободной,
Вдали от сел и деревень.

И, убаюкан шагом конным,
С отрадной грустью внемлю я,
Как ветер звоном однотонным
Гудит-поет в стволы ружья.

1889

* * *

Седое небо надо мной
И лес раскрытый, обнаженный.
Внизу, вдоль просеки лесной,
Чернеет грязь в листве лимонной.

Вверху идет холодный шум,
Внизу молчанье увяданья...
Вся молодость моя — скитанья
Да радость одиноких дум!

1889

* * *

Один встречаю я дни радостной недели, —
В глуши, на севере... А там у нас весна:
Растаял в поле снег, леса повеселели,
Даль заливных лугов лазурна и ясна;

Стыдливо белая береза зеленеет,
Проходят облака все выше и нежней,
А ветер сушит сад, и мягко в окна веет
Теплом апрельских дней...

1889

* * *

Как дымкой даль полей закрыв на полчаса,
Прошел внезапный дождь косыми полосами —
И снова глубоко синеют небеса
Над освеженными лесами.

Тепло и влажный блеск. Запахли медом ржи,
На солнце бархатом пшеницы отливают,
И в зелени ветвей, в березах у межи,
Беспечно иволги болтают.

И весел звучный лес, и ветер меж берез
Уж веет ласково, а белые березы
Роняют тихий дождь своих алмазных слез
И улыбаются сквозь слезы.

1889

В СТЕПИ

Н. Д. Телешову

Вчера в степи я слышал отдаленный
Крик журавлей. И дико и легко
Он прозвенел над тихими полями...
Путь добрый! Им не жаль нас покидать:
И новая цветущая природа,
И новая весна их ожидает
За синими, за теплыми морями,
А к нам идет угрюмая зима:
Засохла степь, лес глохнет и желтеет,
Осенний вечер, тучи нагоняя,
Открыл в кустах звериные лазы,
Листвой засыпал долы и овраги,
И по ночам в их черной темноте,
Под шум деревьев, свечками мерцают,
Таинственно блуждая, волчьи очи...
Да, край родной не радует теперь!
И все-таки, кочующие птицы,
Не пробуждает зависти во мне
Ваш звонкий крик, и гордый и свободный.

Здесь грустно. Ждем мы сумрачной поры,
Когда в степи седой туман ночует,
Когда во мгле рассвет едва белеет
И лишь бугры чернеют сквозь туман.
Но я люблю, кочующие птицы,
Родные степи. Бедные селенья —
Моя отчизна; я вернулся к ней,
Усталый от скитаний одиноких,
И понял красоту в ее печали
И счастие — в печальной красоте.

Бывают дни: повеет теплым ветром,
Проглянет солнце, ярко озаряя
И лес, и степь, и старую усадьбу,
Пригреет листья влажные в лесу,
Глядишь — и все опять повеселело!
Как хорошо, кочующие птицы,
Тогда у нас! Как весело и грустно
В пустом лесу меж черными ветвями,

Меж золотыми листьями берез
Синеет наше ласковое небо!
Я в эти дни люблю бродить, вдыхая
Осинников поблекших аромат
И слушая дроздов пролетных крики;
Люблю уйти один на дальний хутор,
Смотреть, как озимь мягко зеленеет,
Как бархатом блестят на солнце пашни,
А вдалеке, на жнивьях золотых,
Стоит туман, прозрачный и лазурный.

Моя весна тогда зовет меня,—
Мечты любви и юности далекой,
Когда я вас, кочующие птицы,
С такою грустью к югу провожал!
Мне вспоминается былое счастье,
Былые дни... Но мне не жаль былого:
Я не грущу, как прежде, о былом,—
Оно живет в моем безмолвном сердце,
А мир везде исполнен красоты.
Мне в нем теперь все дорого и близко:
И блеск весны за синими морями,
И северные скудные поля,
И даже то, что уж совсем не может
Вас утешать, кочующие птицы,—
Покорность грустной участи своей!

1889

* * *

...Зачем и о чем говорить?
Всю душу, с любовью, с мечтами,
Все сердце стараться раскрыть —
И чем же? — одними словами!

И хоть бы в словах-то людских
Не так уж все было избито!
Значенья не сыщете в них,
Значение их позабыто!

Да и кому рассказать?
При искреннем даже желанье
Никто не сумеет понять
Всю силу чужого страданья!

1889

ПОДРАЖАНИЕ ПУШКИНУ

От праздности и лжи, от суетных забав
Я одинок бежал в поля мои родные,
Я странником вступил под сень моих дубрав,
Под их навесы вековые,

И, зноем истомлен, я на пути стою
И пью лесных ветров живительную влагу...
О, возврати, мой край, мне молодость мою,
И юных блеск очей, и юную отвагу!

Ты видишь — я красы твоей не позабыл
И, сердцем чист, твой мир благословляю...
Обетованному отеческому краю
Я приношу остаток гордых сил.

1890

* * *

Ту звезду, что качалася в темной воде
Под кривою ракитой в заглохшем саду, —
Огонек, до рассвета мерцавший в пруде,
Я теперь в небесах никогда не найду.

В то селенье, где шли молодые года,
В старый дом, где я первые песни слагал,
Где я счастья и радости в юности ждал,
Я теперь не вернусь никогда, никогда.

1891

АНГЕЛ

В вечерний час, над степью мирной,
Когда закат над ней сиял,
Среди небес, стезей эфирной
Вечерний ангел пролетал.

Он видел сумрак предзакатный,—
Уже синел вдали восток,—
И вдруг услышал он невнятный
Во ржах ребенка голосок.

Он шел, колосья собирая,
Сплетал венок и пел в тиши,
И были в песне звуки рая —
Невинной, неземной души.

«Благослови меньшого брата,—
Сказал Господь.— Благослови
Младенца в тихий час заката
На путь и правды и любви!»

И ангел светлою улыбкой
Ребенка тихо осенил
И на закат лучисто-зыбкий
Поднялся в блеске нежных крыл.

И, точно крылья золотые,
Заря пылала в вышине,
И долго очи молодые
За ней следили в тишине!

1891

РОДИНЕ

Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом черных хат...

Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей —
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей,

Глядит с улыбкой состраданья
На ту, кто сотни верст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла.

1891

* * *

Свежеют с каждым днем и молодеют сосны,
Чернеет лес, синеет мягче даль,—
Сдается наконец сырым ветрам февраль,
И потемнел в лощинах снег наносный.

На гумнах и в саду по-зимнему покой
Царит в затишье дедовских строений,
Но что-то тянет в зал, холодный и пустой,
Где пахнет сыростью весенней.

Сквозь стекла потные заклеенных дверей
Гляжу я на балкон, где снег еще навален,
И голый, мокрый сад теперь мне не печален,—
На гнезда в сучьях лип опять я жду грачей.

Жду, как в тюрьме, давно желанной воли,
Туманов мартовских, чернеющих бугров,
И света, и тепла от белых облаков,
И первых жаворонков в поле!

1892

* * *

Бушует полая вода,
Шумит и глухо, и протяжно.
Грачей пролетные стада
Кричат и весело, и важно.

Дымятся черные бугры,
И утром в воздухе нагретом
Густые белые пары
Напоены теплом и светом.

А в полдень лужи под окном
Так разливаются и блещут,
Что ярким солнечным пятном
По залу «зайчики» трепещут.

Меж круглых рыхлых облаков
Невинно небо голубеет,
И солнце ласковое греет
В затишье гумен и дворов.

Весна, весна! И все ей радо.
Как в забытьи каком стоишь
И слышишь свежий запах сада
И теплый запах талых крыш.

Кругом вода журчит, сверкает,
Крик петухов звучит порой,
А ветер, мягкий и сырой,
Глаза тихонько закрывает.

1892

То разрастаясь, то слабея,
Гром за усадьбой грохотал,
Шумела тополей аллея,
На стекла сумрак набегал.
Все ниже тучи наплывали;
Все ощутительней, свежей
Порывы ветра обвевали
Дождем и запахом полей.
В полях хлеба к межам клонились...
А из лощин и из садов —
Отвсюду с ветром доносились
Напевы ранних соловьев.

Но вот по тополям и кленам
Холодный вихорь пролетел...
Сухой бурьян зашелестел,
Окно захлопнулось со звоном,
Блеснула молния огнем...
И вдруг над самой крышей дома
Раздался треск короткий грома
И тяжкий грохот... Все кругом
Затихло сразу и глубоко,
Сад потемневший присмирел, —
И благодатно и широко
Весенний ливень зашумел.
На межи низко наклонились
Хлеба в полях... А из садов
Все так же звучно доносились
Напевы ранних соловьев.

Когда же, медленно слабея,
Дождь отшумел и замер гром,
Ночь переполнила аллеи
Благоуханьем и теплом.
Пар, неподвижный и пахучий,
Стоял в хлебах. Спала земля.
Заря чуть теплилась под тучей
Полоской алого огня.

А из лощин, где распускались
Во тьме цветы, и из садов
Лились и в чащах отдавались
Все ярче песни соловьев.

1892

* * *

Гаснет вечер, даль синеет,
  Солнышко садится,
Степь да степь кругом — и всюду
  Нива колосится!
Пахнет медом, зацветает
  Белая гречиха...
Звон к вечерне из деревни
  Долетает тихо...
А вдали кукушка в роще
  Медленно кукует...
Счастлив тот, кто на работе
  В поле заночует!

Гаснет вечер, скрылось солнце,
  Лишь закат краснеет...
Счастлив тот, кому зарею
  Теплый ветер веет;
Для кого мерцают кротко,
  Светятся с приветом
В темном небе темной ночью
  Звезды тихим светом;
Кто устал на ниве за день
  И уснет глубоко
Мирным сном под звездным небом
  На степи широкой!

1892

* * *

Еще от дома на дворе
Синеют утренние тени,
И под навесами строений
Трава в холодном серебре;
Но уж сияет яркий зной,
Давно топор стучит в сарае,
И голубей пугливых стаи
Сверкают снежной белизной.

С зари кукушка за рекою
Кукует звучно вдалеке,
И в молодом березняке
Грибами пахнет и листвою.
На солнце светлая река
Трепещет радостно, смеется,
И гулко в роще отдается
Над нею ладный стук валька.

1892

* * *

В стороне далекой от родного края
Снится мне приволье тихих деревень,
В поле при дороге белая береза,
Озими да пашни — и апрельский день.
Ласково синеет утреннее небо,
Легкой белой зыбью облака плывут,
Важно грач гуляет за сохой на пашне,
Пар блестит над пашней... А кругом поют
Жаворонки в ясной вышине воздушной
И на землю с неба звонко трели льют.

В стороне далекой от родного края
Девушкой-невестой снится мне Весна:
Очи голубые, личико худое,
Стройный стан высокий, русая коса.
Весело ей в поле теплым, ясным утром!
Мил ей край родимый — степь и тишина,
Мил ей бедный север, мирный труд крестьянский,
И с приветом смотрит на поля она:
На устах улыбка, а в очах раздумье —
Юности и счастья первая весна!

1893

* * *

За рекой луга зазеленели,
Веет легкой свежестью воды;
Веселей по рощам зазвенели
Песни птиц на разные лады.

Ветерок с полей тепло приносит,
Горький дух лозины молодой...
О, весна! Как сердце счастья просит!
Как сладка печаль моя весной!

Кротко солнце листья пригревает
И дорожки мягкие в саду...
Не пойму, что́ душу раскрывает
И куда я медленно бреду!

Не пойму, кого с тоской люблю я,
Кто мне дорог... И не все ль равно?
Счастья жду я, мучась и тоскуя,
Но не верю в счастье уж давно!

Горько мне, что я бесплодно трачу
Чистоту и нежность лучших дней,
Что один я радуюсь и плачу
И не знаю, не люблю людей.

1893

В ПОЕЗДЕ

Все шире вольные поля
Проходят мимо нас кругами;
И хутора и тополя
Плывут, скрываясь за полями.

Вот под горою скит святой
В бору белеет за лугами...
Вот мост железный над рекой
Промчался с грохотом под нами...

А вот и лес! — И гул идет
Под стук колес в лесу зеленом;
Берез веселых хоровод,
Шумя, встречает нас поклоном.

От паровоза белый дым,
Как хлопья ваты, расползаясь,
Плывет, цепляется по ним,
К земле беспомощно склоняясь...

Но уж опять кусты пошли,
Опять деревьев строй редеет,
И бесконечная вдали
Степь развернулась и синеет,

Опять привольные поля
Проходят мимо нас кругами,
И хутора, и тополя
Плывут, скрываясь за полями.

1893

* * *

Ночь идет — и темнеет
Бледно-синий восток...
От одежд ее веет
По полям ветерок.

День был долог и зноен...
Ночь идет и поет
Колыбельную песню
И к покою зовет.

Грустен взор ее темный,
Одинок ее путь...
Спи-усни, мое сердце!
Отдохни... Позабудь.

1893

* * *

...И снилося мне, что осенней порой
В холодную ночь я вернулся домой.
По темной дороге прошел я один
К знакомой усадьбе, к родному селу...
Трещали обмерзшие сучья лозин
От бурного ветра на старом валу...
Деревня спала... И со страхом, как вор,
Вошел я в пустынный, покинутый двор.

И сжалося сердце от боли во мне,
Когда я кругом поглядел при огне!
Навис потолок, обвалились углы,
Повсюду скрипят под ногами полы
И пахнет печами... Заброшен, забыт,
Навеки забыт он, родимый наш дом!
Зачем же я здесь? Что осталося в нем,
И если осталось — о чем говорит?

И снилося мне, что всю ночь я ходил
По саду, где ветер кружился и выл,
Искал я отцом посаженную ель,
Тех комнат искал, где сбиралась семья,
Где мама качала мою колыбель
И с нежною грустью ласкала меня,—
С безумной тоскою кого-то я звал,
И сад обнаженный гудел и стонал...

1893

МАТЬ

И дни и ночи до утра
В степи бураны бушевали,
И вешки снегом заметали,
И заносили хутора.
Они врывались в мертвый дом —
И стекла в рамах дребезжали,
И снег сухой в старинной зале
Кружился в сумраке ночном.

Но был огонь — не угасая,
Светил в пристройке по ночам,
И мать всю ночь ходила там,
Глаз до рассвета не смыкая.
Она мерцавшую свечу
Старинной книгой заслонила
И, положив дитя к плечу,
Все напевала и ходила...

И ночь тянулась без конца...
Порой, дремотой обвевая,
Шумела тише вьюга злая,
Шуршала снегом у крыльца.
Когда ж буран в порыве диком
Внезапным шквалом налетал,
Казалось ей, что дом дрожал,
Что кто-то слабым, дальним криком
В степи на помощь призывал.
И до утра не раз слезами
Ее усталый взор блестел,
И мальчик вздрагивал, глядел
Большими темными глазами...

1893

КОВЫЛЬ

> Что ми шумить, что ми звенить
> давеча рано предъ зорями?
>
> *Сл. о Пл. Игор.*

I

Что шумит-звенит перед зарею?
Что колышет ветер в темном поле?

Холодеет ночь перед зарею,
Смутно травы шепчутся сухие,—
Сладкий сон их нарушает ветер.
Опускаясь низко над полями,
По курганам, по могилам сонным,
Нависает в темных балках сумрак.
Бледный день над сумраком забрезжил,
И рассвет ненастный задымился...
Что шумит-звенит перед зарею?
Что колышет ветер в темном поле?

Холодеет ночь перед зарею,
Серой мглой подернулися балки...
Или это ратный стан белеет?
Или снова веет вольный ветер
Над глубоко спящими полками?
Не ковыль ли, старый и сонливый,
Он качает, клонит и качает,
Вежи половецкие колышет
И бежит-звенит старинной былью?

II

Ненастный день. Дорога прихотливо
Уходит вдаль. Кругом все степь да степь.
Шумит трава дремотно и лениво,
Немых могил сторожевая цепь
Среди хлебов загадочно синеет,
Кричат орлы, пустынный ветер веет
В задумчивых, тоскующих полях,
Да день от туч кочующих темнеет.

А путь бежит... Не тот ли это шлях,
Где Игоря обозы проходили

На синий Дон? Не в этих ли местах
В глухую ночь в яругах волки выли,
А днем орлы на медленных крылах
Его в степи безбрежной провожали
И клектом псов на кости созывали,
Грозя ему великою бедой?
— Гей, отзовись, степной орел седой!
Ответь мне, ветер буйный и тоскливый!

...Безмолвна степь. Один ковыль сонливый
Шуршит, склоняясь ровной чередой...

1894

В ГЕФСИМАНСКОМ САДУ

...И в этот час, гласит преданье,
Когда, сомнением томим,
Изнемогал он от страданья,
Все преклонилось перед ним.

Затихла ночь в благоговенье,
И слышал он: «Моих ветвей
Колючий терн — венцом мученья
Возложат на главе твоей;

Но терн короною зеленой
Чело святое обовьет —
В мир под страдальческой короной,
Как царь царей, Господь войдет!»

И кипарис, над ним шумящий,
Ему шептал во тьме ночной:
«Благословен Господь скорбящий,—
Велик и славен подвиг твой!

Я вознесу над всей вселенной
Мой тяжкий крест, и на кресте
Весь мир узрит тебя, смиренный,
В неизреченной красоте!»

Но снова он в тоске склонялся,
Но снова он скорбел душой —
И ветер ласковой струей
Его чела в тиши касался:

«О, подними свой грустный взор!
В час скорби, в темный час страданья
Прохлады свежее дыханье
Я принесу с долин и гор,

Я нежной лаской аромата
Твои мученья облегчу,
Я от востока до заката
Твои глаголы возвещу!»

1894

* * *

Могилы, ветряки, дороги и курганы —
Все смерклось, отошло и скрылося из глаз.
За дальней их чертой погас закат румяный,
Но точно ждет чего вечерний тихий час.

И вот идет она, Степная Ночь, с востока...
За нею синий мрак над нивами встает...
На меркнущий закат, грустна и одинока,
Она задумчиво среди хлебов идет.

И медлит на межах, и слушает молчанье...
Глядит вослед зари, где в призрачной дали
Еще мерещутся колосьев очертанья
И слабо брезжит свет над сумраком земли.

И полон взор ее, загадочно-унылый,
Великой кротости и думы вековой
О том, что ведают лишь темные могилы,
Степь молчаливая да звезд узор живой.

1894

* * *

Если б только можно было
Одного себя любить,
Если б прошлое забыть,—
Все, что ты уже забыла,

Не смущал бы, не страшил
Вечный сумрак вечной ночи:
Утомившиеся очи
Я бы с радостью закрыл!

1894

* * *

Нагая степь пустыней веет...
Уж пал зазимок на поля,
И в черных пашнях снег белеет,
Как будто в трауре земля.
Глубоким сном среди лощины
Деревня спит... Ноябрь идет,
Пруд застывает, и с плотины
Листва поблекшая лозины
Уныло сыплется на лед.

Вот день... Но скупо над землею
Сияет солнце; поглядит
Из-за бугра оно зарею
Сквозь сучья черные ракит,
Пригреет кроткими лучами —
И вновь потонет в облаках...
А ветер жидкими тенями
В саду играет под ветвями,
Сухой травой шуршит в кустах...

1894

* * *

Что в том, что где-то, на далеком
Морском прибрежье, валуны
Блестят на солнце мокрым боком
Из набегающей волны?

Не я ли сам, по чьей-то воле,
Вообразил тот край морской,
Осенний ветер, запах соли
И белых чаек шумный рой?

О, сколько их — невыразимых,
Ненужных миру чувств и снов,
Душою в сладкой муке зримых, —
И что они? И чей в них зов?

1895

НА ПРОСЕЛКЕ

Веет утро прохладой степною...
  Тишина, тишина на полях!
Заросла повиликой-травою
  Полевая дорога в хлебах.

В мураве колеи утопают,
  А за ними, с обеих сторон,
В сизых ржах васильки зацветают,
  Бирюзовый виднеется лен,

Серебрится ячмень колосистый,
  Зеленеют привольно овсы,
И в колосьях брильянты росы
  Ветерок зажигает душистый,

И вливает отраду он в грудь,
  И свевает с души он тревоги...
Весел мирный проселочный путь,
  Хороши вы, степные дороги!

1895

* * *

Поздний час. Корабль и тих и темен,
Слабо плещут волны за кормой.
Звездный свет да океан зеркальный —
Царство этой ночи неземной.

В царстве безграничного молчанья,
В тишине глубокой сторожат
Час полночный звезды над морями
И в морях таинственно дрожат.

Южный Крест, загадочный и кроткий,
В душу льет свой нежный свет ночной —
И душа исполнена предвечной
Красоты и правды неземной.

1895

МЕТЕЛЬ

Ночью в полях, под напевы метели,
Дремлют, качаясь, березки и ели...
Месяц меж тучек над полем сияет,—
Бледная тень набегает и тает...
Мнится мне ночью: меж белых берез
Бродит в туманном сиянье Мороз.

Ночью в избе, под напевы метели,
Тихо разносится скрип колыбели...
Месяца свет в темноте серебрится —
В мерзлые стекла по лавкам струится...
Мнится мне ночью: меж сучьев берез
Смотрит в безмолвные избы Мороз.

Мертвое поле, дорога степная!
Вьюга тебя заметает ночная,
Спят твои села под песни метели,
Дремлют в снегу одинокие ели...
Мнится мне ночью: не степи кругом —
Бродит Мороз на погосте глухом...

1887 — 1895

* * *

В окошко из темной каюты
Я высунул голову. Ночь.
Кипящее черное море
Потопом уносится прочь.

Над морем — тупая громада
Стальной пароходной стены.
Торчу из нее и пьянею
От зыбко бегущей волны.

И все забирает налево
Покатая к носу стена,
Хоть должен я верить, что прямо
Свой путь пролагает она.

Все вкось чья-то сила уводит
Наш темный полуночный гроб,
Все будто на нас, а все мимо
Несется кипящий потоп.

Одно только звездное небо,
Один небосвод недвижим,
Спокойный и благостный, чуждый
Всему, что так мрачно под ним.

1896

РОДИНА

Под небом мертвенно-свинцовым
Угрюмо меркнет зимний день,
И нет конца лесам сосновым,
И далеко до деревень.

Один туман молочно-синий,
Как чья-то кроткая печаль,
Над этой снежною пустыней
Смягчает сумрачную даль.

1896

* * *

Ночь и даль седая,—
  В инее леса́.
Звездами мерцая,
  Светят небеса.

Звездный свет белеет,
  И земля окрест
Стынет-цепенеет
  В млечном свете звезд.

Тишина пустыни...
  Четко за горой
На реке в долине
  Треснет лед порой...

Метеор зажжется,
  Озаряя снег...
Шорох пронесется —
  Зверя легкий бег...

И опять — молчанье...
  В бледной мгле равнин,
Затаив дыханье,
  Я стою один.

1896

НА ДНЕПРЕ

За мирным Днепром, за горами
Заря догорала светло,
И тепел был воздух вечерний,
И ясно речное стекло.

Вечернее алое небо
Гляделось в зеркальный затон,
И тихо под лодкой качался
В бездонной реке небосклон...

Далекое, мирное счастье!
Не знаю, кого я любил,
Чей образ, и нежный, и милый,
Так долго я в сердце хранил.

Но сердце грустит и доныне...
И помню тебя я, как сон —
И близкой, и странно далекой,
Как в светлой реке небосклон...

1896

КИПАРИСЫ

Пустынная Яйла дымится облаками,
В туманный небосклон ушла морская даль,
Шумит внизу прибой, залив кипит волнами,
А здесь — глубокий сон и вечная печаль.

Пусть в городе живых, у синего залива,
Гремит и блещет жизнь... Задумчивой толпой
Здесь кипарисы ждут — и строго, молчаливо
Восходит Смерть сюда с добычей роковой.

Жизнь не смущает их, минутная, дневная...
Лишь только колокол вечерний с берегов
Перекликается, звеня и завывая,
С могильной стражею белеющих крестов.

1896

* * *

Отчего ты печально, вечернее небо?
Оттого ли, что жаль мне земли,
Что туманно синеет безбрежное море
И скрывается солнце вдали?

Отчего ты прекрасно, вечернее небо?
Оттого ль, что далеко земля,
Что с прощальною грустью закат угасает
На косых парусах корабля

И шумят тихим шумом вечерние волны
И баюкают песней своей
Одинокое сердце и грустные думы
В беспредельном просторе морей?

1897

СЕВЕРНОЕ МОРЕ

Холодный ветер, резкий и упорный,
Кидает нас, и тяжело грести;
Но не могу я взоров отвести
От бурных волн, от их пучины черной.

Они кипят, бушуют и гудят,
В ухабах их, меж зыбкими горами,
Качают чайки острыми крылами
И с воплями над бездною скользят.

И ветер вторит диким завываньем
Их жалобным, но радостным стенаньям,
Потяжелее выбирает вал,

Напрягши грудь, на нем взметает пену
И бьет его о каменную стену
Прибрежных мрачных скал.

1897

НА ХУТОРЕ

Свечи нагорели, долог зимний вечер...
Сел ты на лежанку, поднял тихий взгляд —
И звучит гитара удалью печальной
Песне беззаботной, старой песне в лад.

«Где ты закатилось, счастье золотое?
Кто тебя развеял по чистым полям?
Не взойти над степью солнышку с заката,
Нет пути-дороги к невозвратным дням!»

Свечи нагорели, долог зимний вечер...
Брови ты приподнял, грустен тихий взгляд...
Не судья тебе я за грехи былого!
Не воротишь жизни прожитой назад!

1897

* * *

Скачет пристяжная, снегом обдает...
Сонный зимний ветер надо мной поет,
В полусне волнуясь, по полю бежит,
Вместе с колокольчиком жалобно дрожит.

Эй, проснися, ветер! Подыми пургу,
Задымись метелью белою в лугу,
Загуди поземкой, закружись в степи,
Крикни вместо песни: «Постыдись, не спи!»

Безотраден путь мой! Каждый божий день —
Глушь лесов да холод-голод деревень...
Стыдно мне и больно... Только стыд-то мой
Слишком скоро гаснет в тишине немой!

Сонный зимний ветер надо мной поет,
Усыпляет песней, воли не дает,
Пусть заносит снегом, по полю бежит,
Вместе с колокольчиком жалобно дрожит...

1897

* * *

Я к ней вошел в полночный час.
Она спала, — луна сияла
В ее окно, — и одеяла
Светился спущенный атлас.

Она лежала на спине,
Нагие раздвоивши груди, —
И тихо, как вода в сосуде,
Стояла жизнь ее во сне.

1898

* * *

Снова сон, пленительный и сладкий,
Снится мне и радостью пьянит, —
Милый взор зовет меня украдкой,
Ласковой улыбкою манит.

Знаю я, — опять меня обманет
Этот сон при первом блеске дня,
Но пока печальный день настанет,
Улыбнись мне — обмани меня!

1898

* * *

Звезды ночью весенней нежнее,
Соловьи осторожней поют...
Я люблю эти темные ночи,
Эти звезды, и клены, и пруд.

Ты, как звезды, чиста и прекрасна...
Радость жизни во всем я ловлю —
В звездном небе, в цветах, в ароматах...
Но тебя я нежнее люблю.

Лишь с тобою одною я счастлив,
И тебя не заменит никто:
Ты одна меня знаешь и любишь
И одна понимаешь — за что!

1898

ПЛЕЯДЫ

Стемнело. Вдоль аллей, над сонными прудами,
Бреду я наугад.
Осенней свежестью, листвою и плодами
Благоухает сад.

Давно он поредел,— и звездное сиянье
Белеет меж ветвей.
Иду я медленно,— и мертвое молчанье
Царит во тьме аллей.

И звонок каждый шаг среди ночной прохлады.
И царственным гербом
Горят холодные алмазные Плеяды
В безмолвии ночном.

1898

* * *

И вот опять уж по зарям
В выси, пустынной и привольной,
Станицы птиц летят к морям,
Чернея цепью треугольной.

Ясна заря, безмолвна степь,
Закат алеет, разгораясь...
И тихо в небе эта цепь
Плывет, размеренно качаясь.

Какая даль и вышина!
Глядишь — и бездной голубою
Небес осенних глубина
Как будто тает над тобою.

И обнимает эта даль, —
Душа отдаться ей готова,
И новых, светлых дум печаль
Освобождает от земного.

1898

* * *

Листья падают в саду...
В этот старый сад, бывало,
Ранним утром я уйду
И блуждаю где попало.
Листья кружатся, шуршат,
Ветер с шумом налетает —
И гудит, волнуясь, сад,
И угрюмо замирает.
Но в душе — все веселей!
Я люблю, я молод, молод:
Что мне этот шум аллей
И осенний мрак и холод?
Ветер вдаль меня влечет,
Звонко песнь мою разносит,
Сердце страстно жизни ждет,
Счастья просит!

Листья падают в саду,
Пара кружится за парой...
Одиноко я бреду
По листве в аллее старой,
В сердце — новая любовь,
И мне хочется ответить
Сердцу песнями — и вновь
Беззаботно счастье встретить.
Отчего ж душа болит?
Кто грустит, меня жалея?
Ветер стонет и пылит
По березовой аллее,
Сердце слезы мне теснят,
И, кружась в саду угрюмом,
Листья желтые летят
С грустным шумом!

1898

* * *

Таинственно шумит лесная тишина.
Незримо по лесам поет и бродит Осень...
Темнеет день за днем,— и вот опять слышна
Тоскующая песнь под звон угрюмых сосен.

«Пусть по ветру летит и кружится листва,
Пусть заметет она печáльный след былого!
Надежда, грусть, любовь — вы, старые слова,
Как блеклая листва, не расцветете снова!»

Угрюмо бор гудит, несутся листья вдаль...
Но в шумном ропоте и песне безнадежной
Я слышу жалобу: в ней тихая печаль,
Укор былой весне, и ласковый, и нежный.

И далеко еще безмолвная зима...
Душа готова вновь волненьям предаваться,
И сладко ей грустить и грустью упиваться,
Не внемля голосу ума.

1898

* * *

Как светла, как нарядна весна!
Погляди мне в глаза, как бывало,
И скажи: отчего ты грустна?
Отчего ты так ласкова стала?

Но молчишь ты, слаба, как цветок...
О, молчи! Мне не надо признанья:
Я узнал эту ласку прощанья, —
Я опять одинок!

1899

* * *

Зеленоватый свет пустынной лунной ночи,
Далеко под горой — морской пустынный блеск...
Я слышу на горах осенний ветер в соснах
И под обрывом скал — невнятный шум и плеск.

Порою блеск воды, как медный щит, светлеет.
Порой тускнеет он и зыбью взор томит...
Как в полусне сижу... Осенний ветер веет
Соленой свежестью — и все кругом шумит.

И в шорохе глухом и гуле горных сосен
Я чувствую тоску их безнадежных дум,
А в шумном плеске волн — лишь холод лунной ночи
Да мертвый плеск и шум.

1899

1900-1902

* * *

Враждебных полон тайн на взгорье спящий лес.
Но мирно розовый мерцает Антарес
На южных небесах, куда прозрачным дымом
Нисходит Млечный Путь к лугам необозримым.
С опушки на луга гляжу из-под ветвей,
И дышит ночь теплом, и сердце верит ей,—
Колосьям божьих нив, на гнездах смолкшим птицам,
Мерцанью кротких звезд и ласковым зарницам,
Играющим огнем вокруг немой земли
Пред взором путника, звенящего вдали
Валдайским серебром, напевом беззаботным
В просторе полевом, спокойном и дремотном.

1900

* * *

Нет солнца, но свéтлы пруды,
Стоят зеркалами литыми,
И чаши недвижной воды
Совсем бы казались пустыми,
Но в них отразились сады.

Вот капля, как шляпка гвоздя,
Упала — и, сотнями игол
Затоны прудов бороздя,
Сверкающий ливень запрыгал —
И сад зашумел от дождя.

И ветер, играя листвою,
Смешал молодые березки,
И солнечный луч, как живой,
Зажег задрожавшие блестки,
А лужи налил синевой.

Вон радуга... Весело жить
И весело думать о небе,
О солнце, о зреющем хлебе
И счастьем простым дорожить:

С открытой бродить головой,
Глядеть, как рассыпали дети
В беседке песок золотой...
Иного нет счастья на свете.

1900

ЛИСТОПАД

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Веселой, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной.

Березы желтою резьбой
Блестят в лазури голубой,
Как вышки, елочки темнеют,
А между кленами синеют
То там, то здесь в листве сквозной
Просветы в небо, что оконца.
Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,
И Осень тихою вдовой
Вступает в пестрый терем свой.

Сегодня на пустой поляне,
Среди широкого двора,
Воздушной паутины ткани
Блестят, как сеть из серебра.
Сегодня целый день играет
В дворе последний мотылек
И, точно белый лепесток,
На паутине замирает,
Пригретый солнечным теплом;
Сегодня так светло кругом,
Такое мертвое молчанье
В лесу и в синей вышине,
Что можно в этой тишине
Расслышать листика шуршанье.
Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Стоит над солнечной поляной,
Завороженный тишиной;
Заквохчет дрозд, перелетая
Среди подседа, где густая
Листва янтарный отблеск льет;
Играя, в небе промелькнет
Скворцов рассыпанная стая —
И снова все кругом замрет.

Последние мгновенья счастья!
Уж знает Осень, что такой
Глубокий и немой покой —
Предвестник долгого ненастья.
Глубоко, странно лес молчал
И на заре, когда с заката
Пурпурный блеск огня и злата
Пожаром терем освещал.
Потом угрюмо в нем стемнело.
Луна восходит, а в лесу
Ложатся тени на росу...
Вот стало холодно и бело
Среди полян, среди сквозной
Осенней чащи помертвелой,
И жутко Осени одной
В пустынной тишине ночной.

Теперь уж тишина другая:
Прислушайся — она растет,
А с нею, бледностью пугая,
И месяц медленно встает.
Все тени сделал он короче,
Прозрачный дым навел на лес
И вот уж смотрит прямо в очи
С туманной высоты небес.
О, мертвый сон осенней ночи!
О, жуткий час ночных чудес!
В сребристом и сыром тумане
Светло и пусто на поляне;
Лес, белым светом залитой,
Своей застывшей красотой
Как будто смерть себе пророчит;
Сова и та молчит: сидит
Да тупо из ветвей глядит,
Порою дико захохочет,
Сорвется с шумом с высоты,
Взмахнувши мягкими крылами,
И снова сядет на кусты
И смотрит круглыми глазами,
Водя ушастой головой
По сторонам, как в изумленье;
И лес стоит в оцепененье,
Наполнен бледной, легкой мглой
И листьев сыростью гнилой...

Не жди: наутро не проглянет
На небе солнце. Дождь и мгла
Холодным дымом лес туманят, —
Недаром эта ночь прошла!
Но Осень затаит глубоко
Все, что она пережила
В немую ночь, и одиноко
Запрется в тереме своем:
Пусть бор бушует под дождем,
Пусть мрачны и ненастны ночи
И на поляне волчьи очи
Зеленым светятся огнем!
Лес, точно терем без призора,
Весь потемнел и полинял,
Сентябрь, кружась по чащам бора,
С него местами крышу снял
И вход сырой листвой усыпал;
А там зазимок ночью выпал
И таять стал, все умертвив...

Трубят рога в полях далеких,
Звенит их медный перелив,
Как грустный вопль, среди широких
Ненастных и туманных нив.
Сквозь шум деревьев, за долиной,
Теряясь в глубине лесов,
Угрюмо воет рог туриный,
Скликая на добычу псов,
И звучный гам их голосов
Разносит бури шум пустынный.
Льет дождь, холодный, точно лед,
Кружатся листья по полянам,
И гуси длинным караваном
Над лесом держат перелет.
Но дни идут. И вот уж дымы
Встают столбами на заре,
Леса багряны, недвижимы,
Земля в морозном серебре,
И в горностаевом шугае,
Умывши бледное лицо,
Последний день в лесу встречая,
Выходит Осень на крыльцо.
Двор пуст и холоден. В ворота,
Среди двух высохших осин,

Видна ей синева долин
И ширь пустынного болота,
Дорога на далекий юг:
Туда от зимних бурь и вьюг,
От зимней стужи и метели
Давно уж птицы улетели;
Туда и Осень поутру
Свой одинокий путь направит
И навсегда в пустом бору
Раскрытый терем свой оставит.

Прости же, лес! Прости, прощай,
День будет ласковый, хороший,
И скоро мягкою порошей
Засеребрится мертвый край.
Как будут странны в этот белый,
Пустынный и холодный день
И бор, и терем опустелый,
И крыши тихих деревень,
И небеса, и без границы
В них уходящие поля!
Как будут рады соболя,
И горностаи, и куницы,
Резвясь и греясь на бегу
В сугробах мягких на лугу!
А там, как буйный пляс шамана,
Ворвутся в голую тайгу
Ветры из тундры, с океана,
Гудя в крутящемся снегу
И завывая в поле зверем.
Они разрушат старый терем,
Оставят колья и потом
На этом остове пустом
Повесят инеи сквозные,
И будут в небе голубом
Сиять чертоги ледяные
И хрусталем и серебром.
А в ночь, меж белых их разводов,
Взойдут огни небесных сводов,
Заблещет звездный щит Стожар —
В тот час, когда среди молчанья
Морозный светится пожар,
Расцвет полярного сиянья.

1900

НА РАСПУТЬЕ

На распутье в диком древнем поле
Черный ворон на кресте сидит.
Заросла бурьяном степь на воле,
И в траве заржавел старый щит.

На распутье люди начертали
Роковую надпись: «Путь прямой
Много бед готовит, и едва ли
Ты по нем воротишься домой.

Путь направо без коня оставит —
Побредешь один и сир, и наг,—
А того, кто влево путь направит,
Встретит смерть в незнаемых полях...»

Жутко мне! Вдали стоят могилы...
В них былое дремлет вечным сном...
«Отзовися, ворон чернокрылый!
Укажи мне путь в краю глухом».

Дремлет полдень. На тропах звериных
Тлеют кости в травах. Три пути
Вижу я в желтеющих равнинах...
Но куда и как по ним идти?

Где равнина дикая граничит?
Кто, пугая чуткого коня,
В тишине из синей дали кличет
Человечьим голосом меня?

И один я в поле, и отважно
Жизнь зовет, а смерть в глаза глядит...
Черный ворон сумрачно и важно,
Полусонный, на кресте сидит.

1900

Где ельник сумрачный стоит
В лесу зубчатым темным строем,
Где старый позабытый скит
Манит задумчивым покоем,

Есть птица Вирь. Ее убор
Весь серо-аспидного цвета,
Головка в хохолке, а взор
Исполнен скорбного привета.

Она так жалостно поет,
С такою нежностью глубокой,
Что, если к скиту забредет
Случайно путник одинокий,

Он не покинет те места:
Лес молчаливый и унылый
И скорбной песни красота
Полны неотразимой силы!

И вот, когда в лесу пустом
Горит заря, а ельник черный
Стоит на фоне золотом
Стеною траурно-узорной,

С какой отрадой ловит он
Все, что зарей еще печальней:
Вечерний колокольный звон,
Напевы женщин в роще дальней,

И гул сосны, и ветерка
Однообразный шелест в чаще...
Невыразима их тоска,
И нет ее больней и слаще!

Когда же лес, одетый тьмой,
Сгустится в ней и тьма сольется

С его могильной бахромой,—
Вирь в темноте тревожно вьется,

В испуге бьется средь ветвей,
Тоскливо стонет и рыдает,
И тем тоскливей, тем грустней,
Чем человек больней страдает...

1900

Сумрак ночи к западу уходит,
Серой мглой над черной пашней бродит,
По бурьянам стелется к земле...
Звезды стали тусклы и далеки,
Небеса туманны и глубоки,
Но восток уж виден в полумгле.

Лошади продрогли. Север дышит
Ветром ночи и полынь колышет...
Вот и утро! — В колеях дорог
Грязь чернеет, лужи заалели...
Томно псы голодные запели...
Встань, труби в холодный, звонкий рог!

1900

* * *

Все темней и кудрявей березовый лес зеленеет;
Колокольчики ландышей в чаще зеленой цветут;
На рассвете в долинах теплом и черемухой веет,
Соловьи до рассвета поют.

Скоро Троицын день, скоро песни, венки и покосы...
Все цветет и поет, молодые надежды тая...
О весенние зори и теплые майские росы!
О далекая юность моя!

1900

* * *

Не угас еще вдали закат,
И листва сквозит узором четким,
А под ней уж серебрится сад
Светом и таинственным, и кротким:

Народился месяц молодой.
Робко он весенними зорями
Светит над зеркальною водой,
По садам сияя меж ветвями.

Завтра он зарею выйдет вновь
И опять напомнит, одинокий,
Мне весну, и первую любовь,
И твой образ, милый и далекий...

1900

* * *

Лес шумит невнятным, ровным шумом...
Лепет листьев клонит в сон и лень...
Петухи в далекой караулке
Распевают про весенний день.

Лес шумит невнятным, тихим шумом...
Хорошо и беззаботно мне
На траве, среди берез зеленых,
В тихой и безвестной стороне!

1900

* * *

Вдали еще гремит, но тучи уж свалились,
Как горы дымные, идут они на юг.
Опять лазурь ясна, опять весна вокруг,
И ярким солнцем чащи озарились.

Из-за лесных вершин далекой церкви шпиц
Горячим золотом трепещет и сверкает,
Звенят в низах ручьи, и льется пенье птиц,
А на полянах снова припекает.

Густеет облаков волнистое руно;
Они сдвигаются, спускаются все ниже —
И вот уж солнца нет; опять в лесу темно,
Дождь зашумел — и все слышней и ближе.

Нахохлясь, птицы спят, и тихо лес стоит
И точно чувствует, счастливый и покорный,
Как много свежести и силы благотворной
Весенняя гроза в себе таит!

1900

ПО ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ

Засинели, темнеют равнины...
Далеко, далеко в тишине
Колокольчик поет, замирая...
Мне грустней и больнее вдвойне.

Вот уж звук его плачет чуть слышно;
Вот и пыль над простором немым,
По широкой пустынной дороге,
Опускаясь, темнеет, как дым...

Но душа еще ждет и тоскует...
О, зачем ты и ночью и днем
Вспоминаешься мне так призывно?
Отчего ты везде и во всем?

Вслед заре, уходящей к закату,
Умирающим звукам вослед
Посылаю тебе мою душу —
Мой печальный и нежный привет!

1900

* * *

Ночь печальна, как мечты мои.
Далеко в глухой степи широкой
Огонек мерцает одинокий...
В сердце много грусти и любви.

Но кому и как расскажешь ты,
Что зовет тебя, чем сердце полно!
— Путь далек, глухая степь безмолвна.
Ночь печальна, как мои мечты.

1900

РАССВЕТ

Высоко поднялся и белеет
Полумесяц в бледных небесах.
Сумрак ночи прячется в лесах.
Из долин зеленых утром веет.

Веет юной радостью с полей.
Льется, как серебряное пенье,
Звон костела, славя воскресенье...
Разгорайся, новый день, светлей!

Выйди в небо, солнце, без ненастья,
Возродися в блеске и тепле,
Возвести опять по всей земле,
Что вся жизнь — день радости и счастья!

1900

РОДНИК

В глуши лесной, в глуши зеленой,
Всегда тенистой и сырой,
В крутом овраге под горой
Бьет из камней родник студеный:

Кипит, играет и спешит,
Крутясь хрустальными клубами,
И под ветвистыми дубами
Стеклом расплавленным бежит.

А небеса и лес нагорный
Глядят, задумавшись в тиши,
Как в светлой влаге голыши
Дрожат мозаикой узорной.

1900

УЧАН-СУ

Свежее, слаще воздух горный.
Невнятный шум идет в лесу:
Поет веселый и проворный,
Со скал летящий Учан-Су!
Глядишь — и, точно застывая,
Но в то же время ропот свой,
Свой легкий бег не прерывая,
Прозрачной пылью снеговой
Несется вниз струя живая,—
Как тонкий флер, сквозит огнем,
Скользит со скал фатой венчальной
И вдруг, и пеной и дождем
Свергаясь в черный водоем,
Бушует влагою хрустальной...

1900

ЗНОЙ

Горячо сухой песок сверкает,
Сушит зной на камнях невода.
В море — штиль, и ласково плескает
На песок хрустальная вода.

Чайка в светлом воздухе блеснула...
Тень ее спустилась надо мной —
И в сиянье солнца потонула...
Клонит в сон и ослепляет зной...

И лежу я, упоенный зноем.
Снится сад мне и прохладный грот,
Кипарисы неподвижным строем
Стерегут там звонкий водомет.

Старый мрамор под ветвями тисов
Молодыми розами увит,
И горит залив меж кипарисов,
Точно синим пламенем налит...

1900

СУМЕРКИ

Все — точно в полусне. Над серою водой
Сползает с гор туман, холодный и густой,
Под ним гудит прибой, зловеще разрастаясь,
А темных голых скал прибрежная стена,
В дымящийся туман погружена,
Лениво курится, во мгле небес теряясь.

Суров и дик ее могучий вид!
Под шум и гул морской, она в дыму стоит,
Как неугасший жертвенник титанов,
И Ночь, спускаясь с гор, вступает точно в храм,
Где мрачный хор поет в седых клубах туманов
Торжественный хорал невидимым богам.

1900

* * *

На мертвый якорь кинули бакан,
И вот среди кипящего залива
Он прыгает и мечется тоскливо,
И звон его несется сквозь туман.

Осенний мрак сгущается вдали,
Подходит ночь, — и по волнам тяжелым
Ныряют и качаются за молом
Рыбацкие пустые корабли.

И мачты их средь темной высоты
Чертят туман все шире и быстрее,
И плавают среди тумана реи,
Как черные могильные кресты.

1900

* * *

К прибрежью моря длинная аллея
Ведет вдали как будто в небосклон:
Там море подымается, синея
Меж позабытых мраморных колонн.

Там на прибой идут ступени стройно
И львы лежат, как сфинксы, над горой;
Далеко в море важно и спокойно
Они глядят вечернею порой.

А на скамье меж ними одиноко
Сидит она... Нет имени для ней,
Но знаю я, что нежно и глубоко
Она с душой сроднилася моей.

Я ль не любил? Я ль не искал мятежно
Любви и счастья юность разделить
С душою женской, чистою и нежной,
И жизнь мою в другую перелить?

Но та любовь, что душу посещала,
Оставила в душе печальный след, —
Она звала, она меня прельщала
Той радостью, которой в жизни нет.

И от нее я взял воспоминанья
Лишь лучших дней и уж не ту люблю,
Кого любил... Люблю мечты созданья
И снова о несбыточном скорблю.

Вечерняя безмолвная аллея
Зовет меня к скалистым берегам,
Где море подымается, синея,
К пустынным и далеким небесам.

И горько я и сладостно тоскую,
И грезится мне светлая мечта,
Что воскресит мне радость неземную
Печальная земная красота.

1900

* * *

Открыты жнивья золотые,
И светлой кажутся мечтой
Простор небес, поля пустые
И день, прохладный и пустой.

Орел, с дозорного кургана
Взмахнувший в этой пустоте,
Как над равниной океана
Весь четко виден в высоте.

И на кургане одиноком,
Сдержав горячего коня,
Степь от заката до востока
В прозрачной дали вижу я.

Как низко, вольно и просторно
Степных отав раскинут круг!
И как легко фатой узорной
Плывут два облачка на юг!

1900

* * *

Был поздний час — и вдруг над темнотой,
Высоко над уснувшею землею,
Прорезав ночь оранжевой чертой,
Взвилась ракета бешеной змеею.

Стремительный порыв ее вознес.
Но миг один — и в темноту, в забвенье
Уже текут алмазы крупных слез,
И медленно их тихое паденье.

1901

* * *

Зеленый цвет морской воды
Сквозит в стеклянном небосклоне,
Алмаз предутренней звезды
Блестит в его прозрачном лоне.

И, как ребенок после сна,
Дрожит звезда в огне денницы,
А ветер дует ей в ресницы,
Чтоб не закрыла их она.

1901

* * *

Раскрылось небо голубое
Меж облаков в апрельский день.
В лесу все серое, сухое,
И паутиной пала тень.

Змея, шурша листвой дубовой,
Зашевелилася в дупле
И в лес пошла, блестя лиловой,
Пятнистой кожей по земле.

Сухие листья, запах пряный,
Атласный блеск березняка...
О миг счастливый, миг обманный,
Стократ блаженная тоска!

1901

* * *

Зарницы лик, как сновиденье,
Блеснул — и в темноте исчез.
Но увидал я на мгновенье
Всю даль и глубину небес.

Там, в горнем свете, встали горы
Из розоватых облаков,
Там град и райские соборы —
И снова черный пал покров.

Вот задрожал и вспыхнул снова —
И снова блещущий восторг,
Вновь мрак томления земного
Господь десницею расторг.

Не так же ль в радости случайной
Мечта взмахнет порой крылом —
И вдруг блеснет небесной тайной
Все потонувшее в былом?

1901

* * *

На высоте, на снеговой вершине,
Я вырезал стальным клинком сонет.
Проходят дни. Быть может, и доныне
Снега хранят мой одинокий след.

На высоте, где небеса так сини,
Где радостно сияет зимний свет,
Глядело только солнце, как стилет
Чертил мой стих на изумрудной льдине.

И весело мне думать, что поэт
Меня поймет. Пусть никогда в долине
Его толпы не радует привет!

На высоте, где небеса так сини,
Я вырезал в полдневный час сонет
Лишь для того, кто на вершине.

1901

* * *

Еще и холоден и сыр
Февральский воздух, но над садом
Уж смотрит небо ясным взглядом,
И молодеет божий мир.

Прозрачно-бледный, как весной,
Слезится снег недавней стужи,
А с неба на кусты и лужи
Ложится отблеск голубой.

Не налюбуюсь, как сквозят
Деревья в лоне небосклона,
И сладко слушать у балкона,
Как снегири в кустах звенят.

Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что́ в этих красках светит:
Любовь и радость бытия.

1901

* * *

Дымится поле, рассвет белеет,
В степи туманной кричат орлы,
И дико-звонок их плач голодный
Среди холодной плывущей мглы.

В росе их крылья, в росе бурьяны,
Благоухают поля со сна...
Зарею сладок твой бодрый холод,
Твой томный голод, — твой зов, весна!

Ты победила,— вся степь дымится,
Над степью властно кричат орлы,
И тучи жарким горят пожаром,
И солнце шаром встает из мглы!

1901

* * *

Облака, как призраки развалин,
Встали на заре из-за долин.
Теплый вечер темен и печален,
В темном доме я совсем один.

Слабым звоном люстра отвечает
На шаги по комнате пустой...
А вдали заря зарю встречает,
Ночь зовет бессмертной красотой.

1901

НА МОНАСТЫРСКОМ КЛАДБИЩЕ

Ударил колокол — и дрогнул сон гробниц,
И голубей испуганная стая
Вдруг поднялась с карнизов и бойниц
И закружилась, крыльями блистая,
Над мшистою стеной монастыря...

О, ранний благовест и майская заря!
Как этот звон, могучий и тяжелый,
Сливается с открытой и веселой
Равниной зеленеющих полей!
Ударил колокол — и стала ночь светлей,
И позабыты старые гробницы,
И кельи тесные, и страхи темноты —
Душа, затрепетав, как крылья вольной птицы,
Коснулась солнечной поющей высоты!

1901

* * *

В поздний час мы были с нею в поле.
Я дрожа касался нежных губ...
«Я хочу объятия до боли,
Будь со мной безжалостен и груб!»

Утомясь, она просила нежно:
«Убаюкай, дай мне отдохнуть,
Не целуй так крепко и мятежно,
Положи мне голову на грудь».

Звезды тихо искрились над нами,
Тонко пахло свежестью росы.
Ласково касался я устами
До горячих щек и до косы.

И она забылась. Раз проснулась,
Как дитя, вздохнула в полусне,
Но, взглянувши, слабо улыбнулась
И опять прижалася ко мне.

Ночь царила долго в темном поле,
Долго милой сон я охранял...
А потом на золотом престоле,
На востоке тихо засиял

Новый день,— в полях прохладно стало...
Я ее тихонько разбудил
И в степи, сверкающей и алой,
По росе до дому проводил.

1901

НОЧЬ

Ищу я в этом мире сочетанья
Прекрасного и вечного. Вдали
Я вижу ночь: пески среди молчанья
И звездный час над сумраком земли.

Как письмена, мерцают в тверди синей
Плеяды, Вега, Марс и Орион.
Люблю я их теченье над пустыней
И тайный смысл их царственных имен!

Как ныне я, мирьяды глаз следили
Их древний путь. И в глубине веков
Все, для кого они во тьме светили,
Исчезли в ней, как след среди песков:

Их было много, нежных и любивших,
И девушек, и юношей, и жен,
Ночей и звезд, прозрачно-серебривших
Евфрат и Нил, Мемфис и Вавилон!

Вот снова ночь. Над бледной сталью Понта
Юпитер озаряет небеса,
И в зеркале воды, до горизонта,
Столпом стеклянным светит полоса.

Прибрежья, где бродили тавро-скифы,
Уже не те,— лишь море в летний штиль
Все так же сыплет ласково на рифы
Лазурно-фосфорическую пыль.

Но есть одно, что вечной красотою
Связует нас с отжившими. Была
Такая ж ночь — и к тихому прибою
Со мной на берег девушка пришла.

И не забыть мне этой ночи звездной,
Когда весь мир любил я для одной!

**Пусть я живу мечтою бесполезной,
Туманной и обманчивой мечтой, —**

**Ищу я в этом мире сочетанья
Прекрасного и тайного, как сон.
Люблю ее за счастие слиянья
В одной любви с любовью всех времен!**

1901

* * *

Спокойный взор, подобный взору лани,
И все, что в нем так нежно я любил,
Я до сих пор в печали не забыл,
Но образ твой теперь уже в тумане.

А будут дни — угаснет и печаль,
И засинеет сон воспоминанья,
Где нет уже ни счастья, ни страданья,
А только всепрощающая даль.

1901

* * *

За все тебя, Господь, благодарю!
Ты, после дня тревоги и печали,
Даруешь мне вечернюю зарю,
Простор полей и кротость синей дали.

Я одинок и ныне — как всегда.
Но вот закат разлил свой пышный пламень,
И тает в нем Вечерняя Звезда,
Дрожа насквозь, как самоцветный камень.

И счастлив я печальною судьбой,
И есть отрада сладкая в сознанье,
Что я один в безмолвном созерцанье,
Что всем я чужд и говорю — с тобой.

1901

* * *

Полями пахнет, — свежих трав,
Лугов прохладное дыханье!
От сенокосов и дубрав
Я в нем ловлю благоуханье.

Повеет ветер — и замрет...
А над полями даль темнеет,
И туча из-за них растет,
Закрыла солнце и синеет.

Нежданной молнии игра,
Как меч, блеснувшей на мгновенье,
Вдруг озарит из-за бугра —
И снова сумрак и томленье...

Как ты таинственна, гроза!
Как я люблю твое молчанье,
Твое внезапное блистанье,—
Твои безумные глаза!

1901

И я узрел: отверста дверь на небе,
И прежний глас, который слышал я,
Как звук трубы, гремевший надо мною,
Мне повелел: войди и зри, что будет.

И дух меня мгновенно осенил.
И се — на небесах перед очами
Стоял престол, на нем же был сидящий.

И сей сидящий, славою сияя,
Был точно камень яспис и сардис,
И радуга, подобная смарагду,
Его престол широкий обняла.

И вкруг престола двадесять четыре
Других престола было, и на каждом
Я видел старца в ризе белоснежной
И в золотом венце на голове.

И от престола исходили гласы,
И молнии, и громы, а пред ним —
Семь огненных светильников горели,
Из коих каждый был господний дух.

И пред лицом престола было море,
Стеклянное, подобное кристаллу,
А посреди престола и окрест —
Животные, число же их четыре.

И первое подобно было льву,
Тельцу — второе, третье — человеку,
Четвертое — летящему орлу.
И каждое из четырех животных
Три пары крыл имело, а внутри
Они очей исполнены без счета
И никогда не ведают покоя,
Взывая к Славе: свят, свят, свят, господь,
Бог вседержитель, коий пребывает
И был во веки века и грядет!

Когда же так взывают, воздавая
Честь и хвалу живущему вовеки,
Сидящему во славе на престоле,
Тогда все двадесять четыре старца
Ниц у престола падают в смиренье
И, поклоняясь сущему вовеки,
Кладут венцы к престолу и рекут:

«Воистину достоин восприяти
Ты, господи, хвалу, и честь, и силу
Затем, что все тобой сотворено
И существует волею твоею!»

1901

* * *

Из тесной пропасти ущелья
Нам небо кажется синей.
Привет тебе, немая келья
И радость одиноких дней!

Звучней и песни и рыданья
Гремят под сводами тюрьмы.
Привет вам, гордые страданья,
Среди ее холодной тьмы!

Из рудников, из черной бездны
Нам звезды видны даже днем.
Гляди смелее в сумрак звездный —
Предвечный свет таится в нем!

1901

* * *

Не слыхать еще тяжкого грома за лесом —
Только сполох зарниц пробегает в вершинах.
Лапы елей висят неподвижным навесом,
И запуталась хвоя в сухих паутинах.

Если ж молния вспыхнет, как пламя над горном,
Раскрываются чащи в изломах неверных,
Точно древние своды во храмах пещерных,
В подземелье Перуна, высоком и черном!

1901

* * *

Любил он ночи темные в шатре,
Степных кобыл заливчатое ржанье,
И перед битвой волчье завыванье,
И коршунов на сумрачном бугре.

Страсть буйной мощи силясь утолить,
Он за врагом скакал как исступленный,
Чтоб дерзостью погони опьяненной,
Горячей кровью землю напоить.

Стрелою скиф насквозь его пробил,
И там, где смерть ему закрыла очи,
Восстал курган — и темный ветер ночи
Дождем холодных слез его кропил.

Прошли века, но слава древней были
Жила в веках... Нет смерти для того,
Кто любит жизнь, и песни сохранили
Далекое наследие его.

Они поют печаль воспоминаний,
Они бессмертье прошлого поют
И жизни, отошедшей в мир преданий,
Свой братский зов и голос подают.

1901

* * *

Моя печаль теперь спокойна,
И с каждым годом все ясней
Я вижу даль, где прежде знойно
Синела дымка летних дней...

Так в тишине приморской виллы
Слышнее осенью прибой,
Подобный голосу Сибиллы,
Бесстрастной, мудрой и слепой.

Так на заре в степи широкой
Слышнее колокол вдали,
Спокойный, вещий и далекий
От мелких горестей земли.

1901

* * *

Шумели листья, облетая,
Лес заводил осенний вой...
Каких-то серых птичек стая
Кружилась по ветру с листвой.

А я был мал, — беспечной шуткой
Смятенье их казалось мне:
Под гул и шорох пляски жуткой
Мне было весело вдвойне.

Хотелось вместе с вихрем шумным
Кружиться по лесу, кричать —
И каждый медный лист встречать
Восторгом радостно-безумным!

1901

* * *

Светло, как днем, и тень за нами бродит
В нагих кустах. На серебре травы
Луна с небес таинственно обводит
Сияние вкруг темной головы.

Остановясь, ловлю твой взор прощальный,
Но в сердце холод мертвенный таю —
И бледный лик, загадочно-печальный,
Под бледною луной не узнаю.

1901

ОТРЫВОК

В окно я вижу груды облаков,
Холодных, белоснежных, как зимою,
И яркость неба влажно-голубого.
Осенний полдень светел, и на север
Уходят тучи. Клены золотые
И белые березки у балкона
Сквозят на небе редкою листвой,
И хрусталем на них сверкают льдинки.
Они, качаясь, тают, а за домом
Бушует ветер... Двери на балконе
Уже давно заклеены к зиме,
Двойные рамы, топленные печи —
Все охраняет ветхий дом от стужи,
А по саду пустому кружит ветер
И, листья подметая по аллеям,
Гудит в березах старых... Светел день,
Но холодно, — до снега недалеко.

Я часто вспоминаю осень юга...
Теперь на Черном море непрерывно
Бушуют бури: тусклый блеск от солнца,
Скалистый берег, бешеный прибой
И по волнам сверкающая пена...
Ты помнишь этот берег, окаймленный
Ее широкой снежною грядой?
Бывало, мы сбежим к воде с обрыва
И жадно ловим ветер. Вольно веет
Он бодростью и свежестью морской;
Срывая брызги с бурного прибоя,
Он влажной пылью воздух наполняет
И снежных чаек носит над волнами.
Мы в шуме волн кричим ему навстречу,
Он валит с ног и заглушает голос,
А нам легко и весело, как птицам...

Все это сном мне кажется теперь.

1901

* * *

Морозное дыхание метели
Еще свежо, но улеглась метель.
Белеет снега мшистая постель,
В сугробах стынут траурные ели.

Ночное небо низко и черно,—
Лишь в глубине, где Млечный Путь белеет,
Сквозит его таинственное дно
И холодом созвездий пламенеет.

Обрывки туч порой темнеют в нем...
Но стынет ночь. И низко над землею
Усталый вихрь шипящею змеею
Скользит и жжет своим сухим огнем.

1901

* * *

Жесткой, черной листвой шелестит и трепещет кустарник,
Точно в снежную даль убегает в испуге.
В белом поле стога, косогор и забытый овчарник
Тонут в белом дыму разгулявшейся вьюги.

Дымный ветер кружит и несет в небе во́рона боком,
Конский след на бегу порошит-заметает...
Вон прохожий вдали. Истомлен на пути одиноком,
Мертвым шагом он мерно и тупо шагает.

«Добрый путь, человек! Далеко ль до села, до ночлега?»
Он не слышит, идет, только голову клонит...
А куда и спешить против холода, ветра и снега?
Родились мы в снегу,— вьюга нас и схоронит.

Занесет равнодушно, как стог, как забытый овчарник...
Хорошо ей у нас, на просторе великом!
Бесприютная жизнь, одинокий над бурей кустарник,
Не тебе одолеть в поле темном и диком!

1901

НА ОСТРОВЕ

Люблю я наш обрыв, где дикою грядою
Белеют стены скал, смотря на дальний юг.
Где моря синего раскинут полукруг,
Где кажется, что мир кончается водою,
И дышится легко среди безбрежных вод.

В веселый летний день, когда на солнце блещет
Скалистый известняк и в каждый звонкий грот
Зеленая вода хрустальной влагой плещет,
Люблю я зной и ширь, и вольный небосвод,
И острова пустынные высоты.

Ласкают их ветры, и волны лижут их,
А чайки зоркие заглядывают в гроты,—
Косятся в чуткий мрак пещер береговых
И вдруг, над белыми утесами взмывая,
Сверкают крыльями в просторах голубых,
Кого-то жалобно и звонко призывая.

1901

* * *

Не устану воспевать вас, звезды!
Вечно вы таинственны и юны.
С детских дней я робко постигаю
Темных бездн сияющие руны.

В детстве я любил вас безотчетно,—
Сказкою вы нежною мерцали.
В молодые годы только с вами
Я делил надежды и печали.

Вспоминая первые признанья,
Я ищу меж вами образ милый...
Дни пройдут — вы будете светиться
Над моей забытою могилой.

И быть может, я пойму вас, звезды,
И мечта, быть может, воплотится,
Что земным надеждам и печалям
Суждено с небесной тайной слиться!

1901

* * *

Перед закатом набежало
Над лесом облако — и вдруг
На взгорье радуга упала,
И засверкало все вокруг.

Стеклянный, редкий и ядреный,
С веселым шорохом спеша,
Промчался дождь, и лес зеленый
Затих, прохладою дыша.

Вот день! Уж это не впервые:
Прольется — и уйдет из глаз...
Как эти ливни золотые,
Пугая, радовали нас!

Едва лишь добежим до чащи —
Все стихнет... О, росистый куст!
О, взор, счастливый и блестящий,
И холодок покорных уст!

1902

* * *

Багряная печальная луна
Висит вдали, но степь еще темна.
Луна во тьму свой теплый отблеск сеет,
И над болотом красный сумрак реет.
Уж поздно — и какая тишина!

Мне кажется, луна оцепенеет:
Она как будто выросла со дна
И допотопной розою краснеет.

Но меркнут звезды. Даль озарена.
Равнина вод на горизонте млеет,
И в ней луна столбом отражена.
Склонив лицо прозрачное, светлеет
И грустно в воду смотрится она.

Поет комар. Теплом и гнилью веет.

1902

ЛЕСНАЯ ДОРОГА

В березовом лесу, где распевают птицы,
Где в шелковой траве сквозь тень лучи горят,
Темнеют холмики — могил забытых ряд,
А под березами, как юные черницы,
Смиренно елочки зеленые стоят.

Был здесь когда-то скит, как говорят преданья,
И десять девственниц, отрекшись от земли,
В нем приняли обет святого созерцанья,
Держали строгий пост и, как цветы, цвели
Под пенье божьих птиц и странников сказанья.

Был здесь дремучий бор, в народе говорят,
Был долгий стан татар, в лесах кипели битвы;
Потом был этот край спокоен и богат,
И древний скудный скит и подвиги молитвы
Забылись, точно сон, уж много лет назад.

Немало было снов, — зачем нам помнить их?
И вот опять весна. В лесу все зеленеет,
Лес сенокоса ждет, а небосклон синеет
Меж белых облаков, среди вершин лесных,
И на глазах трава в полдневном зное млеет.

Пройдет моя весна, и этот день пройдет,
Но весело бродить и знать, что все проходит,
Меж тем как счастье жить вовеки не умрет,
Покуда над землей заря зарю выводит
И молодая жизнь родится в свой черед.

Бежит зеленый лес, поют и свищут птицы,
А вон и озеро, песчаный, белый скат...
Пошел! И бубенцы играют и гремят,
В колесах, как лучи, блестят на солнце спицы,
И кружева теней по лошадям скользят...

1902

* * *

Чашу с темным вином подала мне богиня печали.
Тихо выпив вино, я в смертельной истоме поник.
И сказала бесстрастно, с холодной улыбкой богиня:
«Сладок яд мой хмельной. Это лозы с могилы любви».

1902

* * *

Как все спокойно и как все открыто!
Как на земле стало тихо и бедно!
Сад осыпается,— все в нем забыто,
Небо велико и холодно-бледно...

Небо далекое, не ты ли, немое,
Меня пугаешь своим простором?
Здесь, в этой бедности, где все родное,
Встречу я осень радостным взором.

Еще рассеян огонь листопада,
И редкие краски ласково-ярки;
Еще синицы свищут из сада,
И как им тихо в забытом парке!

И только ночью, когда бушует
Осенний ветер, все чуждо снова...
И одинокое сердце тоскует:
О, если бы близость сердца родного!

1902

БРОДЯГИ

На позабытом тракте к Оренбургу,
В бесплодной и холмистой котловине
Большой, глухой дороги на восток,
Стоит в лугу холщовая кибитка
И бродит кляча в путах. Ни души
Нет на лугу,— цыган в кибитке дремлет,
И девочка-подросток у дороги
Сидит себе одна и равнодушно,
С привычной скукой, смотрит на закат:
На солнце, уходящее за пашню,
На блеск лучей над темным косогором.
Наморщив лоб от ветра, вся в лохмотьях,
Она следит в безлюдье за холодным,
Печальным солнцем, тенью от холма
И алой пылью, веющей с дороги
Из-под копыт кобылы,— то молчит,
То будто грезит,— что-то напевает...
Какая глушь! Какая скудость жизни!
Какие заунывные напевы!

Вот вечереет, солнце в тучку село,
Темнеет в котловине, ветер дует,
И ночь идет... Пошли господь бродягам
Не думать днем и не слыхать, как ночью
Шатается в сухом бурьяне ветер
И что-то шепчет, словно в забытьи!
Спи под кибиткой, девочка! Проснешься —
Буди отца больного, запрягай —
И снова в путь... А для чего,— кто скажет?
Жизнь, как могила в поле, молчалива.

1902

КОНДОР

Громады гор, зазубренные скалы
Из океана высятся грядой.
Над ними берег, дикий и пустой,
Над ними кондор, тяжкий и усталый.

Померк закат. В ущелья и провалы
Нисходит ночь. Гонимый темнотой,
Уродливо-плечистый и худой,
Он медленно спускается на скалы.

И долгий крик, звенящий крик тоски,
Вдруг раздается жалобно и властно
И замирает в небе. Но бесстрастно

Синеет море. Скалы и пески
Скрывает ночь — и веет на вершине
Дыханьем смерти, холодом пустыни.

1902

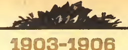
* * *

Широко меж вершин дубравы
Струилась синяя река;
Благоухая, сохли травы,
Дымясь, курились облака.

Дымясь, вставали из-за леса
На склон небес — и вот одно
Могучим обликом Зевеса
Воздвигло снежное руно...

Но тает призрак величавый —
И снова светозарный сон,
И снова меж вершин дубравы —
Лазури пламенный затон.

1902

1903-1906

СЕВЕРНАЯ БЕРЕЗА

Над озером, над заводью лесной —
Нарядная зеленая береза...
«О девушки! Как холодно весной:
Я вся дрожу от ветра и мороза!»

То дождь, то град, то снег, как белый пух,
То солнце, блеск, лазурь и водопады...
«О девушки! Как весел лес и луг!
Как радостны весенние наряды!»

Опять, опять нахмурилось, — опять
Мелькает снег и бор гудит сурово...
«Я вся дрожу. Но только б не измять
Зеленых лент! Ведь солнце будет снова».

15.I.03.

ПОРТРЕТ

Погост, часовенка над склепом,
Венки, лампадки, образа
И в раме, перевитой крепом —
Большие ясные глаза.

Сквозь пыль на стеклах, жарким светом
Внутри часовенка горит.
«Зачем я в склепе, в полдень, летом?» —
Незримый кто-то говорит.

Кокетливо-проста прическа,
И пелеринка на плечах...
А тут повсюду — капли воска
И банты крепа на свечах,

Венки, лампадки, пахнет тленьем...
И только этот милый взор
Глядит с веселым изумленьем
На этот погребальный вздор.

Март, 1903?

МОРОЗ

Так ярко звезд горит узор,
Так ясно Млечный Путь струится,
Что занесенный снегом двор
Весь и блестит и фосфорится.

Свет серебристо-голубой,
Свет от созвездий Ориона,
Как в сказке, льется над тобой
На снег морозный с небосклона.

И фосфором дымится снег,
И видно, как мерцает нежно
Твой ледяной душистый мех,
На плечи кинутый небрежно,

Как серьги длинные блестят,
И потемневшие зеницы
С восторгом жадности глядят
Сквозь серебристые ресницы.

21.VII.03

ПОСЛЕ БИТВЫ

Воткнув копье, он сбросил шлем и лег.
Курган был жесткий, выбитый. Кольчуга
Колола грудь, а спину полдень жег...
Осенней сушью жарко дуло с юга.

И умер он. Окостенел, застыл,
Припав к земле тяжелой головою.
И ветер волосами шевелил,
Как ковылем, как мертвою травою.

И муравьи закопошились в них...
Но равнодушно все вокруг молчало,
И далеко среди полей нагих
Копье, в курган воткнутое, торчало.

31.VIII.03

* * *

На окне, серебряном от инея,
За ночь хризантемы расцвели.
В верхних стеклах — небо ярко-синее
И застреха в снеговой пыли.

Всходит солнце, бодрое от холода,
Золотится отблеском окно.
Утро тихо, радостно и молодо.
Белым снегом все запушено.

И все утро яркие и чистые
Буду видеть краски в вышине,
И до полдня будут серебристые
Хризантемы на моем окне.

VIII.03

* * *

Далеко на севере Капелла
Блещет семицветным огоньком,
И оттуда, с поля, тянет ровным,
Ласковым полуночным теплом.
За окном по лопухам чернеет
Тень от крыши; дальше, на кусты
И на жнивье, лунный свет ложится,
Как льняные белые холсты.

1903

* * *

Проснулся я внезапно, без причины.
Мне снилось что-то грустное — и вдруг
Проснулся я. Сквозь голые осины
В окно глядел туманный лунный круг.

Усадьба по-осеннему молчала.
Весь дом был мертв в полночной тишине,
И, как ребенок брошенный, кричала
Ушастая пустушка на гумне.

1905

* * *

Старик у хаты веял, подкидывал лопату,
Как раз к святому Спасу покончив с молотьбой.
Старуха в белой плахте белила мелом хату
И обводила окна каймою голубой.

А солнце, розовея, в степную пыль садилось —
И тени ног столбами ложились на гумно,
А хата молодела — зарделась, застыдилась —
И празднично блестело протертое окно.

1903

* * *

Уж подсыхает хмель на тыне.
За хуторами, на бахчах,
В нежарких солнечных лучах
Краснеют бронзовые дыни.

Уж хлеб свезен, и вдалеке,
Над старою степною хатой,
Сверкает золотой заплатой
Крыло на сером ветряке.

1903

* * *

Там, на припеке, спят рыбацкие ковши;
Там низко над водой склоняются кистями
Темно-зеленые густые камыши;
Полдневный ветерок змеистыми струями

Порой зашелестит в их потайной глуши,
Да чайка вдруг блеснет сребристыми крылами
С плаксивым возгласом тоскующей души —
И снова плавни спят, сияя зеркалами.

Над тонким их стеклом, где тонет небосвод,
Нередко облако восходит и глядится
Блистающим столбом в зеркальный сон болот —

И как светло тогда в бездонной чаше вод!
Как детски верится, что в бездне их таится
Какой-то дивный мир, что только в детстве снится!

1903

* * *

Первый утренник, серебряный мороз!
Тишина и звонкий холод на заре.
Свежим глянцем зеленеет след колес
На серебряном просторе, на дворе.

Я в холодный обнаженный сад пойду —
Весь рассеян по земле его наряд.
Бирюзой сияет небо, а в саду
Красным пламенем настурции горят.

Первый утренник — предвестник зимних дней.
Но сияет небо ярче с высоты;
Сердце стало и трезвей и холодней,
Но как пламя рдеют поздние цветы.

1903

* * *

Обрыв Яйлы. Как руки фурий,
Торчит над бездною из скал
Колючий, искривленный бурей,
Сухой и звонкий астрагал.

И на заре седой орленок
Шипит в гнезде, как василиск,
Завидев за́ морем спросонок
В тумане сизом красный диск.

1903

НАДПИСЬ НА ЧАШЕ

Древнюю чашу нашел он у шумного синего моря,
В древней могиле, на диком песчаном прибрежье.
Долго трудился он; долго слагал воедино
То, что гробница хранила три тысячи лет, как святыню,
И прочитал он на чаше
Древнюю повесть безмолвных могил и гробниц:

«Вечно лишь море, безбрежное море и небо,
Вечно лишь солнце, земля и ее красота,
Вечно лишь то, что связует незримою связью
Душу и сердце живых с темной душою могил».

⟨1903⟩

ЗАПУСТЕНИЕ

Домой я шел по скату вдоль Оки,
По перелескам, берегам нагорным,
Любуясь сталью вьющейся реки
И горизонтом низким и просторным.
Был теплый, тихий, серенький денек,
Среди берез желтел осинник редкий,
И даль лугов за их прозрачной сеткой
Синела чуть заметно — как намек.
Уже давно в лесу замолкли птицы,
Свистели и шуршали лишь синицы.
Я уставал, кругом все лес пестрел,
Но вот на перевале, за лощиной,
Фруктовый сад листвою закраснел,
И глянул флигель серою руиной.
Глеб отворил мне двери на балкон,
Поговорил со мною в позе чинной,
Принес мне самовар — и по гостиной
Полился нежный и печальный стон.
Я в кресло сел, к окну, и, отдыхая,
Следил, как замолкал он, потухая.

В тиши звенел он чистым серебром,
А я глядел на клены у балкона,
На вишенник, красневший под бугром...
Вдали синели тучки небосклона
И умирал спокойный серый день,
Меж тем как в доме, тихом, как могила,
Неслышно одиночество бродило
И реяла задумчивая тень.
Пел самовар, а комната беззвучно
Мне говорила: «Пусто, брат, и скучно!»

В соломе, возле печки, на полу,
Лежала груда яблок; паутины
Под образом качалися в углу,
А у стены темнели клавесины.
Я тронул их — и горестно в тиши
Раздался звук. Дрожащий, романтичный,
Он жалок был, но я душой привычной

В нем уловил напев родной души:
На этот лад, исполненный печали,
Когда-то наши бабушки певали.

Чтоб мрак спугнуть, я две свечи зажег,
И весело огни их заблестели,
И побежали тени в потолок,
А стекла окон сразу посинели...
Но отчего мой домик при огне
Стал и бедней и меньше? О, я знаю —
Он слишком стар... Пора родному краю
Сменить хозяев в нашей стороне.
Нам жутко здесь. Мы все в тоске, в тревоге...
Пора свести последние итоги.

Печален долгий вечер в октябре!
Любил я осень позднюю в России.
Любил лесок багряный на горе,
Простор полей и сумерки глухие,
Любил стальную, серую Оку,
Когда она, теряясь лентой длинной
В дали лугов, широкой и пустынной,
Мне навевала русскую тоску...
Но дни идут, наскучило ненастье —
И сердце жаждет блеска дня и счастья.

Томит меня немая тишина.
Томит гнезда немого запустенье.
Я вырос здесь. Но смотрит из окна
Заглохший сад. Над домом реет тленье,
И скупо в нем мерцает огонек.
Уж свечи нагорели и темнеют,
И комнаты в молчанье цепенеют,
А ночь долга, и новый день далек.
Часы стучат, и старый дом беззвучно
Мне говорит: «Да, без хозяев скучно!

Мне на покой давно, давно пора...
Поля, леса — все глохнет без заботы...
Я жду веселых звуков топора,

Жду разрушенья дерзостной работы,
Могучих рук и смелых голосов!
Я жду, чтоб жизнь, пусть даже в грубой силе,
Вновь расцвела из праха на могиле,
Я изнемог, и мертвый стук часов
В молчании осенней долгой ночи
Мне самому внимать нет больше мочи!»

⟨1903⟩

ГОЛУБИ

Раскрыт балкон, сожжен цветник морозом.
Опустошен поблекший сад дождями.

Как лунный камень, холодно и бледно
Над садом небо. Ветер в небе гонит
Свинцовые и дымчатые тучи.
И крупный ливень с бурей то и дело
Бежит, дымится по́ саду... Но если
Внезапно глянет солнце, что́ за радость
Овладевает сердцем! Жадно дышишь
Душистым влажным воздухом, уходишь
С открытой головою по аллее,
Меж тем как над аллеей все приветней
Синеет небо яркое — и вдруг
С гумна стрелою мчится белый турман
И снежным комом падает к балкону,
За ним другой — и оба долго, долго
Пьют из лазурной лужи, поднимая
Свои головки кроткие... Замрешь,
Боясь их потревожить, весь охвачен
Какой-то робкой радостью, и мнится,
Что пьют они не дождевую воду,
А чистую небесную лазурь.

⟨1903⟩

ОДИНОЧЕСТВО

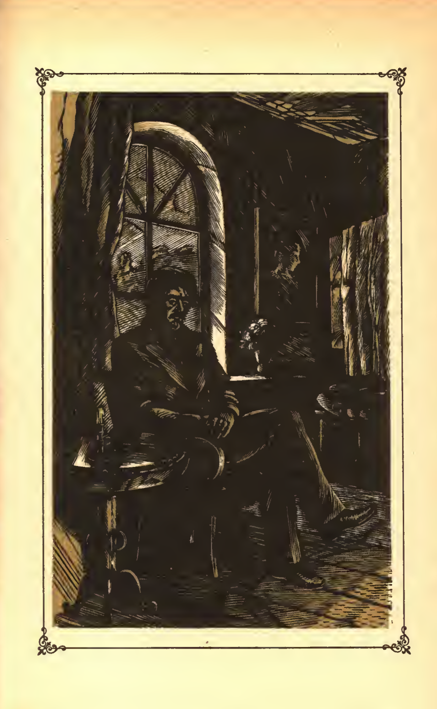
И ветер, и дождик, и мгла
  Над холодной пустыней воды.
Здесь жизнь до весны умерла,
  До весны опустели сады.
Я на даче один. Мне темно
За мольбертом, и дует в окно.

Вчера ты была у меня,
  Но тебе уж тоскливо со мной.
Под вечер ненастного дня
  Ты мне стала казаться женой...
Что ж, прощай! Как-нибудь до весны
Проживу и один — без жены...

Сегодня идут без конца
  Те же тучи — гряда за грядой.
Твой след под дождем у крыльца
  Расплылся, налился водой.
И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.

Мне крикнуть хотелось вослед:
  «Воротись, я сроднился с тобой!»
Но для женщины прошлого нет:
  Разлюбила — и стал ей чужой.
Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.

⟨1903⟩

СУМЕРКИ

Как дым, седая мгла мороза
Застыла в сумраке ночном.
Как привидение, береза
Стоит, серея, за окном.

Таинственно в углах стемнело,
Чуть светит печь, и чья-то тень
Над всем простерлася несмело,—
Грусть, провожающая день,

Грусть, разлитая на закате
В полупомеркнувшей золе,
И в тонком теплом аромате
Сгоревших дров, и в полумгле,

И в тишине,— такой угрюмой,
Как будто бледный призрак дня
С какою-то глубокой думой
Глядит сквозь сумрак на меня.

⟨1903⟩

ЖАСМИН

Цветет жасмин. Зеленой чащей
Иду над Тереком с утра.
Вдали, меж гор — простой, блестящий
И четкий конус серебра.

Река шумит, вся в искрах света,
Жасмином пахнет жаркий лес.
А там, вверху — зима и лето:
Январский снег и синь небес.
Лес замирает, млеет в зное,
Но тем пышней цветет жасмин.
В лазури яркой — неземное
Великолепие вершин.

VI.04

* * *

Набегает впотьмах
И узорною пеною светится
И лазурным сиянием реет у скал на песке...
О божественный отблеск незримого — жизни, мерцающей
В мириадах незримых существ!

Ночь была бы темна,
Но все море насыщено тонкою
Пылью света, и звезды над морем горят.
В полусвете все видно: и рифы, и взморье зеркальное,
И обрывы прибрежных холмов.

В полусвете ночном
Под обрывами волны качаются —
Переполнено зыбкое, звездное зеркало волн!
Но, колеблясь упруго, лишь изредка складки тяжелые
Набегают на влажный песок.

И тогда, фосфорясь,
Загораясь мистическим пламенем,
Рассыпаясь по гравию кипенью бледных огней,
Море светит сквозь сумрак таинственно, тонко
и трепетно,
Озаряя песчаное дно.

И тогда вся душа
У меня загорается радостью:
Я в пригоршни ловлю закипевшую пену волны —
И сквозь пальцы течет не волна, а сапфиры, — несметные
Искры синего пламени, Жизнь!

1904

РАЗВАЛИНЫ

Над синим понтом — серые руины,
Остатки древней греческой тюрьмы.
На юг — морские зыбкие равнины,
   На север — голые холмы.

В проломах стен — корявые оливы
И дереза, сопутница руин,
А под стенами — красные обрывы
   И волн густой аквамарин.

Угрюмо здесь, в сырых подземных кельях;
Но весело тревожить сон темниц,
Перекликаться с эхом в подземельях
   И видеть небо из бойниц!

Давно октябрь, но не уходит лето:
Уж на холмах желтеет шелк травы,
Но воздух чист — и сколько в небе света,
   А в море нежной синевы!

И тихи, тихи старые руины.
И целый день, под мерный шум валов,
Слежу я в море парус бригантины,
   А в небесах — круги орлов.

И усыпляет моря шум атласный.
И кажется, что в мире жизни нет:
Есть только блеск, лазурь и воздух ясный,
   Простор, молчание и свет.

⟨1903 — 1904⟩

КОСОГОР

Косогор над разлужьем и пашни кругом,
Потускневший закат, полумрак...
Далеко за извалами крест над холмом —
Неподвижный ветряк.

Как печальна заря! И как долго она
Тлеет в сонном просторе равнин!
Вот чуть внятная девичья песня слышна...
Вот заплакала лунь... И опять тишина...
Ночь, безмолвная ночь. Я один.

Я один, а вокруг темнота и поля,
И ни звука в просторе их нет...
Точно проклят тот край, тот народ, где земля
Так пустынна уж тысячу лет!

⟨1903 — 1904⟩

РАЗЛИВ

Паром, скрипя, ушел. В разлив, по тусклой зыби,
Сквозь муть лиловых туч румянится заря.
На темном кряже гор, в их сумрачном изгибе,
Померкнули в лесу кресты монастыря.

Оттуда по Оке пахучим дымом тянет...
Но и костер потух, пылавший за Окой,
И монастырь уснул. Темней уже не станет,
Но все же ночь давно — ночь, сумрак и покой.

Лишь брезжится закат на взгорьях сквозь верхушки,
Блестит, как ртуть, вода по лужам на песке,
Дрожит в разливе рябь, да сонные лягушки
Звенят чуть слышно в тростнике.

⟨1903 — 1904⟩

РОЗЫ

Блистая, облака лепились
В лазури пламенного дня.
Две розы под окном раскрылись —
Две чаши, полные огня.

В окно, в прохладный сумрак дома,
Глядел зеленый знойный сад,
И сена душная истома
Струила сладкий аромат.

Порою, звучный и тяжелый,
Высоко в небе грохотал
Громовый гул... Но пели пчелы,
Звенели мухи — день сиял.

Порою шумно пробегали
Потоки ливней голубых...
Но солнце и лазурь мигали
В зеркально-зыбком блеске их —

И день сиял, и млели розы,
Головки томные клоня,
И улыбалися сквозь слезы
Очами, полными огня.

⟨1903 — 1904⟩

НА МАЯКЕ

В пустой маяк, в лазурь оконных впадин,
Осенний ветер дует — и, звеня,
Гудит вверху. Он влажен и прохладен,
Он опьяняет свежестью меня.

Остановясь на лестнице отвесной,
Гляжу в окно. Внизу шумит прибой
И зыбь бежит. А выше — свод небесный
И океан туманно-голубой.

Внизу — шум волн, а наверху, как струны,
Звенит-поет решетка маяка.
И все плывет: маяк, залив, буруны,
И я, и небеса, и облака.

⟨1903 — 1904⟩

САПСАН

В полях, далеко от усадьбы,
Зимует просяной омет.
Там табунятся волчьи свадьбы,
Там клочья шерсти и помет.
Воловьи ребра у дороги
Торчат в снегу — и спал на них
Сапсан, стервятник космоногий,
Готовый взвиться каждый миг.

Я застрелил его. А это
Грозит бедой. И вот ко мне
Стал гость ходить. Он до рассвета
Вкруг дома бродит при луне.
Я не видал его. Я слышал
Лишь хруст шагов. Но спать невмочь.
На третью ночь я в поле вышел...
О, как была́ печальна ночь!

Когтистый след в снегу глубоком
В глухие степи вел с гумна.
На небе мглистом и высоком
Плыла холодная луна.
За валом, над привадой в яме,
Серо́ маячила ветла.
Даль над пустынными полями
Была таинственно светла.

Облитый этим странным светом,
Подавлен мертвой тишиной,
Я стал — и бледным силуэтом
Упала тень моя за мной.
По небесам, в туманной мути,
Сияя, лунный лик нырял
И серебристым блеском ртути
Слюду по насту озарял.

Кто был он, этот полуночный
Незримый гость? Откуда он
Ко мне приходит в час урочный
Через сугробы на балкон?

Иль он узнал, что я тоскую,
Что я один? что в дом ко мне
Лишь снег да небо в ночь немую
Глядят из сада при луне?

Быть может, он сегодня слышал,
Как я, покинув кабинет,
По темной зале в спальню вышел,
Где в сумраке мерцал паркет,
Где в окнах небеса синели,
А в этой сини четко встал
Черно-зеленый конус ели
И острый Сириус блистал?

Теперь луна была в зените,
На небе плыл густой туман...
Я ждал его,— я шел к раките
По насту снеговых полян,
И если б враг мой от привады
Внезапно прянул на сугроб,—
Я б из винтовки без пощады
Пробил его широкий лоб.

Но он не шел. Луна скрывалась,
Луна сияла сквозь туман,
Бежала мгла... И мне казалось,
Что на снегу сидит Сапсан.
Морозный иней, как алмазы,
Сверкал на нем, а он дремал,
Седой, зобастый, круглоглазый,
И в крылья голову вжимал.

И был он страшен, непонятен,
Таинственен, как этот бег
Туманной мглы и светлых пятен,
Порою озарявших снег,—
Как воплотившаяся сила
Той Воли, что в полночный час
Нас страхом всех соединила —
И сделала врагами нас.

9.I.05

* * *

В гостиную, сквозь сад и пыльные гардины,
Струится из окна веселый летний свет,
Хрустальным золотом ложась на клавесины,
На ветхие ковры и выцветший паркет.

Вкруг дома глушь и дичь. Там клены и осины,
Приюты горлинок, шиповник, бересклет...
А в доме рухлядь, тлен: повсюду паутины,
Все двери заперты... И так уж много лет.

В глубокой тишине, таинственно сверкая,
Как мелкий перламутр, беззвучно моль плывет.
По стеклам радужным, как бархатка сухая,
Тревожно бабочка лиловая снует.

Но фортки нет в окне, и рама в нем — глухая.
Тут даже моль недолго наживет!

29.VII.05

* * *

Осень. Чащи леса.
Мох сухих болот.
Озеро белесо.
Бледен небосвод.

Отцвели кувшинки,
И шафран отцвел.
Выбиты тропинки,
Лес и пуст и гол.

Только ты красива,
Хоть давно суха,
В кочках у залива
Старая ольха.

Женственно глядишься
В воду в полусне —
И засеребришься
Прежде всех к весне.

1905

* * *

Мы встретились случайно на углу.
Я быстро шел — и вдруг как свет зарницы
Вечернюю прорезал полумглу
Сквозь черные лучистые ресницы.

На ней был креп,— прозрачный легкий газ
Весенний ветер взвеял на мгновенье,
Но на лице и в ярком блеске глаз
Я уловил былое оживленье.

И ласково кивнула мне она,
Слегка лицо от ветра наклонила
И скрылась за углом... Была весна...
Она меня простила — и забыла.

1905

ОГОНЬ НА МАЧТЕ

И сладостно и грустно видеть ночью
На корабле далеком в темном море
В ночь уходящий топовый огонь.
Когда все спит на даче и сквозь сумрак
Одни лишь звезды светятся, я часто
Сижу на старой каменной скамейке,
Над скалами обрыва. Ночь тепла,
И так темно, так тихо все, как будто
Нет ни земли, ни неба — только мягкий
Глубокий мрак. И вот вдали, во мраке,
Идет огонь — как свечечка. Ни звука
Не слышно на прибрежье,—лишь сверчки
Звенят в горе чуть уловимым звоном,
Будя в душе задумчивую нежность,
А он уходит в ночь и одиноко
Висит на горизонте, в темной бездне
Меж небом и землею... Пойте, пойте,
Сверчки, мои товарищи ночные,
Баюкайте мою ночную грусть!

1905

* * *

Все море — как жемчужное зерцало,
Сирень с отливом млечно-золотым.
В дожде закатном радуга сияла.
Теперь душист над саклей тонкий дым.

Вон чайка села в бухточке скалистой, —
Как поплавок. Взлетает иногда,
И видно, как струею серебристой
Сбегает с лапок розовых вода.

У берегов в воде застыли скалы,
Под ними светит жидкий изумруд,
А там, вдали — и жемчуг, и опалы
По золотистым яхонтам текут.

1905

* * *

В лесу, в горе, родник, живой и звонкий,
Над родником старинный голубец
С лубочной почерневшею иконкой,
А в роднике березовый корец.

Я не люблю, о Русь, твоей несмелой,
Тысячелетней, рабской нищеты.
О, этот крест и этот ковшик белый...
Смиренные, родимые черты!

1905

* * *

Черные ели и сосны сквозят в палисаднике темном:
В черном узоре ветвей — месяца рог золотой.

Слышу, поют петухи. Узнаю по напевам печальным
Поздний, таинственный час. Выйду на снег, на крыльцо.

Замерло все и застыло, лучатся жестокие звезды,
Но до костей я готов в легком промерзнуть меху,

Только бы видеть тебя, умирающий в золоте месяц,
Золотом блещущий снег, легкие тени берез

И самоцветы небес: янтарно-зеленый Юпитер,
Сириус, дерзкий сапфир, синим горящий огнем,

Альдебарана рубин, алмазную цепь Ориона
И уходящий в моря призрак сребристый — Арго.

1905

* * *

Густой зеленый ельник у дороги,
Глубокие пушистые снега.
В них шел олень, могучий, тонконогий,
К спине откинув тяжкие рога.

Вот след его. Здесь натоптал тропинок,
Здесь елку гнул и белым зубом скреб —
И много хвойных крестиков, остинок
Осыпалось с макушки на сугроб.

Вот снова след, размеренный и редкий,
И вдруг — прыжок! И далеко в лугу
Теряется собачий гон — и ветки,
Обитые рогами на бегу...

О, как легко он уходил долиной!
Как бешено, в избытке свежих сил,
В стремительности радостно-звериной,
Он красоту от смерти уносил!

1905

СТАМБУЛ

Облезлые худые кобели
С печальными, молящими глазами —
Потомки тех, что из степей пришли
За пыльными скрипучими возами.

Был победитель славен и богат,
И затопил он шумною ордою
Твои дворцы, твои сады, Царьград,
И предался, как сытый лев, покою.

Но дни летят, летят быстрее птиц!
И вот уже в Скутари на погосте
Чернеет лес, и тысячи гробниц
Белеют в кипарисах, точно кости.

И прах веков упал на прах святынь,
На славный город, ныне полудикий,
И вой собак звучит тоской пустынь
Под византийской ветхой базиликой.

И пуст Сераль, и смолк его фонтан,
И высохли столетние деревья...
Стамбул, Стамбул! Последний мертвый стан
Последнего великого кочевья!

1905

* * *

Тонет солнце, рдяным углем тонет
За пустыней сизой. Дремлет, клонит
Головы баранта. Близок час:

Мы проводим солнце, обувь скинем
И свершим под звездным, темным, синим
Милосердным небом свой намаз.

Пастухи пустыни, что́ мы знаем!
Мы, как сказки детства, вспоминаем
Минареты наших отчих стран.

Разверни же, Вечный, над пустыней
На вечерней тверди темно-синей
Книгу звезд небесных — наш Коран!

И, склонив колени, мы закроем
Очи в сладком страхе, и омоем
Лица холодеющим песком,

И возвысим голос, и с мольбою
В прахе разольемся пред тобою,
Как волна на берегу морском.

1905

С ОСТРОГОЙ

Костер трещит. В фелюке свет и жар.
В воде стоят и серебрятся щуки,
Белеет дно... Бери трезубец в руки
И не спеши. Удар! Еще удар!

Но поздно. Страсть — как сладостный кошмар,
Но сил уж нет, противны кровь и муки...
Гаси, гаси — вали с борта фелюки
Костер в Лиман... И чад, и дым, и пар!

Теперь легко, прохладно. Выступают
Туманные созвездья в полутьме.
Волна качает, рыбы засыпают...
И вверх лицом ложусь я на корме.

Плыть — до зари, но в море путь не скучен.
Я задремлю под ровный стук уключин.

⟨1905⟩

ПРИЗРАКИ

Нет, мертвые не умерли для нас!
  Есть старое шотландское преданье,
Что тени их, незримые для глаз,
  В полночный час к нам ходят на свиданье,

Что пыльных арф, висящих на стенах,
  Таинственно касаются их руки
И пробуждают в дремлющих струнах
  Печальные и сладостные звуки.

Мы сказками предания зовем,
  Мы глухи днем, мы дня не понимаем;
Но в сумраке мы сказками живем
  И тишине доверчиво внимаем.

Мы в призраки не верим; но и нас
  Томит любовь, томит тоска разлуки...
Я им внимал, я слышал их не раз,
  Те грустные и сладостные звуки!

⟨1903 – 1905⟩

ВЕРШИНА

Леса, скалистые теснины —
И целый день, в конце теснин,
Громада снеговой вершины
Из-за лесных глядит вершин.

Селений нет, ущелья дики,
Леса синеют и молчат,
И серых скал нагие пики
На скатах из лесов торчат.

Но целый день,— куда ни кину
Вдоль по горам смущенный взор,—
Лишь эту белую вершину
Повсюду вижу из-за гор.

Она полнеба заступила,
За облака ушла венцом —
И все смирилось, все застыло
Пред этим льдистым мертвецом.

⟨1903 — 1905⟩

В ОТКРЫТОМ МОРЕ

В открытом море — только небо,
  Вода да ветер. Тяжело
Идет волна, и низко кренит
  Фелюка серое крыло.

В открытом море ветер гонит
  То свет, то тень — и в облака
Сквозит лазурь... А ты забыта,
  Ты бесконечно далека!

Но волны, пенясь и качаясь,
  Идут, бегут навстречу мне —
И кто-то синими глазами
  Глядит в мелькающей волне.

И что-то вольное, живое,
  Как эта синяя вода,
Опять, опять напоминает
  То, что забыто навсегда!

⟨1903 — 1905⟩

ПОД ВЕЧЕР

Угрюмо шмель гудит, толкаясь по стеклу...
В окно зарница глянула тревожно...
Притихший соловей в сирени на валу
Выводит трели осторожно.

Гром, проворчав в саду, скатился за гумно;
Но воздух меркнет, небо потухает...
А тополь тянется в открытое окно
И ладаном благоухает.

/1903 — 1905/

СКВОЗЬ ВЕТВИ

Осень листья темной краской метит:
Не уйти им от своей судьбы!
Но светло и нежно небо светит
Сквозь нагие черные дубы,

Что-то неземное обещает,
К тишине уводит от забот —
И опять, опять душа прощает
Промелькнувший, обманувший год!

⟨1903 — 1905⟩

ОГОНЬ

Нет ничего грустней ночного
Костра, забытого в бору.
О, как дрожит он, потухая
И разгораясь на ветру!

Ночной холодный ветер с моря
Внезапно залетает в бор;
Он, бешено кружась, бросает
В костер истлевший хвойный сор —

И пламя вспыхивает жадно,
И тьма, висевшая шатром,
Вдруг затрепещет, открывая
Стволы и ветви над костром.

Но ветер пролетает мимо,
Теряясь в черной высоте,
И ветру отвечает гулом
Весь бор, невидный в темноте,

И снова затопляет тьмою
Свет замирающий... О, да!
Еще порыв, еще усилье —
И он исчезнет без следа,

И явственней во мраке станет
Звон сонной хвои, скрип стволов
И этот жуткий, все растущий,
Протяжный гул морских валов.

⟨1903 — 1905⟩

НА ВИНОГРАДНИКЕ

На винограднике нельзя дышать. Лоза
Пожухла, сморщилась. Лучистый отблеск моря
И белизна шоссе слепят огнем глаза,
А дача на холме, на голом косогоре.

Скрываюсь в дом. О, рай! Прохладно и темно,
Все ставни заперты... Но нет, и здесь не скрыться:
Прямой горячий луч блестит сквозь щель в окно —
И понемногу тьма редеет, золотится.

Еще мгновение — и приглядишься к ней,
И будешь чувствовать, что за стеною — море,
Что за стеной — шоссе, что нет нигде теней,
Что вся земля горит в сияющем просторе!

⟨1903 – 1905⟩

СТОН

Как розовое море — даль пустынь.
Как синий лотос — озеро Мерида.
«Встань, сонный раб, и свой шалаш покинь:
Уж озлатилась солнцем пирамида».

И раб встает. От жесткого одра
Идет под зной и пламень небосклона.
Рассвет горит. И в пышном блеске Ра
Вдали звучат стенания Мемнона.

⟨1903 — 1905⟩

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ КААБЫ

Он драгоценной яшмой был когда-то,
Он был неизреченной белизны —
Как цвет садов блаженного Джинната,
Как горный снег в дни солнца и весны.

Дух Гавриил для старца Авраама
Его нашел среди песков и скал,
И гении хранили двери храма,
Где он жемчужной грудою сверкал.

Но шли века — со всех концов вселенной
К нему неслись молитвы, и рекой
Текли во храм, далекий и священный,
Сердца, обремененные тоской...

Аллах! Аллах! Померк твой дар бесценный —
Померк от слез и горести людской!

⟨1903 — 1906⟩

ЗА ИЗМЕНУ

Вспомни тех, что покинули
страну свою ради страха смерти.

Коран

Их господь истребил за измену несчастной отчизне,
Он костями их тел, черепами усеял поля.
Воскресил их пророк: он просил им у господа жизни.
Но позора земли никогда не прощает Земля.

Две легенды о них прочитал я в легендах Востока.
Милосерда одна: воскрешенные пали в бою.
Но другая жестока: до гроба, по слову пророка,
Воскрешенные жили в пустынном и диком краю.

В этот день восставанья из мертвых одежды их черными
стали,
В знак того, что на них — замогильного тления след,
И до гроба их лица, склоненные долу в печали,
Сохранили свинцовый, холодный, безжизненный цвет.

⟨1903 — 1906⟩

ГРОБНИЦА САФИИ

Горный ключ по скатам и оврагам,
Полусонный, убегает вниз.
Как чернец, над белым саркофагом
В синем небе замер кипарис.

Нежные, как девушки, мимозы
Льют под ним узор своих ветвей,
И цветут, благоухают розы
На кустах, где плачет соловей.

Ниже — дикий берег и туманный,
Еле уловимый горизонт:
Там простор воздушный и безгранный,
Голубая бездна — Геллеспонт.

Мир тебе, о юная! Смиренно
Я целую белое тюрбэ:
Пять веков бессмертна и нетленна
На Востоке память о тебе.

Счастлив тот, кто жизнью мир пленяет.
Но стократ счастливей тот, чей прах
Веру в жизнь бессмертную вселяет
И цветет легендами в веках!

⟨1903 — 1906⟩

ЧИБИСЫ

Заплакали чибисы, тонко и ярко
  Весенняя светится синь,
Обвяла дорога, где солнце — там жарко,
  Сереет и сохнет полынь.

На серых полях — голубые озера,
  На пашнях — лиловая грязь.
И чибисы плачут — от света, простора,
  От счастия — плакать, смеясь.

13.IV.06

КУПАЛЬЩИЦА

Смугла, ланиты побледнели,
И потемнел лучистый взгляд.
На молодом холодном теле
Струится шелковый наряд.

Залив опаловою гладью
В дали сияющей разлит.
И легкий ветер смольной прядью
Ее волос чуть шевелит.

И млеет знойно-голубое
Подобье гор — далекий Крым.
И горяча тропа на зное
По виноградникам сухим.

1906

НОВЫЙ ГОД

Ночь прошла за шумной встречей года...
Сколько сладкой муки! Сколько раз
Я ловил, сквозь блеск огней и говор,
Быстрый взгляд твоих влюбленных глаз!

Вышли мы, когда уже светало
И в церквах затеплились огни...
О, как мы любили! Как томились!
Но и здесь мы были не одни.

Молча шла ты об руку со мною
По средине улиц. Городок
Точно вымер. Мягко веял влажный
Тающего снега холодок...

Но подъезд уж близок. Вот и двери...
О, прощальный милый взгляд! «Хоть раз,
Только раз прильнуть к тебе всем сердцем
В этот ранний, в этот сладкий час!»

Но сестра стоит, глядит бесстрастно.
«Доброй ночи!» Сдержанный поклон,
Стук дверей — и я один. Молчанье,
Бледный сумрак, предрассветный звон...

⟨1906⟩

ЗМЕЯ

Покуда март гудит в лесу по голым
Снастям ветвей,— бесцветна и плоска,
Я сплю в дупле. Я сплю в листве тяжелым,
Холодным сном — и жду: весна близка.

Уж в облаках, как синие оконца,
Сквозит лазурь... Подсохло у корней,
И мотылек в горячем свете солнца
Припал к листве... Я шевелюсь под ней,

Я развиваю кольца, опьяняюсь
Теплом лучей... Я медленно ползу —
И вновь цвету, горю, меняюсь,
Ряжусь то в медь, то в сталь, то в бирюзу.

Где суше лес, где много пестрых листьев
И желтых мух, там пестрый жгут — змея.
Чем жарче день, чем мухи золотистей —
Тем ядовитей я.

⟨1906⟩

ПЕЧАЛЬ

На диких скалах, средь развалин —
Рать кипарисов. Она гудит
Под ветром с моря. Угрюм, печален
Пустынный остров, нагой гранит.

Уж берег темен — заходят тучи.
Как крылья чаек, среди камней
Мелькает пена. Прибой все круче,
Порывы ветра все холодней.

И кто-то скорбный, в одежде темной,
Стоит над морем... Вдали — печаль
И сумрак ночи...

⟨1903 — 1906⟩

ПЕСНЯ

Я — простая девка на баштане,
Он — рыбак, веселый человек.
Тонет белый парус на Лимане,
Много видел он морей и рек.

Говорят, гречанки на Босфоре
Хороши... А я черна, худа.
Утопает белый парус в море —
Может, не вернется никогда!

Буду ждать в погоду, в непогоду...
Не дождусь — с баштана разочтусь,
Выйду к морю, брошу перстень в воду
И косою черной удавлюсь.

‹1903 — 1906›

РЕЧКА

Светло, легко и своенравно
Она блестит среди болот
И к старым мельницам так плавно
Несет стекло весенних вод.

Несет — и знать себе не хочет,
Что там, над омутом в лесу,
Безумно Водяной грохочет,
Стремглав летя по колесу,—

Пылит на мельницах помолом,
Трясет и жернов и привод —
И, падая в бреду тяжелом,
Кружит седой водоворот.

⟨1903 — 1906⟩

ПАХАРЬ

Легко и бледно небо голубое,
Поля в весенней дымке. Влажный пар
Взрезаю я — и лезут на подвои
Пласты земли, бесценный божий дар.

По борозде спеша за сошниками,
Я оставляю мягкие следы —
Так хорошо разутыми ногами
Ступать на бархат теплой борозды!

В лилово-синем море чернозема
Затерян я. И далеко за мной,
Где тусклый блеск лежит на кровле дома,
Струится первый зной.

1903 — 1906

ЧУЖАЯ

Ты чужая, но любишь,
Любишь только меня.
Ты меня не забудешь
До последнего дня.

Ты покорно и скромно
Шла за ним от венца.
Но лицо ты склонила —
Он не видел лица.

Ты с ним женщиной стала,
Но не девушка ль ты?
Сколько в каждом движенье
Простоты, красоты!

Будут снова измены...
Но один только раз
Так застенчиво светит
Нежность любящих глаз.

Ты и скрыть не умеешь,
Что ему ты чужда...
Ты меня не забудешь
Никогда, никогда!

1903 — 1906

АПРЕЛЬ

Туманный серп, неясный полумрак,
Свинцово-тусклый блеск железной крыши,
Шум мельницы, далекий лай собак,
Таинственный зигзаг летучей мыши.

А в старом палисаднике темно,
Свежо и сладко пахнет можжевельник,
И сонно, сонно светится сквозь ельник
Серпа зеленоватое пятно.

1903 — 1906

ДЕТСТВО

Чем жарче день, тем сладостней в бору
Дышать сухим смолистым ароматом,
И весело мне было поутру
Бродить по этим солнечным палатам!

Повсюду блеск, повсюду яркий свет,
Песок — как шелк... Прильну к сосне корявой
И чувствую: мне только десять лет,
А ствол — гигант, тяжелый, величавый.

Кора груба, морщиниста, красна,
Но так тепла, так солнцем вся прогрета!
И кажется, что пахнет не сосна,
А зной и сухость солнечного света.

1903 — 1906

ТЕРЕМ

Высоко стоит луна.
   Тени елей резки, четки.
Я — в светлице у окна,
Я бледнее полотна...
   В серебре пруты решетки.

Мать, отец — все спят давно.
   Я с распущенной косою
Загляделася в окно...
Я бледна, как полотно,
   Как поляна под росою.

Подоконник не велик,
   Все же можно здесь прижаться...
С неба смотрит лунный лик,
И у ног на половик
   Клетки белые ложатся.

Да и я — как в серебре,
   Испещренная крестами...
Долги ночи в сентябре!
Но усну лишь на заре,
   Истомленная мечтами.

1903 — 1906

КАМЕННАЯ БАБА

От зноя травы сухи и мертвы.
Степь — без границ, но даль синеет слабо.
Вот остов лошадиной головы.
Вот снова — Каменная Баба.

Как сонны эти плоские черты!
Как первобытно-грубо это тело!
Но я стою, боюсь тебя... А ты
Мне улыбаешься несмело.

О дикое исчадье древней тьмы!
Не ты ль когда-то было громовержцем?
— Не бог, не бог нас создал. Это мы
Богов творили рабским сердцем.

1903 — 1906

У БЕРЕГОВ МАЛОЙ АЗИИ

Здесь царство Амазонок. Были дики
Их буйные забавы. Много дней
Звучали здесь их радостные клики
И ржание купавшихся коней.

Но век наш — миг. И кто укажет ныне,
Где на пески ступала их нога?
Не ветер ли среди морской пустыни?
Не эти ли нагие берега?

Давно унес, развеял ветер южный
Их голоса от этих берегов...
Давно слизал, размыл прибой жемчужный
С сырых песков следы подков...

1903 — 1906

ЗОЛОТОЙ НЕВОД

Волна ушла — блестят, как золотые,
  На солнце валуны.
Волна идет — как из стекла литые,
  Идут бугры волны.

По ним скользит, колышется медуза,
  Живой морской цветок...
Но вот волна изнемогла от груза
  И пала на песок,

Зеркальной зыбью блещет и дробится,
  А солнце под водой
По валунам скользит и шевелится,
  Как невод золотой.

1903 — 1906

ДАГЕСТАН

Насторожись, стань крепче в стремена.
В ущелье мрак, шумящие каскады.
И до небес скалистые громады
Встают в конце ущелья — как стена.

Над их челом — далеких звезд алмазы.
А на груди, в зловещей темноте,
Лежит аул: дракон тысячеглазый
Гнездится в высоте.

1903 — 1906

НА ОБВАЛЕ

Печальный берег! Сизые твердыни
Гранитных стен до облака встают,
А ниже — хаос каменной пустыни,
Лавина щебня, дьявола приют.

Но нищета смиренна. Одиноко
Она ушла на берег — и к скале
Прилипла сакля... Верный раб пророка
Довольствуется малым на земле.

И вот — жилье. Над хижиной убогой
Дымок синеет... Прыгает коза...
И со скалы, нависшей над дорогой,
Блестят агатом детские глаза.

1903 — 1906

АЙЯ-СОФИЯ

Светильники горели, непонятный
Звучал язык,— великий шейх читал
Святой Коран,— и купол необъятный
В угрюмом мраке пропадал.

Кривую саблю вскинув над толпою,
Шейх поднял лик, закрыл глаза — и страх
Царил в толпе, и мертвою, слепою
Она лежала на коврах...

А утром храм был светел. Все молчало
В смиренной и священной тишине,
И солнце ярко купол озаряло
В непостижимой вышине.

И голуби в нем, рея, ворковали,
И с вышины, из каждого окна,
Простор небес и воздух сладко звали
К тебе, Любовь, к тебе, Весна!

1903 — 1906

К ВОСТОКУ

Вот и скрылись, позабылись снежных гор чалмы.
Зной пустыни, путь к востоку, мертвые холмы.

Каменистый, красно-серый, мутный океан
На восток уходит, в знойный, в голубой туман.

И все жарче, шире веет из степей теплынь,
И все суше, слаще пахнет горькая полынь.

И холмы все безнадежней. Глина, роговик...
День тут светел, бесконечен, вечер синь и дик.

И едва стемнеет, смеркнет, где-то между скал,
Как дитя, как джинн пустыни, плачется шакал,

И на мягких крыльях совки трепетно парят,
И на тусклом небе звезды сумрачно горят.

1903 — 1906

ПТИЦА

Мы привязали к шее каждого его птицу.

Коран

На всех на вас — на каждой багрянице,
На каждом пыльном рубище раба —
Есть амулет, подобный вещей птице,
Есть тайный знак, и этот знак — Судьба.

От древности, когда он путь свой начал,
Он совершал его среди гробов:
Он, проходя, следы свои означил
Зловещей белизною черепов.

Хамсин на них горячей мглою дует,
Песок, струясь, бежит по их костям.
Всем чуждая, на них сова ночует
Среди могильных ям.

1903 — 1906

1906-1911

* * *

Огромный, красный, старый пароход
У мола стал, вернувшись из Сиднея.
Белеет мол и, радостно синея,
Безоблачный сияет небосвод.

В тиши, в тепле, на солнце, в изумрудной
Сквозной воде, склонясь на левый борт,
Гигант уснул. И спит пахучий порт,
Спят грузчики. Белеет мол безлюдный.

В воде прозрачной виден узкий киль,
Весь в ракушках. Их слой зелено-ржавый
Нарос давно... У Суматры, у Явы,
В Великом океане... в зной и штиль.

Мальчишка-негр в турецкой грязной феске
Висит в бадье, по борту, красит бак —
И от воды на свежий красный лак
Зеркальные восходят арабески.

И лак блестит под черною рукой,
Слепит глаза... И мальчик-обезьяна
Сквозь сон поет... Простой напев Судана
Звучит в тиши всем чуждою тоской.

VIII.06

* * *

Люблю цветные стекла окон
И сумрак от столетних лип,
Звенящей люстры серый кокон
И половиц прогнивших скрип.

Люблю неясный винный запах
Из шифоньерок и от книг
В стеклянных невысоких шкапах,
Где рядом Сю и Патерик.

Люблю их синие странички,
Их четкий шрифт, простой набор,
И серебро икон в божничке,
И в горке матовый фарфор,

И вас, и вас, дагерротипы,
Черты давно поблекших лиц,
И сумрак от столетней липы,
И скрип прогнивших половиц.

1906

* * *

Луна еще прозрачна и бледна,
Чуть розовеет пепел небосклона,
И золотится берег. Уж видна
Тень кипариса у балкона.

Пойдем к обрывам. Млеющей волной
Вода переливается. И вскоре
Из края в край под золотой луной
Затеплится и засияет море.

Ночь будет ясная, веселая. Вдали,
На рейде, две турецких бригантины.
Вот поднимают парус. Вот зажгли
Сигналы — изумруды и рубины.

Но ветра нет. И будут до зари
Они дремать и медленно качаться,
И будут в лунном свете фонари
Глазами утомленными казаться.

1906

* * *

И скрип и визг над бухтой, наводненной
Буграми влаги пенисто-зеленой:
Как в забытьи шатаются над ней
Кресты нагих запутанных снастей,
А чайки с криком падают меж ними,
Сверкая в реях крыльями тугими,
Иль белою яичной скорлупой
Скользят в воде зелено-голубой.
Еще бегут поспешно и высоко
Лохмотья туч, но ветер от востока
Уж дал горам лиловые цвета,
Чеканит грани снежного хребта
На синем небе, свежем и блестящем,
И сыплет в море золотом кипящим.

1906

* * *

Проснусь, проснусь — за окнами, в саду,
Все тот же снег, все тот же блеск полярный.
А в зале сумрак. Слушаю и жду:
И вот опять — таинственный, коварный,
Чуть слышный треск... Конечно, пол иль мышь.
Но как насторожишься, как следишь
За кем-то, притаившимся у двери
В повисшей без движения портьере!
Но *он* молчит, он замер. Тюль гардин
Сквозит в голубоватом лунном блеске,
Да чуть мерцают — искорками льдин —
Под люстрою стеклянные подвески.

1906

ПЕТРОВ ДЕНЬ

Девушки-русалочки,
Нынче наш последний день!
Свет за лесом занимается,
Побледнели небеса,
Собираются с дубинами
Мужики из деревень
На опушку, к морю сизому
Холодного овса...
Мы из речки — на долину,
Из долины — по отвесу,
По березовому лесу —
На равнину,
На восток, на ранний свет,
На серебряный рассвет,
На овсы,
Вдоль по жемчугу
По сизому росы!
Девушки-русалочки,
Звонко стало по лугам.
Забелела речка в сумраке,
В алеющем пару,
Пнями пахнет лес березовый
По откосам, берегам, —
Густ и зелен он, кудрявый,
Поутру...
Поутру вода тепла,
Холодна трава седая,
Вся медовая, густая,
Да идут на нас с дрекольем из села.
Что ж! Мы стаей на откосы,
На опушку — из берез,
На бегу растреплем косы,
Упадем с разбега в росы
И до слез
Щекотать друг друга будем,
Хохотать и, назло людям,
Мять овес!
Девушки-русалочки,
Стойте, поглядите на рассвет:

Бел-восток алеет, ширится, —
Широко зарей в полях,
Ни души-то нету, милые,
Только ранний алый свет
Да холодный крупный жемчуг
На стеблях...
Мы, нагие,
Всем чужие,
На опушке, на поляне,
Бледны, по пояс в пару, —
Нам пора, сестрицы, к няне,
Ко двору!
Жарко в небе солнце божье
На Петров играет день,
До Ильи сулит бездождье,
Пыль, сухмень —
Будут знойные зарницы
Зáрить хлеб,
Будет омут наш, сестрицы,
Темен, слеп!

1906

* * *

Ограда, крест, зеленая могила,
Роса, простор и тишина полей...
— Благоухай, звенящее кадило,
Дыханием рубиновых углей!

Сегодня год. Последние напевы,
Последний вздох, последний фимиам...
— Цветите, зрейте, новые посевы,
Для новых жатв! Придет черед и вам.

1906

* * *

Растет, растет могильная трава,
Зеленая, веселая, живая,
Омыла плиты влага дождевая,
И мох покрыл ненужные слова.

По вечерам заплакала сова,
К моей душе забывчивой взывая,
И старый склеп, руина гробовая,
Таит укор... Но ты, земля, права!

Как нежны на алеющем закате
Кремли далеких синих облаков!
Как вырезаны крылья ветряков
За темною долиною на скате!

Земля, земля! Весенний сладкий зов!
Ужель есть счастье даже и в утрате?

1906

ВАЛЬС

Похолодели лепестки
Раскрытых губ, по-детски влажных —
И зал плывет, плывет в протяжных
Напевах счастья и тоски.

Сиянье люстр и зыбь зеркал
Слились в один мираж хрустальный —
И веет, веет ветер бальный
Теплом душистых опахал.

1906

ДЯДЬКА

За окнами — снега, степная гладь и ширь,
На переплетах рам — следы ночной пурги...
Как тих и скучен дом! Как съежился снегирь
От стужи за окном.— Но вот слуга. Шаги.

По комнатам идет седой костлявый дед,
Несет вечерний чай: «Опять глядишь в углы?
Небось все писем ждешь, депеш да эстафет?
Не жди. Ей не до нас. Теперь в Москве — балы».

Смутясь, глядит барчук на строгие очки,
На седину бровей, на розовую плешь...
— Да нет, старик, я так... Сыграем в дурачки,
Пораньше ляжем спать... Каких уж там депеш!

1906

НА РЕЙДЕ

Люблю сухой, горячий блеск червонца,
Когда его уронят с корабля
И он, скользнув лучистой каплей солнца,
Прорежет волны у руля.

Склонясь с бортов, с невольною улыбкой
Все смотрят вниз. А он уже исчез.
Вверх по корме струится глянец зыбкий
От волн, от солнца и небес.

Как жар горят червонной медью гайки
Под серебристым тентом корабля.
И плавают на снежных крыльях чайки,
Косясь на волны у руля.

1906

«Ковчег под предводительством осла —
Вот мир людей. Живите во Вселенной.
Земля — вертеп обмана, лжи и зла.
Живите красотою неизменной.

Ты, мать-земля, душе моей близка —
И далека. Люблю я смех и радость,
Но в радости моей — всегда тоска,
В тоске всегда — таинственная сладость!»

И вот он посох странника берет:
Простите, келий сумрачные своды!
Его душа, всем чуждая, живет
Теперь одним — дыханием свободы.

«Вы все рабы. Царь вашей веры — Зверь:
Я свергну трон слепой и мрачной веры.
Вы в капище: я распахну вам дверь
На блеск и свет, в лазурь и бездну Сферы.

Ни бездне бездн, ни жизни грани нет.
Мы остановим солнце Птоломея —
И вихрь миров, несметный сонм планет,
Пред нами развернется, пламенея!»

И он дерзнул на все — вплодь до небес.
Но разрушенье — жажда созиданья,
И, разрушая, жаждал он чудес —
Божественной гармонии Созданья.

Глаза сияют, дерзкая мечта
В мир откровений радостных уносит.
Лишь в истине — и цель и красота.
Но тем сильнее сердце жизни просит.

«Ты, девочка! ты, с ангельским лицом,
Поющая над старой звонкой лютней!
Я мог твоим быть другом и отцом...
Но я один. Нет в мире бесприютней!

Высоко нес я стяг своей любви.
Но есть другие радости, другие:
Оледенив желания свои,
Я только твой, познание,— софия!»

И вот опять он странник. И опять
Глядит он вдаль. Глаза блестят, но строго
Его лицо. Враги, вам не понять,
Что бог есть Свет. И он умрет за бога.

«Мир — бездна бездн. И каждый атом в нем
Проникнут богом — жизнью, красотою.
Живя и умирая, мы живем
Единою, всемирною Душою.

Ты, с лютнею! Мечты твоих очей
Не эту ль Жизнь и Радость отражали?
Ты, солнце! вы, созвездия ночей!
Вы только этой Радостью дышали».

И маленький тревожный человек
С блестящим взглядом, ярким и холодным,
Идет в огонь. *«Умерший в рабский век*
Бессмертием венчается — в свободном!

Я умираю — ибо так хочу.
Развей, палач, развей мой прах, презренный!
Привет Вселенной, Солнцу! Палачу! —
Он мысль мою развеет по Вселенной!»

1906

В МОСКВЕ

Здесь, в старых переулках за Арбатом,
Совсем особый город... Вот и март.
И холодно и низко в мезонине,
Немало крыс, но по ночам — чудесно.
Днем — ростепель, канели, греет солнце,
А ночью подморозит, станет чисто,
Светло — и так похоже на Москву,
Старинную, далекую. Усядусь,
Огня не зажигая, возле окон,
Облитых лунным светом, и смотрю
На сад, на звезды редкие... Как нежно
Весной ночное небо! Как спокойна
Луна весною! Теплятся, как свечи,
Кресты на древней церковке. Сквозь ветви
В глубоком небе ласково сияют,
Как золотые кованые шлемы,
Головки мелких куполов...

1906

ХРАМ СОЛНЦА

Шесть золотистых мраморных колонн,
Безбрежная зеленая долина,
Ливан в снегу и неба синий склон.

Я видел Нил и Сфинкса-исполина,
Я видел пирамиды: ты сильней,
Прекрасней, допотопная руина!

Там глыбы желто-пепельных камней,
Забытые могилы в океане
Нагих песков. Здесь радость юных дней.

Патриархально-царственные ткани —
Снегов и скал продольные ряды —
Лежат, как пестрый талес, на Ливане.

Под ним луга, зеленые сады
И сладостный, как горная прохлада,
Шум быстрой малахитовой воды.

Под ним стоянка верного Номада.
И пусть она забвенна и пуста:
Бессмертным солнцем светит колоннада.

В блаженный мир ведут ее врата.

Баальбек, 6.V.07

ВОСКРЕСЕНИЕ

В апрельский жаркий полдень, по кремнистой
Дороге меж цветущими садами
Пришел монах, высокий францисканец,
К монастырю над синим южным морем.
«Кто там?» — сказал привратник из-за двери.
«Брат во Христе», — ответил францисканец.
«Кого вам надо?» — «Брата Габриэля».
«Он нынче занят — пишет Воскресенье».
Тогда монах сорвал с ограды розу,
Швырнул во двор — и с недовольным видом
Пошел назад. А роза за оградой
Рассыпалась на мрамор черным пеплом.

1907

* * *

Шла сиротка пыльною дорогой,
На степи боялась заблудиться.
Встретился прохожий, глянул строго,
К мачехе велел ей воротиться.

Долгими лугами шла сиротка,
Плакала, боялась темной ночи.
Повстречался ангел, глянул кротко
И потупил ангельские очи.

По пригоркам шла сиротка, стала
Подниматься тропочкой неровной.
Встретился господь у перевала,
Глянул милосердно и любовно.

«Не трудись,— сказал он,— не разбудишь
Матери в ее могиле тесной:
Ты моей, сиротка, дочкой будешь»,—
И увел сиротку в рай небесный.

1907

СЛЕПОЙ

Вот он идет проселочной дорогой,
Без шапки, рослый, думающий, строгий,
С мешками, с палкой, в рваном армячишке,
Держась рукой за плечико мальчишки.

И звонким альтом, жалобным и страстным,
Поет, кричит мальчишка, — о прекрасном
Об Алексее, божьем человеке,
Под недовольный, мрачный бас калеки.

«Вы пожалейте,— плачет альт,— бездомных!
Вы наградите, люди, сирых, темных!»
И бас грозит: «В аду, в огне сгорите!
На пропитанье наше сотворите!»

И, угрожая, властным, мерным шагом
Идет к избушке ветхой над оврагом,
Над скудной балкой вдоль иссохшей речки,
А там одна старуха на крылечке.

И крестится старуха и дрожащей
Рукою ищет грошик завалящий
И жалко плачет, сморщивая брови,
Об окаянной грешнице Прасковье.

1907

НОВЫЙ ХРАМ

По алтарям, пустым и белым,
Весенний ветер дул на нас,
И кто-то сверху капал мелом
На золотой иконостас.

И звучный гул бродил в колоннах,
Среди лесов. И по лесам
Мы шли в широких балахонах,
С кистями, в купол, к небесам.

И часто, вместе с малярами,
Там пели песни. И Христа,
Что слушал нас в веселом храме,
Мы написали неспроста.

Нам все казалось, что под эти
Простые песни вспомнит он
Порог и солнце в Назарете,
Верстак и кубовый хитон.

1907

* * *

Кошка в крапиве за домом жила.
Дом обветшалый молчал, как могила.
Кошка в него по ночам приходила
И замирала напротив стола.

Стол обращен к образам — позабыли,
Стол как стоял, так остался. В углу
Каплями воск затвердел на полу —
Это горевшие свечи оплыли.

Помнишь? Лежит старичок-холостяк:
Кротко закрыты ресницы — и кротко
В черненький галстук воткнулась бородка...
Свечи пылают, дрожит нависающий мрак...

Темен теперь этот дом по ночам.
Кошка приходит и светит глазами.
Угол мерцает во тьме образами.
Ветер шумит по печам.

1907

* * *

Присела на могильнике Савуре
Старуха Смерть, глядит на людный шлях.
Цветущий лен полоскою лазури
Синеет на полях.

И говорит старуха Смерть: «Здорово,
Прохожие! Не надо ли кому
Льняного погребального покрова? —
Недорого возьму».

И говорит Савур-курган: «Не каркай!
И саван — прах. И саван обречен
Истлеть в земле, чтоб снова вырос яркий
Небесно-синий лен».

1907

* * *

Там иволга, как флейта, распевала,
Там утреннее солнце пригревало
Труд муравьев — живые бугорки.
Вдруг пегая легавая собака,
Тропинкой добежав до буерака,
Залаяла. Я быстро взвел курки.

Змея? Барсук? — Плетенка с костяникой.
А на березе девочка — и дикий
Испуг в лице и глазках: над ручьем
Дугой береза белая склонилась —

И вот она вскарабкалась, схватилась
За ствол и закачалася на нем.

Поспешно повернулся я, поспешно
Пошел назад... Младенчески-безгрешно
И радостно откликнулась душа
На этот ужас милый... Вся пестрела
Березовая роща, флейта пела —
И жизнь была чудесно хороша.

1907

* * *

Щебечут пестрокрылые чекканки
На глиняных могильных бугорках.
Дорога в Мекку. Древние стоянки
В пустыне, в зное, на песках.

Где вы, хаджи? Где ваши дромадеры?
Вдали слюдой блестят солончаки.
Кругом погост. Бугры рогаты, серы,
Как голых се́дел арсаки.

Дамаск, 1907

ПУСТОШЬ

Мир вам, в земле почившие! — За садом
Погост рабов, погост дворовых наших:
Две десятины пустоши, волнистой
От бугорков могильных. Ни креста,
Ни деревца. Местами уцелели
Лишь каменные плиты, да и то
Изъеденные временем, как оспой...
Теперь их скоро выберут — и будут
Выпахивать то пористые кости,
То суздальские черные иконки...

Мир вам, давно забытые! — Кто знает
Их имена простые? Жили — в страхе,
В безвестности — почили. Иногда
В селе ковали цепи, засекали,
На поселенье гнали. Но стихал
Однообразный бабий плач — и снова
Шли дни труда, покорности и страха...
Теперь от этой жизни уцелели
Лишь каменные плиты. А пройдет
Железный плуг — и пустошь всколосится
Густою рожью. Кости удобряют...

Мир вам, неотомщенные! — Свидетель
Великого и подлого, бессильный
Свидетель зверств, расстрелов, пыток, казней,
Я, чье чело отмечено навеки
Клеймом раба, невольника, холопа,
Я говорю почившим: «Спите, спите!
Не вы одни страдали: внуки ваших
Владык и повелителей испили
Не меньше вас из горькой чаши рабства!»

1907

* * *

В столетнем мраке черной ели
Краснела темная заря,
И светляки в кустах горели
Зеленым дымом янтаря,

И ты играла в темной зале
С открытой дверью на балкон,
И пела грусть твоей рояли
Про невозвратный небосклон,

Что был над парком, — бледный, ровный,
Ночной, июньский, — там, где след
Души счастливой и любовной,
Души моих далеких лет.

1907

НАСЛЕДСТВО

В угольной — солнце, запах кипариса...
В ней круглый год не выставляли рам.
Покой любила тетушка Лариса,
Тепло, уют... И тихо было там.

Пол мягко устлан — коврики, попоны...
Все старомодно — кресла, туалет,
Комод, кровать... В углу на юг — иконы,
И сколько их в божничке — счету нет!

Но, тетушка, о чем вы им молились,
Когда шептали в требник и псалтырь
Да свечи жгли? Зачем не удалились
Вы заживо в могилу — в монастырь?

Приемышу с молоденькой женою
Дала приют... «Скучненько нам втроем,
Да что же делать-с! Давит тишиною
Вас домик мой? Так не живите в нем!»

И молодые сели, укатили...
А тетушка скончалась в тишине
Лишь прошлый год... Вот филин и в могиле,
Я Крезом стал... Да что-то скучно мне!

Дом развалился, темен, гнил и жалок,
Варок раскрыт, в саду — мужицкий скот,
Двор в лопухах... И сколько бойких галок
Сидит у труб!.. Но вот и «старый» ход.

По-прежнему дверь в залу туалетом
Заставлена в угольной. На столах
Алеет пыль. Вечерним низким светом
Из окон солнце блещет в зеркалах.

А в образничке — суздальские лики
Угодников. Уж сняли за долги
Оклады с них. Они угрюмы, дики
И смотрят друг на друга, как враги.

Бог с ними! С паутиною, пенькою
Я вырываю раму. Из щелей
Бегут двухвостки. Садом и рекою
В окно пахнуло... Так-то веселей!

Сад вечереет. Слаще и свежее
Запахло в нем. Прозрачный месяц встал.
В угольной ночью жутко... Да Кощеи
Мне нипочем: я тетушку видал!

1906 — 1907

НЯНЯ

В старой темной девичьей,
  На пустом ларе,
Села, согревается...
  Лунно на дворе,
Иней синим бисером
  На окне блестит,
Над столом висячая
  Лампочка коптит...
Что-то вспоминается?
  Отчего в глазах
Столько скорби, кротости?..
  Лапти на ногах,
Голова закутана
  Шалью набивной,
Полушубок старенький...
  «Здравствуй, друг родной!
Что ж ты не сказалася?»
  Поднялась, трясет
Головою дряхлою
  И к руке идет,
Кланяется низенько...
  «В дом иди». — «Иду-с».
«Как живется-можется?»
  «Что-то не пойму-с».
«Как живешь, я спрашивал,
  Все одна?» — «Одна-с».
«А невестка?» — «В городе-с.
  Позабыла нас!»
«Как же ты с внучатами?»
  «Так вот и живу-с».
«Нас-то вспоминала ли?»
  «Всех как наяву-с».
«Да не то: не стыдно ли
  Было не прийти?»
«Боязно-с: а ну-кася
  Да помрешь в пути».
И трясет с улыбкою,
  Грустной и больной,

Головой закутанной,
  И следит за мной,
Ловит губ движения...
  «Ну, идем, идем,
Там и побеседуем
  И чайку попьем».

1906 — 1907

НА ПЛЮЩИХЕ

Пол навощен, блестит паркетом.
Столовая озарена
Полуденным горячим светом.
Спит кот на солнце у окна:

Мурлыкает и томно щурит
Янтарь зрачков, как леопард,
А бабушка — в качалке, курит
И думает: «Итак, уж март!

А там и праздники, и лето,
И снова осень...» Вдруг в окно
Влетело что-то, — вдоль буфета
Мелькнуло светлое пятно,

Зажглось, блеснув, в паркетном воске —
И вновь исчезло... Что за шут?
А! это улицей подростки,
Как солнце, зеркало несут.

И снова думы: «Оглянуться
Не успеваешь — года нет...»
А в окна, сквозь гардины, льются
Столбы лучей, горячий свет,

И дым, ленивою куделью
Сливаясь с светлой полосой,
Синеет, тает... Как за елью
В далекой просеке, весной.

1906 — 1907

С КОРАБЛЯ

Для жизни жизнь! Вот пенные буруны
У сизых каменистых берегов.
Вон красный киль давно разбитой шхуны...
Но кто жалеет мертвых рыбаков?

В сыром песке на солнце сохнут кости...
Но радость неба, свет и бирюза,
Еще свежей при утреннем норд-осте —
И блеск костей лишь радует глаза.

1906 — 1907

ОБВАЛ

В степи, с обрыва, на сто миль
Морская ширь открыта взорам.
Внизу, в стремнине, глина, пыль,
Щепа и кости с мелким сором.

Гудели ночью тополя,
В дремоте море бушевало —
Вдруг тяжко охнула земля,
Весь берег дрогнул от обвала!

Сегодня там стоят, глядят
И алой, белой повиликой
На солнце зонтики блестят
Над бездной пенистой и дикой.

Никто не знал, что здесь — погост,
Да и теперь — кому он нужен!
Весенний ветер свеж и прост,
Он только с молодостью дружен!

Внизу — щепа, гробы в пыли...
Да море берег косит, косит
Серпами волн — и от земли
Далеко сор ее уносит!

1906 — 1907

* * *

Вдоль этих плоских знойных берегов
Лежат пески, торчат кусты дзарига.
И моря пышноцветное индиго
Равниною глядит из-за песков.

Нет даже чаек. Слабо проползает
Шуршащий краб. Желтеют кости рыб.
И берегов краснеющий изгиб
В лиловых полутонах исчезает.

1906 — 1907

МАНДРАГОРА

Цветок Мандрагора из могил расцветает,
Над гробами зарытых возле виселиц черных.
Мертвый соками тленья Мандрагору питает —
И она расцветает в травах диких и сорных.

Брат Каин, взрастивший Мандрагору из яда!
Бог убийцу, быть может, милосердно осудит.
Но палач — не убийца: он — исчадие ада,
И цветок, полный яда, бог тебе не забудет!

1906 — 1907

Пой, соловей! Они томятся:
В шатрах узорчатых мимоз,
На их ресницах серебрятся
Алмазы томных крупных слез.

Сад в эту ночь — как сад Ирема.
И сладострастна, и бледна,
Как в шакнизир, в тайник гарема,
В узор ветвей глядит луна.

Белеет мел стены неясно.
Но там, где свет, его атлас
Горит так зелено и страстно,
Как изумруд змеиных глаз.

Пой, соловей! Томят желанья.
Цветы молчат — нет слов у них:
Их сладкий зов — благоуханья,
Алмазы слез — покорность их.

1906 — 1907

С ОБЕЗЬЯНОЙ

Ай, тяжела турецкая шарманка!
Бредет седой согнувшийся хорват
По дачам утром. В юбке обезьянка
Бежит за ним, смешно поднявши зад.

И детское и старческое что-то
В ее глазах печальных. Как цыган,
Сожжен хорват. Пыль, солнце, зной, забота...
Далеко от Одессы на Фонтан!

Ограды дач еще в живом узоре —
В тени акаций. Солнце из-за дач
Глядит в листву. В аллеях блещет море...
День будет долог, светел и горяч.

И будет сонно, сонно. Черепицы
Стеклом светиться будут. Промелькнет
Велосипед бесшумным махом птицы,
Да прогремит в немецкой фуре лед.

Ай, хорошо напиться! Есть копейка,
А вон киоск: большой стакан воды
Даст с томною улыбкою еврейка...
Но путь далек... Сады, сады, сады...

Зверок устал, — взор старичка-ребенка
Томит тоской. Хорват от жажды пьян.
Но пьет зверок: лиловая ладонка
Хватает жадно пенистый стакан.

Поднявши брови, тянет обезьяна,
А он жует засохший белый хлеб
И медленно отходит в тень платана...
Ты далеко, Загреб!

1906 — 1907

САВАОФ

Я помню сумрак каменных аркад,
В средине свет — и красный блеск атласа
В сквозном узоре старых царских врат,
На золотой стене иконостаса.

Я помню купол грубо-голубой:
Там Саваоф, с простертыми руками,
Над скудною и темною толпой,
Царил меж звезд, повитых облаками.

Был вечер, март, сияла синева
Из узких окон, в куполе пробитых,
Мертво звучали древние слова.

Весенний отблеск был на скользких плитах —
И грозная седая голова
Текла меж звезд, туманами повитых.

28.VII.08

В АРХИПЕЛАГЕ

Осенний день в лиловой крупной зыби
Блистал, как медь. Эол и Посейдон
Вели в снастях певучий долгий стон,
И наш корабль нырял подобно рыбе.

Вдали был мыс. Высоко на изгибе,
Сквозя, вставал неровный ряд колонн.
Но песня рей меня клонила в сон —
Корабль нырял в лиловой крупной зыби.

Не все ль равно, что это старый храм,
Что на мысу — забытый портик Феба!
Запомнил я лишь ряд колонн да небо.

Дым облаков курился по горам,
Пустынный мыс был схож с ковригой хлеба.
Я жил во сне. Богов творил я сам.

12.VIII.08

БОГ ПОЛДНЯ

Я черных коз пасла с меньшой сестрой
Меж красных скал, колючих трав и глины.
Залив был синь. И камни, грея спины,
На жарком солнце спали под горой.

Я прилегла в сухую тень маслины
С корявой серебристою корой —
И он сошел, как мух звенящий рой,
Как свет сквозной горячей паутины.

Он озарил мне ноги. Обнажил
Их до колен. На серебре рубашки
Горел огнем. И навзничь положил.

Его объятья сладостны и тяжки.
Он мне сосцы загаром окружил
И научил варить настой ромашки.

12.VIII.08

* * *

Открыты окна. В белой мастерской
Следы отъезда: сор, клочки конверта.
В углу стоит прямой скелет мольберта.
Из окон тянет свежестью морской.

Дни все светлей, все тише, золотистей —
И ни полям, ни морю нет конца.
С корявой, старой груши у крыльца
Спадают розовые листья.

28.VIII.08

ХУДОЖНИК

Хрустя по серой гальке, он прошел
Покатый сад, взглянул по водоемам,
Сел на скамью... За новым белым домом
Хребет Яйлы и близок и тяжел.

Томясь от зноя, грифельный журавль
Стоит в кусте. Опущена косица,
Нога — как трость... Он говорит: «Что, птица?
Недурно бы на Волгу, в Ярославль!»

Он, улыбаясь, думает о том,
Как будут выносить его — как сизы
На жарком солнце траурные ризы,
Как желт огонь, как бел на синем дом.

«С крыльца с кадилом сходит толстый поп,
Выводит хор... Журавль, пугаясь хора,
Защелкает, взовьется от забора —
И ну плясать и стукать клювом в гроб!»

В груди першит. С шоссе несется пыль,
Горячая, особенно сухая.
Он снял пенсне и думает, перхая:
«Да-с, водевиль... Все прочее есть гиль».

1908

* * *

В полях сухие стебли кукурузы,
Следы колес и блеклая ботва.
В холодном море — бледные медузы
И красная подводная трава.

Поля и осень. Море и нагие
Обрывы скал. Вот ночь, и мы идем
На темный берег. В море — летаргия
Во всем великом таинстве своем.

«Ты видишь воду?» — «Вижу только ртутный
Туманный блеск...» Ни неба, ни земли.
Лишь звездный блеск висит под нами — в мутной
Бездонно-фосфорической пыли.

1908

КРУЖЕВО

Весь день метель. За дверью у соседа
Стучат часы и каплет с окон лед.
У барышни-соседки с мясоеда
Поет щегол. А барышня плетет.

Сидит, выводит крестики и мушки,
Бледна, как снег, скромна, как лен в степи.
Темно в уездной крохотной избушке,
Наскучили гремучие коклюшки,
Весна идет... Да как же быть? Терпи.

Синеет дым метели, вьются галки
Над старой колокольней... День прошел,
А толку что? — Текут с окна мочалки,
И о весне поет дурак щегол.

1906 — 1908

СОБАКА

Мечтай, мечтай. Все у́же и тусклей
Ты смотришь золотистыми глазами
На вьюжный двор, на снег, прилипший к раме,
На метлы гулких, дымных тополей.

Вздыхая, ты свернулась потеплей
У ног моих — и думаешь... Мы сами
Томим себя — тоской иных полей,
Иных пустынь... за пермскими горами.

Ты вспоминаешь то, что чуждо мне:
Седое небо, тундры, льды и чумы
В твоей студеной дикой стороне.

Но я всегда делю с тобою думы:
Я человек: как бог, я обречен
Познать тоску всех стран и всех времен.

4.VIII.09

ПОЛНОЧЬ

Ноябрь, сырая полночь. Городок,
Весь меловой, весь бледный под луною,
Подавлен безответной тишиною.
Приливный шум торжественно-широк.

На мачте коменданта флаг намок.
Вверху, над самой мачтой, над сквозною
И мутной мглой, бегущей на восток,
Скользит луна зеркальной белизною.

Иду к обрывам. Шум грознее. Свет
Таинственней, тусклее и печальней.
Волна качает сваи под купальней.

Вдали — седая бездна. Моря нет.
И валуны, в шипящей серой пене,
Блестят внизу, как спящие тюлени.

6.VIII.09

РАССВЕТ

Как стая птиц, в пустыне одиноко
Белеет форт. За ним — пески, страна
Нагих бугров. На золоте востока
Четка и фиолетова она.

Рейд солнца ждет. Из черных труб «Марокко»
Восходит дым. Зеленая волна
Стальною сажей, блестками полна,
Качает мерно, плавно и широко.

Вот первый луч. Все окна на борту
Зажглись огнем. Вот пар взлетел — и трубы
Призывно заревели в высоту.

Подняв весло, гребец оскалил зубы:
Как нежно плачет колокол в порту
Под этот рев торжественный и грубый!

13.VIII.09

* * *

Горит хрусталь, горит рубин в вине,
Звездой дрожит на скатерти в салоне.
Последний остров тонет в небосклоне,
Где зной и блеск слились в горячем сне.

На баке бриз. Там, на носу, на фоие
Сухих небес, на жуткой крутизне,
Сидит ливиец в белом балахоне,
Глядит на снег, кипящий в глубине.

И влажный шум над этой влажной бездной
Клонит в дрему. И острый ржавый нос,
Не торопясь, своей броней железной
В снегу взрезает синий купорос.

Сквозь купорос, сквозь радугу от пыли,
Струясь, краснеет киноварь на киле.

14.VIII.09

ВЕЧЕР

О счастье мы всегда лишь вспоминаем.
А счастье всюду. Может быть, оно
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно.

В бездонном небе легким белым краем
Встает, сияет облако. Давно
Слежу за ним... Мы мало видим, знаем,
А счастье только знающим дано.

Окно открыто. Пискнула и села
На подоконник птичка. И от книг
Усталый взгляд я отвожу на миг.

День вечереет, небо опустело.
Гул молотилки слышен на гумне...
Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне.

14.VIII.09

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ

Как в гору, шли мы в зыбь, в слепящий блеск заката.
Холмилась и росла лиловая волна.
С холма на холм лилось оранжевое злато,
И глубь небес была прозрачно-зелена.

Дым из жерла трубы летел назад. В упругом
Кимвальном пенье рей дрожал холодный гул.
И солнца лик мертвел. Громада моря кругом
Объяла горизонт. Везувий потонул.

И до бортов вставал и, упадая, мерно
Шумел разверстый вал. И гребень, закипев,
Сквозил и розовел, как пенное Фалерно, —
И малахит скользил в кроваво-черный зев.

9.VI.09

СПОР

— Счастливы мы, фессалийцы! Черное, с розовой пеной,
Пахнет нагретой землей наше густое вино.
Хлеб от вина лиловеет. Кусок овечьего сыру,
Влажно-соленый, крутой, горную свежесть хранит.

«Крит позабыл ты, хвастун! Мастика хмельнее и слаще:
Палуба ходит, скользит, парус сияет, как снег,
Пляшут зеленые волны — и пьяная цепь рулевая,
Скрежеща, вдоль бортов ползает ржавой змеей».

17.VIII.09

ПЕСНЯ

Зацвела на воле
В поле бирюза.
Да не смотрят в душу
Милые глаза.

Помню, помню нежный,
Безмятежный лен.
Да далеко где-то
Зацветает он.

Помню, помню чистый
И лучистый взгляд.
Да поднять ресницы
Люди не велят.

1906 — 1909

НОЧНЫЕ ЦИКАДЫ

Прибрежный хрящ и голые обрывы
Степных равнин луной озарены.
Хрустальный звон сливает с небом нивы.

Цветы, колосья, травы им полны,
Он ни на миг не молкнет, но не будит
Бесстрастной предрассветной тишины.

Ночь стелет тень и влажный берег студит,
Ночь тянет вдаль свой невод золотой —
И скоро блеск померкнет и убудет.

Но степь поет. Как колос налитой,
Полна душа. Земля зовет: спешите
Любить, творить, пьянить себя мечтой!

От бледных звезд, раскинутых в зените,
И до земли, где стынет лунный сон,
Текут хрустально трепетные нити.

Из сонма жизней соткан этот звон.

10.IX.10

* * *

Окно по ночам голубое,
Да ветхо и криво оно:
Сквозь стекла расплющенный месяц
Как тусклое блещет пятно.

Дед рано ложится, а внучке
Неволя: лежи и не спи
Да думай от скуки. А долги
Осенние ночи в степи!

Вчера чумаки проходили
По шляху под хатой. Была
Морозная полночь. Блестели
Колеса, рога у вола.

Тянулась арба за арбою,
И месяц глядел как живой
На шлях, на шагавшие тени,
На борозды с мералой ботвой...

У Каспия тони, там хватит
Работы на всех — и давно
Ушла бы туда с чумаками,
Да мило кривое окно.

28.1.11.
Гелуан (под Каиром)

МАТЕРИ

Я помню спальню и лампадку,
Игрушки, теплую кроватку
И милый, кроткий голос твой:
«Ангел-хранитель над тобой!»

Бывало, раздевает няня
И полушепотом бранит,
А сладкий сон, глаза туманя,
К ее плечу меня клонит.

Ты перекрестишь, поцелуешь,
Напомнишь мне, что он со мной,
И верой в счастье очаруешь...
Я помню, помню голос твой!

Я помню ночь, тепло кроватки,
Лампадку в сумраке угла
И тени от цепей лампадки...
Не ты ли ангелом была?

1906 — 1911

БЕЗ ИМЕНИ

Курган разрыт. В тяжелом саркофаге
Он спит, как страж. Железный меч в руке.
Поют над ним узорной вязью саги,
Беззвучные, на звучном языке.

Но лик сокрыт — опущено забрало.
Но плащ истлел на ржавленой броне.
Был воин, вождь. Но имя Смерть украла
И унеслась на черном скакуне.

1906 — 1911

МУЖИЧОК

Ельничком, березничком — где душа захочет —
В Киев пробирается божий мужичок.
Смотрит, нет ли ягодки? Горбится, бормочет,
Съест и ухмыляется: я, мол, дурачок.
«Али сладко, дедушка?» — «Грешен: сладко, внучек».
«Что ж, и на здоровье. А куда идешь?»
«Я-то? А не ведаю. Вроде вольных тучек.
Со крестом да с верой всякий путь хорош».
Ягодка по ягодке — вот и слава богу:
Сыты. А завидим белые холсты,
Подойдем с молитвою, глянем на дорогу,
Сдернем, сунем в сумочку — и опять в кусты.

1906 — 1911

ДВОРЕЦКИЙ

Ночник горит в холодном и угрюмом
Огромном зале скупо и темно.
Дом окружен зловещим гулом, шумом
Столетних лип, стучащихся в окно.

Дождь льет всю ночь. То чудится, что кто-то
К крыльцу подъехал... То издалека
Несется крик... А тут еще забота:
Течет сквозь крышу, каплет с потолка.

Опять вставай, опять возись с тазами!
И все при этом скудном ночнике,
С опухшими и сонными глазами,
В подштанниках и ветхом сюртучке!

1906 — 1911

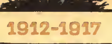
КРИНИЦА

Торчит журавль над шахтой под горой.
Зарей в лугу краснеет плахта,
Гремит ведро — и звучною игрой,
Глубоким гулом вторит шахта.

В ее провале, темном и сыром —
Бездонный блеск. Журавль склоняет шею,
Скрипит и, захлебнувшись серебром,
Опять возносится над нею.

Плывет, качаясь, тяжкое ведро,
Сверкает жесть — и медленно вдоль луга
Идет она — и стройное бедро
Под красной плахтой так упруго.

1906 — 1911

1912-1917

ПСКОВСКИЙ БОР

Вдали темно и чащи строги.
Под красной мачтой, под сосной
Стою и медлю — на пороге
В мир позабытый, но родной.

Достойны ль мы своих наследий?
Мне будет слишком жутко там,
Где тропы рысей и медведей
Уводят к сказочным тропам,

Где зернь краснеет на калине,
Где гниль покрыта ржавым мхом
И ягоды туманно-сини
На можжевельнике сухом.

23.VII.12

ДВА ГОЛОСА

— Ночь, сынок, непроглядная,
А дорога глуха...

— Троеперого знахарю
Я отнес петуха.

— Лес, дремучий, разбойничий,
Темен с давних времен...

— Нож булатный за пазухой
Горячо наточен!

— Реки быстры и холодны,
Перевозчики спят...

— За рекой ветер высушит
Мой нехитрый наряд!

— А когда же мне, дитятко,
Ко двору тебя ждать?

— Уж давай мы как следует
Попрощаемся, мать!

23.VII.12

* * *

Ночь зимняя мутна и холодна,
Как мертвая, стоит в выси луна.
Из радужного бледного кольца
Глядит она на след мой у крыльца,
На тень мою, на молчаливый дом
И на кустарник в инее густом.
Еще блестит оконное стекло,
Но волчьей мглой поля заволокло,
На севере огни полночных звезд
Горят из мглы, как из пушистых гнезд.

Снег меж кустов, туманно-голубой,
Осыпан жесткой серою крупой.
Таинственным дыханием гоним,
Туман плывет, — и я мешаюсь с ним.

И меркнет тень, и двинулась луна,
В свой бледный свет, как в дым, погружена,
И кажется, вот-вот и я пойму
Незримое — идущее в дыму
От тех земель, от тех предвечных стран,
Где гробовой чернеет океан,
Где, наступив на ледяную Ось,
Превыше звезд восстал Великий Лось —
И отражают бледные снега
Стоцветные горящие рога.

25.VII.12

Глаза козюли, медленно ползущей
К своей норе ночною сонной пущей,
Горят, как угли. Сумрачная мгла
Стоит в кустах — и вот она зажгла
Два ночника, что зажигать дано ей
Лишь девять раз, и под колючей хвоей
Влачит свой жгут она так тихо, что сова,
Плывя за ней, следит едва-едва
Шуршанье мхов. А ночь темна в июле,
А враг везде — и страшен он козюле
В ночном бору, где смолк обычный шум:
Она сосредоточила весь ум,
Всю силу зла в своем горящем взгляде,
И даже их, ежей, идущих сзади,
Пугает яд, когда она в пути
Помедлит, чтоб преграду обойти,
Головку приподымет, водит жалом
Над мухомором, сморщенным и алым,
Глядит на пни, торчащие из ям,
И светит полусонным муравьям.

28.VII.12

В СИЦИЛИИ

Монастыря в предгориях глухих,
Наследие разбойников морских,
Обители забытые, пустые —
Моя душа жила когда-то в них:
Люблю, люблю вас, келии простые,
Дворы в стенах тяжелых и нагих,
Валы и рвы, от плесени седые,
Под башнями кустарники густые
И глыбы скользких пепельных камней,
Загромоздивших скаты побережий,
Где сквозь маслины кажется синей
Вода у скал, где крепко треплет свежий,
Соленый ветер листьями маслин
И на ветру благоухает тмин!

1.VIII.12

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

«Дай мне звезду,— твердит ребенок сонный,—
Дай, мамочка...» Она, обняв его,
Сидит с ним на балконе, на ступеньках,
Ведущих в сад. А сад, степной, глухой,
Идет, темнея, в сумрак летней ночи,
По скату к балке. В небе, на востоке,
Краснеет одинокая звезда.

«Дай, мамочка...» Она с улыбкой нежной
Глядит в худое личико: «Что, милый?»
«Вон ту звезду...» — «А для чего?» — «Играть...»

Лепечут листья сада. Тонким свистом
Сурки в степи скликаются. Ребенок
Спит на колене матери. И мать,
Обняв его, вздохнув счастливым вздохом,
Глядит большими грустными глазами
На тихую далекую звезду...

Прекрасна ты, душа людская! Небу,
Бездонному, спокойному, ночному,
Мерцанью звезд подобна ты порой!

1.VIII.12

БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ

Едет стрелок в зеленые луга,
В тех ли лугах осока да куга,
В тех ли лугах все чемёр да цветы,
Вешней водою низы налиты.
— Белый Олень, Золотые Рога!
Ты не топчи заливные луга.

Прянул Олень, увидавши стрелка,
Конь богатырский шатнулся слегка,
Плеткой стрелок по Оленю стебнул,
Крепкой рукой самострел натянул,
Да опустилась на гриву рука:
Белый Олень, погубил ты стрелка!

— Ты не стебай, не стреляй, молодец,
Примешь ты скоро заветный венец
В некое время сгожусь я тебе,
С луга к веселой приду я избе:
Тут и забавам стрелецким конец —
Будешь ты дома сидеть, молодец.

Стану, Олень, на дворе я с утра,
Златом рогов освечу полдвора,
Сладким вином поезжан напою,
Всех особливей невесту твою:
Чтоб не мочила слезами лица,
Чтоб не боялась кольца и венца.

1.VIII.12

Не мало царств, не мало стран на свете.
Мы любим тростниковые ковры,
Мы ходим не в кофейни, а в мечети,
На солнечные тихие дворы.

Мы не купцы с базара. Мы не рады,
Когда вступает пыльный караван
В святой Дамаск, в его сады, ограды:
Нам не нужны подачки англичан.

Мы терпим их. Но ни одежды белой,
Ни белых шлемов видеть не хотим.
Написано: чужому зла не делай,
Но и очей не подымай пред ним.

Скажи привет, но помни: ты в зеленом.
Когда придут, гляди на кипарис,
Гляди в лазурь. Не будь хамелеоном,
Что по стене мелькает вверх и вниз.

VIII.12

* * *

Шипит и не встает верблюд,
Ревут, урчат бока скотины.
— Ударь ногой. Уже поют
В рассвете алом муэззины.

Стамбул жемчужно-сер вдали,
От дыма сизо на Босфоре,
В дыму выходят корабли
В седое Мраморное море.

Дым смешан с холодом воды,
Он пахнет медом и ванилью,
И вами, белые сады,
И кизяком, и росной пылью.

Выносит красный самовар
Грек из кофейни под каштаном,
Баранов гонят на базар,
Проснулись нищие за ханом:

Пора идти, глядеть весь день
На зной и блеск, и все к востоку,
Где только птиц косая тень
Бежит по выжженному дроку.

VIII.12

УГОЛЬ

Могол Тимур принес малютке-сыну
Огнем горящий уголь и рубин.
Он мудрый был: не к камню, не к рубину
В восторге детском кинулся Имин.

Могол сказал: «Кричи и знай, что пленка
Уже легла на меркнущий огонь».
Но бог мудрей: бог пожалел ребенка —
Он сам подул на детскую ладонь.

VIII.12

СУДНЫЙ ДЕНЬ

В щит золотой, висящий у престола,
Копьем ударит ангел Израфил —
И саранчой вдоль сумрачного дола
Мы потечем из треснувших могил.

Щит загудит — и ты восстанешь, боже,
И тень твоя падет на судный дол,
И будет твердь подобна красной коже,
Повергнутой кожевником в рассол.

8.VIII.12

* * *

Часы, шипя, двенадцать раз пробили
В соседней зале, темной и пустой,
Мгновения, бегущие чредой
К безвестности, к забвению, к могиле,

На краткий срок свой бег остановили
И вновь узор чеканят золотой:
Заворожен ритмической мечтой,
Вновь отдаюсь меня стремящей силе.

Раскрыв глаза, гляжу на яркий свет
И слышу сердца ровное биенье,
И этих строк размеренное пенье,
И мыслимую музыку планет.

Все ритм и бег. Бесцельное стремленье!
Но страшен миг, когда стремленья нет.

9.VIII.12

* * *

Как дым пожара, туча шла.
Молчала старая дорога.
Такая тишина была,
Что в ней был слышен голос бога,
Великий, жуткий для земли
И внятный не земному слуху,
А только внемлющему духу.
Жгло солнце. Блеклые, в пыли,
Серели травы. Степь роняла
Беззвучно зерна — рожь текла
Как бы крупинками стекла
В суглинок жаркий. Тонко, вяло,
Седые крылья распустив,
Птенцы грачей во ржи кричали.
Но в духоте песчаных нив
Терялся крик. И вырастали
На юге тучи. И листва
Ветлы, склоненной к их подножью,
Вся серебристой млела дрожью —
В грядущем страхе божества.

10.VIII.12

СВЕТЛЯК

Леса, пески, сухой и теплый воздух,
Напев сверчков, таинственно простой.
Над головою — небо в бледных звездах,
Под хвоей — сумрак, мягкий и густой.

Вот и она, забытая, глухая,
Часовенка в бору: издалека
Мерцает в ней, всю ночь не потухая,
Зеленая лампадка светляка.

Когда-то озаряла нам дорогу
Другая в этой сумрачной глуши...
Но чья святей? Равно угоден богу
Свет и во тьме немеркнущей души.

Под Себежем, 24.VIII.12

СТЕПЬ

Синий ворон от падали
Алый клюв поднимал и глядел.
А другие косились и прядали,
А кустарник шумел, шелестел.

Синий ворон пьет глазки до донушка,
Собирает по косточкам дань.
Сторона ли моя, ты, сторонушка,
Вековая моя глухомань!

21.IX.12

Среди кривых стволов, среди ветвей корявых
Ползет молочный дым: окуривают сад.
Все яблони в цвету — и вот, в зеленых травах,
Огни, как языки, краснеют и дрожат.

Бесцветный запад чист — жди к полночи мороза.
И соловьи всю ночь поют из теплых гнезд
В дурмане голубом дымящего навоза,
В серебряной пыли туманно-ярких звезд.

2.III.13

МАТРОС

Ночью в море крепко спать хотелось,
Измотало зыбью нашу барку,
На носу — угодника Николу,
На корме — малиновый фонарик.

А пришли к Патрасу — рассветает,
Море заштилело, зеленеет,
На востоке, светлом, апельсинном,
Розовеют снеговые горы.

У кого есть деньги, тот в кофейне,
Пьет мастику или чай с лимоном —
Э, успею выспаться! Скорее
Дай мне сыру и вина покрепче!

Сладко ослабею, сытый, пьяный,
Забурлю кальяном, а хозяин
Будет усмехаться — и от смеха
Нос его короткий станет клювом.

8.III.13

СВЯТОГОР

В чистом поле, у камня Алатыря,
Будит конь Святогора-богатыря:
  Грудью пал на колчан Святогор.
Ворон по полю плавает, каркая.
Свет-заря помутилася жаркая.
  Месяц встал на полночный дозор.

Ой, не спит Святогор,— притворяется!
Конь легонько копытом касается
  До плеча в золоченой резьбе:
«Я ль не сытый пшеницею яровой?
Я ль не крытый попоною жаровой?
  Мне ль Ивана носить на себе?»

В чистом поле, у камня Алатыря,
Светит месяц по шлему богатыря:
  Принял божию смерть Святогор.
Конь вздыхает, ревет по-звериному:
Он служил господину единому!
  А Иван распахнул бел шатер:

Он ползет по росе, подкрадается,
Он татарином диким гоняется,
  Он за гриву хватает коня.
Ночь за ночью идет, ворон каркает,
Ветром конь вкруг Алатыря шаркает,
  Стременами пустыми звеня.

Анакапри, 8.III.13

ЗАВЕТ СААДИ

Будь щедрым, как пальма. А если не можешь, то будь
Стволом кипариса, прямым и простым — благородным.

Трапезонд, VI.13

ДЕДУШКА

Дедушка ест грушу на лежанке,
Деснами кусает спелый плод.
Поднял плеч костлявые останки
И втянул в них череп, как урод.

Глазки — что коринки, со звериной
Пустотой и грустью. Все забыл.
Уж запасся гробовой холстиной,
Но к еде — какой-то лютый пыл.

Чует: отовсюду обступила,
Смотрит на лежанку, на кровать
Ждущая, томительная Сила...
И спешит, спешит он — дожевать.

19.VIII.13

МАЧЕХА

У меня, сироты, была мачеха злая.
В избу пустую ночью пришла я:

В темные лесы гнала меня мати
Жито сырое молоть, просевати.

Много смолола я — куры не пели,
Слышу, дверные крюки заскрипели,

Глянула — вижу железные роги,
Черную Мати, косматые ноги.

Брала меня Мати за правую руку,
Вела меня Мати к венцу да на муку,

За темные лесы, за синие боры,
За быстрые реки, за белые горы.

Ой, да я лесы прошла со свечами,
В плынь я плыла по рекам со слезами,

В трубы по белым горам я трубила:
Слушайте, люди, кого я любила!

20.VIII.13

ОТРАВА

Свекровь-госпожа в терему до полдён заспалась:
Спи, родная, спи, я одна, молода, убиралась!
Серьгу и кольцо я в бору колдуну отдала,
Питье на меду да на сладком корню развела.

И черен и смолен зеленый за теремом бор.
Сынок твой воротится, сыщет под лавкой топор:
«Сынок, не буди меня: клонит старуху ко сну.
Сруби мне два дерева — ель да рудую сосну».

— Ин, ель на постель, а сосну? — «А ее на кровать:
На бархате смольном в гробу золотом почивать,
На хвое примятой княгиню положите вы,
С болотною мятой округ восковой головы...»

Уж как же я буду за церковью выть, голосить!
Уж как же я выйду наране покосы косить!
В коралл, в костенику я косы свои уберу,
Шальною и дикой завьюсь, замотаюсь в бору!

20.VIII.13

МУШКЕТ

Видел сон Мушкет:
Видел он азовские подолья,
На бурьяне, на татарках — алый цвет,
А в бурьяне — ржавых копий колья.

Черт ловил в жгуты,
Засушил в крови казачьи чубы.
Эх, Мушкет! А что же делал ты?
Видишь ли оскаленные зубы?

Твой крестовый брат
В Цареграде был посажен на кол.
Брат зовет Мушкета в Цареград —
И Мушкет проснулся и заплакал.

Встал, жену убил,
Сонных зарубил своих малюток,
И пошел в туретчину, и был
В Цареграде через сорок суток.

И турецкий хан
Отрубил ему башку седую,
И швырнули ту башку в лиман,
И плыла она, качаясь, в даль морскую.

И глядела ввысь,—
К господу глаза ее глядели.
И господь утешил: «Не журись,
Не тужи, Мушкет,— попы тебя отпели».

VIII.13

ВЕНЕЦИЯ

Восемь лет в Венеции я не был...
Всякий раз, когда вокзал минуешь
И на пристань выйдешь, удивляет
Тишина Венеции, пьянеешь
От морского воздуха каналов.
Эти лодки, барки, маслянистый
Блеск воды, огнями озаренной,
А за нею низкий ряд фасадов
Как бы из слоновой грязной кости,
А над ними синий южный вечер,
Мокрый и ненастный, но налитый
Синевою мягкою, лиловой, —
Радостно все это было видеть!

Восемь лет... Я спал в давно знакомой
Низкой, старой комнате, под белым
Потолком, расписанным цветами.
Утром слышу,— колокол: и звонко
И певуче, но не к нам взывает
Этот чистый одинокий голос,
Голос древней жизни, от которой
Только красота одна осталась!
Утром косо розовое солнце
Заглянуло в узкий переулок,
Озаряя отблеском от дома,
От стены напротив — и опять я
Радостную близость моря, воли
Ощутил, увидевши над крышей,
Над бельем, что по ветру трепалось,
Облаков сиреневые клочья
В жидком, влажно-бирюзовом небе.
А потом на крышу прибежала
И белье снимала, напевая,
Девушка с раскрытой головою,
Стройная и тонкая... Я вспомнил
Капри, Грациэллу Ламартина...
Восемь лет назад я был моложе,
Но не сердцем, нет, совсем не сердцем!

В полдень, возле Марка, что казался
Патриархом Сирии и Смирны,
Солнце, улыбаясь в светлой дымке,
Перламутром розовым слепило.
Солнце пригревало стены Дожей,
Площадь и воркующих, кипящих
Сизых голубей, клевавших зерна
Под ногами щедрых форестьеров.
Все блестело — шляпы, обувь, трости,
Щурились глаза, сверкали зубы,
Женщины, весну напоминая
Светлыми нарядами, раскрыли
Шелковые зонтики, чтоб шелком
Озаряло лица... В галерее
Я сидел, спросил газету, кофе
И о чем-то думал... Тот, кто молод,
Знает, что он любит. Мы не знаем —
Целый мир мы любим... И далеко,
За каналы, за лежавший плоско
И сиявший в тусклом блеске город,
За лагуны Адрии зеленой,
В голубой простор глядел крылатый
Лев с колонны. В ясную погоду
Он на юге видит Апеннины,
А на сизом севере — тройные
Волны Альп, мерцающих над синью
Платиной горбов своих ледяных...

Вечером — туман, молочно-серый,
Дымный, непроглядный. И пушисто
Зеленеют в нем огни, столбами
Фонари отбрасывают тени.
Траурно Большой канал чернеет
В россыпи огней, туманно-красных,
Марк тяжел и древен. В переулках —
Слякоть, грязь. Идут посередине, —
В опере как будто. Сладко пахнут
Крепкие сигары. И уютно
В светлых галереях — ярко блещут
Их кафе, витрины. Англичане
Покупают кружево и книжки
С толстыми шершавыми листами,
В переплетах с золоченой вязью,
С грубыми застежками... За мною

Девочка пристряла — все касалась
До плеча рукою, улыбаясь
Жалостно и робко: «Mi d'un soldo!»[1]
Долго я сидел потом в таверне,
Долго вспоминал ее прелестный
Жаркий взгляд, лучистые ресницы
И лохмотья... Может быть, арабка?

Ночью, в час, я вышел. Очень сыро,
Но тепло и мягко. На пьяцетте
Камни мокры. Нежно пахнет морем,
Холодно и сыро вонью скользких
Темных переулков, от канала —
Свежестью арбуза. В светлом небе
Над пьяцеттой, против папских статуй
На фасаде церкви — бледный месяц:
То сияет, то за дымом тает,
За осенней мглой, бегущей с моря.
«Не заснул, Энрико?» — Он беззвучно,
Медленно на лунный свет выводит
Длинный черный катафалк гондолы,
Чуть склоняет стан — и вырастает,
Стоя на корме ее... Мы долго

Плыли в узких коридорах улиц,
Между стен высоких и тяжелых...

В этих коридорах — баржи с лесом,
Барки с солью: стали и ночуют.
Под стенами — сваи и ступени,
В плесени и слизи. Сверху — небо,
Лента неба в мелких бледных звездах...
В полночь спит Венеция — быть может,
Лишь в притонах для воров и пьяниц,
За вокзалом, светят щели в ставнях,
И за ними глухо слышны крики,
Буйный хохот, споры и удары
По столам и столикам, залитым
Марсалой и вермутом... Есть прелесть
В этой поздней, в этой чадной жизни
Пьяниц, проституток и матросов!

---

[1] Дай мне сольдо! *(итал.)*

«Ho amato, amo, Desdemona»[1],—
Говорит Энрике, напевая,
И, быть может, слышит эту песню
Кто-нибудь вот в этом темном доме —
Та душа, что любит... За оградой
Вижу садик; в чистом небосклоне —
Голые, прозрачные деревья,
И стеклом блестят они, и пахнет
Сад вином и медом... Этот винный
Запах листьев тоньше, чем весенний!
Молодость груба, жадна, ревнива,
Молодость не знает счастья — видеть
Слезы на ресницах Дездемоны,
Любящей другого...
Вот и светлый
Выход в небо, в лунный блеск и воды!
Здравствуй, небо, здравствуй, ясный месяц,
Перелив зеркальных вод и тонкий
Голубой туман, в котором сказкой
Кажутся вдали дома и церкви!
Здравствуйте, полночные просторы
Золотого млеющего взморья
И огни чуть видного экспресса,
Золотой бегущие цепочкой
По лагунам к югу!

30.VIII.13

---

[1] Я любил, люблю, Дездемона *(итал.)*.

* * *

Теплой ночью, горною тропинкой,
Я иду в оливковом лесу.
Вижу в небе белый, ясный месяц,
В сердце радость мирную несу.

Свет и тень по мне проходят сетью.
Редкий лес похож на серый сад.
Над горой далекой и высокой
Две звезды полночные лежат.

Вот и дома. Белый, ясный месяц —
Против белой мазанки моей.
И всю ночь хрустальными ручьями
Звон цикад журчит среди камней.

4.IX.13

МОГИЛЬНАЯ ПЛИТА

Опять знакомый дом...

Огарев

Могильная плита, железная доска,
В густой траве врастающая в землю,—
И мне печаль могил понятна и близка,
И я родным преданьям внемлю.
И я «люблю людей, которых больше нет»,
Любовью всепрощающей, сыновней.
Последний их побег, я не забыл их след
Под старой, обветшалою часовней.
Я молодым себя, в своем простом быту,
На бедном их погосте вспоминаю.
Последний их побег, под эту же плиту
Приду я лечь — и тихо лягу — с краю.

6.IX.13

ПЕРСТЕНЬ

Рубины мрачные цвели, чернели в нем,
   Внутри пурпурно-кровяные,
Алмазы вспыхивали розовым огнем,
   Дробясь, как слезы ледяные.

Бесценными играл заветный перстень мой,
   Но затаенными лучами:
Так светит и горит сокрытый полутьмой
   Заветный образ в царском храме.

И долго я глядел на этот божий дар
   С тоскою, смутной и тревожной,
И опускал глаза, переходя базар,
   В толпе крикливой и ничтожной.

7.I.15
Москва

СЛОВО

Молчат гробницы, мумии и кости, —
   Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
   Звучат лишь Письмена.

И нет у нас иного достоянья!
   Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
   Наш дар бессмертный — речь.

7.I.15
Москва

* * *

Просыпаюсь в полумраке.
В занесенное окно
Смуглым золотом Исакий
Смотрит дивно и темно.

Утро сумрачное снежно,
Крест ушел в густую мглу.
За окном уютно, нежно
Жмутся голуби к стеклу.

Все мне радостно и ново:
Запах кофе, люстры свет,
Мех ковра, уют алькова
И сырой мороз газет.

17.1.15
Петербург

СВЯТОЙ ЕВСТАФИЙ

Ловец великий перед богом,
Я алчен в молодости был.
В восторге буйном, злом и строгом,
По горным долам и отрогам,
Я расточал мой ловчий пыл.

— Простите, девственные сени
Языческих родимых мест.
Ты сокрушил мои колени,
Смиренный Взор, голгофский Крест.

Вот дал я волю пестрым сворам,
Узду коню: рога, рога
Летят над лиственным узором,
А я — за ними, пьян простором,
Погоней, жаждою врага.

— Простите, девственные сени,
Поющий лес, гремящий бор.
Ты сокрушил мои колени,
Голгофский Крест, смиренный Взор:

Мрак и стволы великой чащи,
Органных труб умолкший ряд,
Взор, и смиренный и грозящий,
И крест из пламени, горящий
В рогах, откинутых назад.

27.VIII.15
Васильевское

ПОЭТУ

В глубоких колодцах вода холодна,
И чем холоднее, тем чище она.
Пастух нерадивый напьется из лужи
И в луже напоит отару свою,
Но добрый опустит в колодец бадью,
Веревку к веревке привяжет потуже.
Бесценный алмаз, оброненный в ночи,
Раб ищет при свете грошовой свечи,
Но зорко он смотрит по пыльным дорогам,
Он ковшиком держит сухую ладонь,
От ветра и тьмы ограждая огонь —
И знай: он с алмазом вернется к чертогам.

27.VIII.15
Васильевское

* * *

Взойди, о Ночь, на горний свой престол,
Стань в бездне бездн, от блеска звезд туманной,
Мир тишины исполни первозданной
И сонных вод смири немой глагол.

В отверстый храм земли, небес, морей
Вновь прихожу с мольбою и тоскою:
Коснись, о Ночь, целящею рукою,
Коснись чела, как божий иерей.

Дала судьба мне слишком щедрый дар,
Виденья дня безмерно ярки были:
Росистый хлад твоей епитрахили
Да утолит души мятежный жар.

31.VIII.15
Васильевское

НЕВЕСТА

Я косы девичьи плела,
На подоконнике сидела,
А ночь созвездьями цвела,
А море медленно шумело,
И степь дрожала в полусне
Своим таинственным журчаньем...
Кто до тебя вошел ко мне?
Кто, в эту ночь перед венчаньем,
Мне душу истомил такой
Любовью, нежностью и мукой?
Кому я отдалась с тоской
Перед последнею разлукой?

2.IX.15

* * *

Роса, при бледно-розовом огне
Далекого востока, золотится.
В степи сидит пастушка на копне,
В степи рассвет, в степи роса дымится.

День впереди, столь радостный для нас,
А сзади ночь, похожая на тучу.
Спят пастухи. Бараны сбились в кучу,
Сверкая янтарями спящих глаз.

2.IX.15

БЕЛЫЙ ЦВЕТ

Пустынник нам сказал: «Благословен господь!
Когда я изнурял бунтующую плоть,
Когда я жил в бору над Малым Танаисом,
Я так скорбел порой, что жаловался крысам,
Сбегавшимся из нор на скудный мой обед,
Да спас меня господь от вражеских побед.
И знаете ли чем, какой утехой сладкой?
Я забавлял себя своею сирой хаткой,
Я мел в горах нашел — и за год раза три
Белил ее, друзья, снаружи и внутри.
Ах, темен, темен мир, и чувствуют лишь дети,
Какая тишина и радость в белом цвете!»

10.IX.15

ОДИНОЧЕСТВО

Худая компаньонка, иностранка,
Купалась в море вечером холодным
И все ждала, что кто-нибудь увидит,
Как выбежит она, полунагая,
В трико, прилипшем к телу, из прибоя.
Потом, надев широкий балахон,
Сидела на песке и ела сливы,
А крупный пес с гремящим лаем прядал
В прибрежную сиреневую кипень
И жаркой пастью радостно кидался
На черный мяч, который с криком «hop!»
Она швыряла в воду... Загорелся
Вдали маяк лучистою звездой...
Сырел песок, взошла луна над морем,
И по волнам у берега ломался,
Сверкал зеленый глянец... На обрыве,
Что возвышался сзади, в светлом небе,
Чернела одинокая скамья...
Там постоял с раскрытой головою
Писатель, пообедавший в гостях,
Сигару покурил и, усмехнувшись,
Подумал: «Полосатое трико
Ее на зебру делало похожей».

10.IX.15

* * *

К вечеру море шумней и мутней,
Парус и дальше и дымней.
Няньки по дачам разносят детей,
Ветер с Финляндии, зимний.

К морю иду — все песок да кусты,
Сосенник сине-зеленый,
С елок холодных срываю кресты,
Иглы из хвои вощеной.

Вот и скамья, и соломенный зонт,
Дальше обрыв — и туманный,
Мглисто-багровый морской горизонт,
Запад зловещий и странный.

А над обрывом все тот же гамак
С томной, капризной девицей,
Стул полотняный и с книжкой чудак,
Гнутый, в пенсне, бледнолицый.

Дремлет, качается в сетке она,
Он ей читает Бальмонта...
Запад темнеет, и свищет сосна,
Тучи плывут с горизонта...

11.IX.15

* * *

В жарком золоте заката Пирамиды.
Вдоль по Нилу, на утеху иностранцам,
Шелком в воду светят парусные лодки
И бежит дуксорский белый пароход.
Это час, когда за Нилом пальмы четки,
И в Каире блещут стекла алым глянцем,
И хедив в ландо катается, и гиды
По кофейням отдыхают от господ.

А сиреневые дали Нила к югу,
К дикой Нубии, к Порогам, смутны, зыбки
И все так же чужды миру, заповедны,
Как при Хуфу, при Камбизе... Я привез
Лук оттуда и колчан зелено-медный,
Щит из кожи бегемота, дротик гибкий,
Мех пантеры и суданскую кольчугу,
Но на что все это мне — вопрос.

13.IX.15

* * *

Что ты мутный, светел-месяц?
Что ты низко в небе ходишь,
Не по-прежнему сия́ешь
На серебряные снеги?

Не впервой мне, месяц, видеть,
Что окно ее высоко,
Что краснеет там лампадка
За шелковой занавеской.

Не впервой я ворочаюсь
Из кружала наглый, пьяный
И всю ночь сижу от скуки
Под Кремлем с блаженным Ваней.

И когда он спит — дивуюсь!
А ведь кволый да и голый...
Все смеется, все бормочет,
Что башка моя на плахе
Так-то весело подскочит!

13.IX.15
Васильевское

КАЗНЬ

Туманно утро красное, туманно,
Да все светлей, белее на восходе,
За темными, за синими лесами,
За дымными болотами, лугами...
Вставайте, подымайтесь, псковичи!

Роса дождем легла на пыль,
На крыши изб, на торг пустой,
На золото церковных глав,
На мой помост средь площади...
Точите нож, мочите солью кнут!

Туманно солнце красное, туманно,
Кровавое не светит и не греет
Над мутными, над белыми лесами,
Над росными болотами, лугами...
Орите позвончее, бирючи!

— Давай, мужик, лицо умыть,
Сапог обуть, кафтан надеть,
Веди меня, вали под нож
В единый мах — не то держись:
Зубами всех заем, не оторвут!

13.IX.15

ШЕСТИКРЫЛЫЙ

Мозаика
в Московском соборе

Алел ты в зареве Батыя —
И потемнел твой жуткий взор.
Ты крылья рыже-золотые
В священном трепете простер.

Узрел ты Грозного юрода
Монашеский истертый шлык
И навсегда в изгибах свода
Застыл твой большеглазый лик.

14.IX.15

ПАРУС

Звездами вышит парус мой,
Высокий, белый и тугой,
Лик богоматери меж них
Сияет, благостен и тих.

И что мне в том, что берега
Уже уходят от меня!
Душа полна, душа строга —
И тонко светятся рога
Младой луны в закате дня.

14.IX.15

СВЯТИТЕЛЬ

Твой гроб, дубовая колода,
Стоял открытый, и к нему
Все шли и шли толпы народа
В душистом голубом дыму.

А на доске, тяжелой, черной,
Был смуглый золотой оклад,
Блистал твой образ чудотворный
В огнях малиновых лампад.

И, осеняя мир десницей
И в шуйцу взяв завет Христа,
Как горько ты, о темнолицый,
Иссохшие смыкал уста!

29.X.15

ЗАЗИМОК

Сивером на холоде
Обжигает желуди,
Листья и кору.
Свищет роща ржавая,
Жесткая, корявая,
В поле на юру.

Ходят тучи с ношею,
Мерзлою порошею
Стало чаще дуть,
Серебрятся озими —
Скоро под полозьями
Задымится путь,

Заиграет вьюгою,
И листву муругую
Понесет смелей
По простору вольному,
Гулу колокольному
Стонущих полей!

29.X.15

АЛЕНУШКА

Аленушка в лесу жила,
Аленушка смугла была,
Глаза у ней горячие,
Блескучие, стоячие,
Мала, мала Аленушка,
А пьет с отцом — до донушка.
Пошла она в леса гулять,
Дружка искать, в кустах вилять,
Да кто ж в лесу встречается?
Одна сосна качается!
Аленушка соскучилась,
Безделием измучилась,
Зажгла она большой костер,
А в сушь огонь куда востер!
Сожгла леса Аленушка
На тыщу верст, до пенушка,
И где сама девалася —
Доныне не узналося!

30.X.15

ИРИСА

Светло в светлице от окна,
  Красавице не спится.
За черным деревом луна,
  Как зеркальце, дробится.

Комар тоскует в полутьме,
  В пуху лебяжьем знойно,
А что порою на уме —
  И молвить непристойно.

Ириса дышит горячо,
  Встает... А ножки босы,
Открыто белое плечо,
  Смолой чернеют косы.

Ступает на ковер она
  И на софу садится...
За черным деревом луна,
  Склоняясь, золотится.

30.X.15

СКОМОРОХИ

Веселые скоморохи,
Люди сметливые,
Поломайтесь, позабавьте
Свет боярина!
Скучно ему во палате!
Днем он выспался,
Шашки, сказки да побаски
Уж приелися.
На лежаночке в павлинах
Сел он, батюшка,
В желтом стеганом халате,
В ярь-мурмулочке.
Шибче, шибче, скоморохи!
Ишь как ожил он!
Глаза узкие, косые
Засветилися,
Все лицо его тугое
Смехом сморщилося,
Корешки зубов из рота
Зачернелися...
Ах, недаром вы, собаки,
Виды видывали!
Шибче, шибче! Чтоб соседи
Нам завидовали!

30.X.15

МАЛАЙСКАЯ ПЕСНЯ

L'èclair vibre sa flèche...
L. de Lisle[1]

Чернеет зыбкий горизонт,
Над белым блеском острых волн
Змеится молний быстрый блеск,
И бьет прибой мой узкий челн.

Сырой и теплый ураган
Проносится в сыром лесу,
И сыплет изумрудный лес
Свою жемчужную красу.

Стою у хижины твоей:
Ты на циновке голубой,
На скользких лыках сладко спишь,
И ветер веет над тобой.

Ты спишь с улыбкой, мой цветок,
Пустая хижина твоя,
В ненастный вечер, на ветру,
Благоухает от тебя.

Ресницы смольные смежив,
Закрывши длинные глаза,
Окутав бедра кисеей,
Ты изогнулась, как лоза.

Мала твоя тугая грудь,
И кожа смуглая гладка,
И влажная нежна ладонь,
И крепкая кругла рука.

И золотые позвонки
Висят на щиколках твоих,
Янтарных, твердых, как кокос,
И сон твой беззаботный тих.

Но черен, черен горизонт!
Зловеще грому вторит гром,
Темнеет лес, и океан
Сверкает острым серебром.

---

[1] Молния мечет свою стрелу... Л. де Лиль *(франц.)*.

Твои уста — пчелиный мед,
Твой смех счастливый — щебет птиц,
Но, женщина, люби лишь раз,
Не поднимай для всех ресниц!

Ты легче лани на бегу,
Но вот на лань, из тростников,
Метнулся розовый огонь
Двух желтых суженных зрачков:

О женщина! Люби лишь раз!
Твой смех лукав, и лгал твой рот —
Клинок мой медный раскален
В моей руке — и метко бьет.

Вот пьяные твои глаза,
Вот побелевшие уста.
Вздувает буря парус мой,
Во мраке вьется блеск холста.

Клинком я голову отсек
В единый взмах от шеи прочь,
Косою к мачте привязал —
И снова в путь, во мрак и ночь.

Раскалывает небо гром —
И озаряет надо мной
По мачте льющуюся кровь
И лик, качаемый волной.

23.1.16

СВЯТОГОР И ИЛЬЯ

На гривастых конях на косматых,
На златых стременах на разлатых,
Едут братья, меньшой и старшой,
Едут сутки, и двое, и трое,
Видят в поле корыто простое,
Наезжают: ан гроб, да большой:

Гроб глубокий, из дуба долбленный,
С черной крышей, тяжелой, томленой,
Вот и поднял ее Святогор,
Лег, надвинул и шутит: «А впору!
Помоги-ка, Илья, Святогору
Снова выйти на божий простор!»

Обнял крышу Илья, усмехнулся,
Во всю грузную печень надулся,
Двинул кверху... Да нет, погоди!
«Ты мечом!» — слышен голос из гроба.
Он за меч,— занимается злоба,
Загорается сердце в груди, —

Но и меч не берет: с виду рубит,
Да не делает дела, а губит:
Где ударит — там обруч готов,
Нарастает железная скрепа:
Не подняться из гробного склепа
Святогору во веки веков!

Кинул биться Илья — божья воля.
Едет прочь вдоль широкого поля,
Утирает слезу... Отняла
Русской силы Земля половину:
Выезжай на иную путину,
На иные дела!

23.I.16

Бысть некая зима
Всех зим иных лютейша паче.
Бысть нестерпимый мраз и бурный ветр,
И снег спаде на землю превеликий,
И храмины засыпа, и не токмо
В путех, но и во граде померзаху
Скоты и человецы без числа,
И птицы мертвы падаху на кровли.
Бысть в оны дни:
Святый своим наготствующим телом
От той зимы безмерно пострада.
Единожды он нощию прииде
Ко храминам убогих и хоте
Согретися у них; но ощутивше
Приход его, инии затворяху
Дверь перед ним, инии же его
Бияху и кричаще: — Прочь отсюду,
Отыде прочь, Юроде! — Он в угле

Псов обрете на снеге и соломе,
И ляже посреди них, но бегоша
Те пси его. И возвратися паки
Святый в притвор церковный и седе,
Согнуся и трясыйся и отчаяв
Спасение себе.— Благословенно
Господне имя! Пси и человецы —
Единое в свирепстве и уме.

23.I.16

СОН ЕПИСКОПА ИГНАТИЯ РОСТОВСКОГО

Изрину князя из церкви соборныя в полнощь...

Летопись

Сон лютый снился мне: в полночь, в соборном храме,
Из древней усыпальницы княжой,
Шли смерды-мертвецы с дымящими свечами,
Гранитный гроб несли, тяжелый и большой.

Я поднял жезл, я крикнул: «В доме бога
Владыка — я! Презренный род, стоять!»
Они идут... Глаза горят... Их много...
И не един не обратился вспять.

23.I.16

Князь Всеслав в железы был закован,
В яму брошен братскою рукой:
Князю был жестокий уготован
Жребий, по жестокости людской.
Русь, его призвав к великой чести,
В Киев из темницы извела.
Да не в час он сел на княжьем месте:
Лишь копьем дотронулся Стола.
Что ж теперь, дорогами глухими,
Воровскими в Полоцк убежав,
Что ж теперь, вдали от мира, в схиме,
Вспоминает темный князь Всеслав?

Только звон твой утренний, София,
Только голос Киева! — Долга
Ночь зимою в Полоцке... Другие
Избы в нем, и церкви, и снега...
Далеко до света,— чуть сереют
Мерзлые окошечки... Но вот
Слышит князь: опять зовут и млеют
Звоны как бы ангельских высот!
В Полоцке звонят, а он иное
Слышит в тонкой грезе... Что года
Горестей, изгнанья! Неземное
Сердцем он запомнил навсегда.

24.1.16

* * *

Мне вечор, младой, скучен терем был,
Темен свет-ночник, страшен Спасов лик.
Вотчим-батюшка самоцвет укрыл
В кипарисовый дорогой тайник!

А любезный друг далеко, в торгу,
Похваляется для другой конем,
Шубу длинную волочит в снегу,
Светит ей огнем, золотым перстнем.

24.I.16

КАДИЛЬНИЦА

В горах Сицилии, в монастыре забытом,
По храму темному, по выщербленным плитам,
В разрушенный алтарь пастух меня привел,
И увидал я там: стоит нагой престол,
А перед ним, в пыли, могильно-золотая,
Давно потухшая, давным-давно пустая,
Лежит кадильница — вся черная внутри
От угля и смолы, пылавших в ней когда-то...

Ты, сердце, полное огня и аромата,
Не забывай о ней. До черноты сгори.

25.I.16

* * *

Когда-то, над тяжелой баркой
С широкодонною кормой,
Немало дней в лазури яркой
Качались снасти надо мной...

Пора, пора мне кинуть сушу,
Вздохнуть свободней и полней —
И вновь крестить нагую душу
В купели неба и морей!

25.I.16

Дурману девочка наелась,
Тошнит, головка разболелась,
Пылают щечки, клонит в сон,
Но сердцу сладко, сладко, сладко:
Все непонятно, все загадка,
Какой-то звон со всех сторон:

Не видя, видит взор иное,
Чудесное и неземное,
Не слыша, ясно ловит слух
Восторг гармонии небесной —
И невесомой, бестелесной
Ее довел домой пастух.

Наутро гробик сколотили,
Над ним попели, покадили,
Мать порыдала... И отец
Прикрыл его тесовой крышкой
И на погост отнес под мышкой...
Ужели сказочке конец?

30.I.16

СОН

По снежной поляне,
При мглистой и быстрой луне,
В безлюдной, немой стороне,
Несут меня сани.

Лежу, как мертвец,
Возница мой гонит и воет,
И лик свой то кажет, то кроет
Небесный беглец.

И мчатся олени,
Глубоко и жарко дыша,
В далекие тундры спеша,
И мчатся их тени —

Туда, где конец
Страны этой бедной, суровой,
Где блещет алмазной подковой
Полярный Венец,—

И мерзлый кочкарник
Визжит и стучит подо мной,
И бог озаряет луной
Снега и кустарник.

30.1.16

У ГРОБНИЦЫ ВИРГИЛИЯ

Дикий лавр, и плющ, и розы,
Дети, тряпки по дворам
И коричневые козы
В сорных травах по буграм,

Без границы и без края
Моря вольные края...
Верю — знал ты, умирая,
Что твоя душа — моя.

Знал поэт: опять весною
Будет смертному дано
Жить отрадою земною,
А кому — не все ль равно!

Запах лавра, запах пыли,
Теплый ветер... Счастлив я,
Что моя душа, Виргилий,
Не моя и не твоя.

31.I.16

* * *

Синие обои полиняли,
Образа, дагерротипы сняли —
Только там остался синий цвет,
Где они висели много лет.

Позабыло сердце, позабыло
Многое, что некогда любило!
Только тех, кого уж больше нет,
Сохранился незабвенный след.

31.I.16

* * *

На помории далеком,
В поле, ровном и широком,
  Белый мак цветет,
И над пряхою-девицей
В небе месяц бледнолицый
  Светит в свой черед.

А девица нитку сучит,
Сердце сонной грезой мучит
  Да глядит вперед,
Где до моря-океана,
До полночного тумана
  Белый мак цветет.

1.11.16

* * *

Там не светит солнце, не бывает ночи,
Не восходят зори,
За гранитным полем грозно блещет в очи
Смоляное море.

Над его ли зыбью, под великой тучей,
Мечется зарница,
А на белом камне, на скале горючей —
Дивная орлица:

Плещется крылами, красными, как пламень,
В этом море диком,
Все кого-то кличет и о белый камень
Бьется с лютым криком.

I.II.16

* * *

Лиман песком от моря отделен.
Когда садится солнце за Лиманом,
Песок бывает ярко позлащен.

Он весь в рыбалках. Белым караваном
Стоят они на грани вод, на той,
Откуда веет ветром, океаном.

В лазури неба, ясной и пустой,
Та грань чернеет синью вороненой
Из-за косы песчано-золотой.

И вот я слышу ропот отдаленный:
Навстречу крепкой свежести воды,
Вдыхая ветер, вольный и соленый,

Вдруг зашумели белые ряды
И, стоя, машут длинными крылами...
Земля, земля! Несчетные следы

Я на тебе оставил. Я годами
Блуждал в твоих пустынях и морях.
Я мерил неустанными стопами

Твой всюду дорогой для сердца прах:
Но нет, вовек не утолю я муки —
Любви к тебе! Как чайки на песках,

Опять вперед я простираю руки.

6.11.16

ЗЕРКАЛО

Темнеет зимний день, спокойствие и мрак
Нисходят на душу — и все, что отражалось,
Что было в зеркале, померкло, потерялось...
Вот так и смерть, да, может быть, вот так.

В могильной темноте одна моя сигара
Краснеет огоньком, как дивный самоцвет:
Погаснет и она, развеется и след
Ее душистого и тонкого угара...

Кто это заиграл? Чьи милые персты,
Чьи кольца яркие вдоль клавиш побежали?
Душа моя полна восторга и печали —
Я не боюсь могильной темноты.

10.11.16

МУЛЫ

Под сводом хмурых туч, спокойствием объятых,
Ненастный день темнел, и ночь была близка,—
Грядой далеких гор, молочно-синеватых,
На грани мертвых вод лежали облака.

Я с острова глядел на море и на тучи,
Остановясь в пути, — и горный путь, виясь
В обрыве сизых скал, белел по дикой круче,
Где шли и шли они, под ношею клонясь.

И звук их бубенцов, размеренный, печальный,
Мне говорил о том, что я в стране чужой,
И душу той страны, глухой, патриархальной,
Далекой для меня, я постигал душой.

Вот так же шли они при Цезарях, при Реме,
И так же день темнел, и вдоль скалистых круч
Лепился городок, сырой, забытый всеми,
И человек скорбел под сводом хмурых туч.

10.11.16

СИРОККО

Гул бури за горой и грохот отдаленных
Полуночных зыбей, бушующих в бреду.
Звон, непрерывный звон кузнечиков бессонных.
И мутный лунный свет в оливковом саду.

Как фосфор, светляки мерцают под ногами;
На тусклом блеске волн, облитых серебром,
Ныряет гробом челн... Господь смешался с нами
И мчит куда-то мир в восторге бредовом.

10.II.16

Бледно-синий загадочный лик
На увядшие розы поник,

И светильники гроб золотят.
И прозрачно струится их чад.

— Дни мои отошли, отцвели,
Я бездомный и чуждый земли:

Да возрадует дух мой господь,
В свет и жизнь облечет мою плоть!

Если крылья, как птица, возьму
И низринусь в подземную тьму,

Если горних достигну глубин,—
Всюду ты, и всегда, и един:

Укажи мне прямые пути
И в какую мне тварь низойти.

10.II.16

МИНЬОНА

В горах, от снега побелевших,
Туманно к вечеру синевших,
Тащилась на спине осла
Вязанка сучьев почерневших,
А я, в лохмотьях, следом шла.

Вдруг сзади крик — и вижу: сзади
Несется с гулом, полный клади,
На дышле с фонарем, дормез:
Едва метнулась я к ограде,
Как он, мелькнув, уже исчез.

В седых мехах, высок и строен,
Прекрасен, царственно спокоен
Был путешественник... Меня ль,
Босой и нищей, он достоин
И как ему меня не жаль!

Вот сплю в лачуге закопченной,
А он сравнит меня с Мадонной,
С лучом небесного огня,
Он назовет меня Миньоной
И влюбит целый мир в меня.

12.11.16

В ГОРАХ

Поэзия темна, в словах невыразима:
Как взволновал меня вот этот дикий скат,
Пустой кремнистый дол, загон овечьих стад,
Пастушеский костер и горький запах дыма!

Тревогой странною и радостью томимо,
Мне сердце говорит: «Вернись, вернись назад!»
Дым на меня пахнул, как сладкий аромат,
И с завистью, с тоской я проезжаю мимо.

Поэзия не в том, совсем не в том, что свет
Поэзией зовет. Она в моем наследстве.
Чем я богаче им, тем больше я поэт.

Я говорю себе, почуяв темный след
Того, что пращур мой воспринял в древнем детстве:
— Нет в мире разных душ и времени в нем нет!

12.II.16

ЛЮДМИЛА

На западе весною под вечер тучи сини,
Сырой землею пахнет, бальзамом тополей.
Я бросил фортепьяны, пошел гулять в долине,
Среди своих спокойных селений и полей.

Соседский сад сквозится по скатам за рекою,
Еще пустой, весенний, он грустен, как всегда.
Вон голая аллея с заветною скамьею,
Стволы берез поникших белеют в два ряда.

И видел я, как тихо ты по саду бродила,
В весеннем легком платье... Простудишься, дружок!
От тучи сад печален, а ты, моя Людмила?
От нежных дум о счастье? От чьих-то милых строк?

Ночной весенний ливень, с каким он шумом хлынул!
Как сладко в черном мраке его земля пила!
Зажгли мне восемь свечек, и я пасьянс раскинул.
И свечки длились блеском в зеркальности стола.

13.11.16

* * *

Стена горы — до небосвода.
Внизу голыш, шумит ручей.
Я напою коня у брода.
Под дымной саклею твоей.

На ледяном Казбеке блещет
Востока розовый огонь.
Бьет по воде, игриво плещет
Копытом легким потный конь.

13.II.16

* * *

Солнце полночное, тени лиловые
В желтых ухабах тяжелых зыбей.
Солнце не греет — на лица суровые
Падает светом холодных лучей.

Скрылись кресты Соловецкой обители.
Пусто — до полюса. В блеске морском
Легкою мглой убегают святители —
Три мужичка-старичка босиком.

7.IV.16

В сухом лесу стреляет длинный кнут,
В кустарнике трещат коровы,
И синие подснежники цветут,
И под ногами лист шуршит дубовый.

И ходят дождевые облака,
И свежим ветром в сером поле дует,
И сердце в тайной радости тоскует,
Что жизнь, как степь, пуста и велика.

7.IV.16

•

Светит, сети ткет паук...
  Сумрак, жаркие подушки,
Костяной бегущий стук
  Залихватской колотушки.
Светит, меркнет поплавок —
  В золотистой паутине
Весь лампадный уголок...
  Горячо мне на перине,
Высока моя постель...
  Убаюкивает, тая,
Убегающая трель,
  Костяная и пустая.

20.VI.16

В ОРДЕ

За степью, в приволжских песках,
Широкое алое солнце тонуло.
Ребенок уснул у тебя на руках,
Ты вышла из душной кибитки, взглянула
На кровь, что в зеркальные соли текла,
На солнце, лежавшее точно на блюде,—
И сладкой отрадой степного, сухого тепла
Подуло в лицо твое, в потные смуглые груди.
Великий был стан за тобой:
Скрипели колеса, верблюды ревели,
Костры, разгораясь, в дыму пламенели
И пыль поднималась багровою тьмой.
Ты, девочка, тихая сердцем и взором,
Ты знала ль в тот вечер, садясь на песок,
Что сонный ребенок, державший твой темный сосок,
Тот самый Могол, о котором
Во веки веков не забудет земля?
Ты знала ли, Мать, что и я
Восславлю его,— что не надо мне рая,
Христа, Галилеи и лилий ее полевых,
Что я не смиреннее их,—
Атиллы, Тимура, Мамая,
Что я их достоин, когда,
Наскучив таиться за ложью,
Рву древнюю хартию божью,
Насилую, режу, и граблю, и жгу города?
— Погасла за степью слюда,
Дрожащее солнце в песках потонуло.
Ты скучно в померкшее небо взглянула
И, тихо вздохнувши, опять опустила глаза...
Несметною ратью чернели воза,
В синеющей ночи прохладой и горечью дуло.

27.VI.16

ЦЕЙЛОН

Окраина земли,
Безлюдные пустынные прибрежья,
До полюса открытый океан...

Матара — форт голландцев. Рвы и стены,
Ворота в них... Тенистая дорога
В кокосовом лесу, среди кокосов —
Лачуги сингалесов... Справа блеск,
Горячий зной сухих песков и моря...

Мыс Дондра в старых пальмах. Тут свежей,
Муссоном сладко тянет, над верандой
Гостиницы на сваях — шум воды:
Она, крутясь, перемывает камни,
Кипит атласной пеной...

Дальше — край,
Забытый богом. Джунгли низкорослы,
Холмисты, безграничны. Белой пылью
Слепит глаза... Меняют лошадей,
Толпятся дети, нищие... И снова
Глядишь на раскаленное шоссе,
На бухты океана. Пчелоеды,
В зелено-синих перьях, отдыхают
На золотистых нитях телеграфа...

Лагуна возле Ранны — как сапфир.
Вокруг алеют розами фламинги,
По лужам дремлют буйволы. На них
Стоят, белеют цапли, и с жужжаньем
Сверкают мухи... Сверху, из листвы,
Круглят глаза большие обезьяны...

Затем опять убогое селенье,
Десяток нищих хижин. В океане,
В закатном блеске,— розовые пятна
Недвижных парусов, а сзади, в джунглях,—
Сиреневые горы... Ночью в окна
Глядит луна... А утром, в голубом
И чистом небе — Коршуны Браминов,
Кофейные, с фарфоровой головкой:
Следят в прибое рыбу...

Вновь дорога:
Лазоревое озеро, в кольце
Из белой соли, заросли и дебри.
Все дико и прекрасно, как в Эдеме:
Торчат шипы акаций, защищая
Узорную нежнейшую листву.
Цветами рдеют кактусы, сереют
Стволы в густых лианах... Как огонь,
Пылают чаши лилии ползучей,
Тьмы мотыльков трепещут... На поляне
Лежит громада бурая: удав...
Вот медленно клубится, уползает...

Встречаются двуколки. Крыши их,
Соломенные, длинно выступают
И спереди и сзади. В круп бычков,
Запряженных в двуколки, тычут палкой:
«Мек, мек!» — кричит погонщик, весь нагой,
С прекрасным черным телом... Вот пески,
Пошли пальмиры,— ходят в синем небе
Их веерные листья — распевают
По джунглям петухи, но тонко, странно,
Как наши молодые... В высоте
Кружат орлы, трепещет зоркий сокол...

В траве перебегают грациозно
Песочники, бекасы... На деревьях
Сидят в венцах павлины... Вдруг бревном
Промчался крокодил — шлеп в воду,—
И точно порохом взорвало рыбок!

Тут часто слон встречается: стоит
И дремлет на поляне, на припеке;
Есть леопард,— он лакомка, он жрет,
Когда убьет собаку, только сердце;
Есть кабаны и губачи-медведи;
Есть дикобраз — бежит на водопой,
Подняв щетину, страшно деловито,
Угрюмо, озабоченно...

Отсюда,
От этих джунглей, этих берегов
До полюса открыто море...

27.VI.16

ОТЛИВ

В кипящей пене валуны,
Волна, блистая, заходила —
Ее уж тянет, тянет Сила
Всходящей за морем луны.

Во тьме кокосовых лесов
Горят стволы, дробятся тени —
Луна глядит — и, в блеске, в пене,
Спешит волна на тайный зов.

И будет час: луна в зенит
Войдет и станет надо мною,
Леса затопит белизною
И мертвый обнажит гранит,

И мир застынет — на весу,
И выйду я один — и буду
Глядеть на каменного Будду,
Сидящего в пустом лесу.

28.VI.16

БОГИНЯ

Навес кумирни, жертвенник в жасмине —
И девственниц склоненных белый ряд.
Тростинки благовонные чадят
Перед хрустальной статуей богини,
Потупившей свой узкий, козий взгляд.

Лес, утро, зной. То зелень изумруда,
То хризолиты светят в хрустале.
На кованном из золота столе
Сидит она, спокойная, как Будда,
Пречистая в раю и на земле.

И взгляд ее, загадочный и зыбкий,
Мерцает все бесстрастней и мертвей
Из-под косых приподнятых бровей,
И тонкою недоброю улыбкой
Чуть озарен блестящий лик у ней.

28.VI.16

В ЦИРКЕ

С застывшими в блеске зрачками,
В лазурной пустой вышине,
Упруго, качаясь, толчками
Скользила она по струне.

И скрипка таинственно пела,
И тысячи взоров впились
Туда, где мерцала, шипела
Пустая лазурная высь,

Где некая сжатая сила
Струну колебала, свистя,
Где тихо над бездной скользила
Наяда, лунатик, дитя.

28.VI.16

СПУТНИЦА

Шелковой юбкой шурша,
Четко стуча каблучками,
Ты выбегаешь дышать
Утром, морскими парами.

Мать еще спит, ты одна...
Палубу моют, смолою,
Темная, пахнет она,
Море — соленою мглою.

Мглистая свежесть кругом
Смешана с золотом жарким
Раннего солнца, с теплом,
С морем цветистым и ярким.

Только что вымытых рук
Крепко и нежно пожатье,
В радостном взгляде — испуг
За башмаки и за платье:

С шваброй разутый матрос
Лезет, не выспавшись, чертом...
Льется, горит купорос,
Сине-лиловый, за бортом...

Ах, но на сердце тоска!
Скоро Афины, и скоро
Только кивнешь ты слегка
С полуопущенным взором!

28.VI.16

СВЯТИЛИЩЕ

Сверкала Ступа снежной белизною
Меж тонких и нагих кокосовых стволов,
И Храмовое Дерево от зною
Молочный цвет роняло надо мною
На черный камень жертвенных столов.
Под черепицей низкая вихара
Таила господа в святилище своем,
И я вошел в час солнечного жара
В его приют, принес ему два дара —
Цветы и рис — и посветил огнем:
Покоился он в сумраке пахучем,
Расписан золотом и лаками, пленен
Полдневным сном, блаженным и тягучим;
К его плечам, округлым и могучим,
Вдоль по груди всползал хамелеон:
Горел как ярь, сощурив глаз кошачий,
Дул горло желтое и плетью опустил
Эмаль хвоста, а лапы раскорячил;
Зубчатый гребень, огненно-горячий,
Был ярче и острее адских пил.
И адскими картинами блистала
Вся задняя стена,— на страх душе земной,
И сушью раскаленного металла
Вихара полутемная дышала —
И вышел я на вольный свет и зной.
И снова сел в двуколку с сингалесом,
И голый сингалес, коричневый Адам,
Погнал бычка под веерным навесом
Высоких пальм, сквозным и жарким лесом,
К священным водоемам и прудам.

29.VI.16

ФЕСКА

Мятую красную феску мастер водой окропил,
Кинул на медный горячий болван и, покрывши
Медною феской, формою с ручками, давит,
Крутит за ручки, а красная феска шипит
На раскаленном болване...
Твердая, теплая выйдет из формы она,
Гордо наденешь ее и в кофейне
Сядешь мечтать и курить, не стыдясь за лохмотья
И за курдюк на верблюжьих штанах, весь в заплатах.
Холодно, сыро, в тумане морской горизонт,
В бухте зеленой качаются голые мачты,
Липкая грязь на базаре,
Горы в свинцовом дыму... Но цветут, розовеют сады,
Мглистые, синие, радостно дремлют долины...
Женщина, глянь, проходя, сквозь сияющий шелковый газ
На золотые усы и на твердую красную феску!

30.VI.16

ВЕЧЕРНИЙ ЖУК

На лиловом небе
  Желтая луна.
Путается в хлебе
  Мрачная струна:

Шорох жесткокрылый —
  И дремотный жук
Потянул унылый,
  Но спокойный звук.

Я на миг забылся,
  Оглянулся — свет
Лунный воцарился,
  Вечера уж нет:

Лишь луна да небо
  Да бледнее льна
Зреющего хлеба
  Мертвая страна.

30.VI.16

* * *

Рыжими иголками
  Устлан косогор,
Сладко пахнет елками
  Жаркий летний бор.

Сядь на эту скользкую
  Золотую сушь
С песенкою польскою
  Про лесную глушь.

Темнота ветвистая
  Над тобой висит,
Красное, лучистое,
  Солнце чуть сквозит.

Дай твои ленивые
  Девичьи уста,
Грусть твоя счастливая,
  Песенка проста.

Сладко пахнет елками
  Потаенный бор,
Скользкими иголками
  Устлан косогор.

30.VI.16

КОНЧИНА СВЯТИТЕЛЯ

И скрылось солнце жаркое в лесах,
И звездная пороша забелела.
И понял он: достигнувший предела,
Исчисленный, он взвешен на весах.

Вот точно дуновенье в волосах,
Вот снова сердце пало и сомлело;
Как стынет лес, что миг хладеет тело,
И блещет светом пропасть в небесах.

В епитрахили, в поручах, с распятьем,
От скудного, последнего тепла,
Навстречу чьим-то ледяным объятьям,
Выходит он из темного дупла.

Трава в росе. Болото дымом млечным
Лежит в лесу. Он на коленях. С Вечным.

3.VII.16

Гранитный крест меж сосен, на песчаном
Крутом кургане. Дальше — золотой
Горячий блеск: там море, там, в стеклянном
Просторе вод — мир дивный и пустой...
А крест над кем? Да бают — над Русланом.

И сходят наземь с седел псковичи,
Сымают с плеч тяжелые мечи
И преклоняют шлемы пред курганом,
И зоркая сорока под крестом
Качает длинным траурным хвостом,
Вдоль по песку на блеске моря скачет —
И что-то прячет, прячет...

Морской простор — в доспехе золотом.

16.VII.16

* * *

Край без истории... Все лес да лес, болота,
Трясины, заводи в ольхе и тростниках,
В столетних яворах... На дальних облаках —
Заката летнего краса и позолота,
Вокруг тепло и блеск. А на низах уж тень,
Холодный сивый дым... Стою, рублю кремень,
Курю, стираю пот... Жар стынет — остро, сыро
И пряно пахнет глушь. Невидимого клира
Тончайшие поют и ноют голоса,
Столбом толчется гнус, таинственно и слабо
Свистят в куге ужи... Вот гаснет полоса
Чуть греющих лучей, вот заквохтала жаба
В дымящейся воде... Колтунный край древлян,
Русь киевских князей, медведей, лосей, туров,
Полесье бортников и черных смолокуров —
И теплых сумерек краснеющий шафран.

16.VII.16

ПЛОТЫ

С востока дует холодом, чернеет зыбь реки
Напротив солнца низкого и плещет на пески.

Проходит зелень бледная, на отмелях кусты,
А ей навстречу — желтые сосновые плоты.

А на плотах, что движутся с громадою реки
Напротив зыби плещущей, орут плотовщики,

Мужицким пахнет варевом, костры в дыму трещат —
И рдеет красным заревом на холоде закат.

16.VII.16

* * *

Он видел смоль ее волос,
За ней желтел крутой откос,
Отвесный берег, а у ног
Волна катилась на песок,
И это зыбкое стекло
Глаза слепило — и текло
Опять назад... Был тусклый день,
От пролетавших чаек тень
Чуть означалась на песке,
И серебристой пеленой
Терялось море вдалеке,
Где небеса туманил зной;
Был южный ветер, — горячо
Ей дуло в голое плечо,
Скользило жаром по литым
Ногам, кирпично-золотым,
С приставшей кое-где на них
Перловой мелкой шелухой
От стертых раковин морских,
Блестящей, твердой и сухой...
Он видел очерк головы
На фоне бледной синевы,
Он видел грудь ее... Но вот
Накинут пламенный капот
И легкий газовый платок,
Босую ногу сжал чувяк, —
Она идет наверх, где дрок
Висит в пыли и рдеет мак,
Она идет, поднявши взгляд
Туда, где в небе голубом
Встают сиреневым горбом
Обрывы каменных громад,
Где под скалистой крутизной
Сверкает дача белизной
И смольно-синий кипарис
Верхушку мягко клонит вниз.

22.VII.16

* * *

Полночный звон степной пустыни,
Покой небес, тепло земли,
И горький мед сухой полыни,
И бледность звездная вдали.

Что слушает моя собака?
Вне жизни мы и вне времен.
Звенящий звон степного мрака
Самим собой заворожен.

22.VII.16

ДЕДУШКА
В МОЛОДОСТИ

Вот этот дом, сто лет тому назад,
Был полон предками моими,
И было утро, солнце, зелень, сад,
Роса, цветы, а он глядел живыми
Сплошь темными глазами в зеркала
Богатой спальни деревенской
На свой камзол, на красоту чела,
Изысканно, с заботливостью женской
Напудрен рисом, надушен,
Меж тем как пахло жаркою крапивой
Из-под окна открытого, и звон,
Торжественный и празднично-счастливый,
Напоминал, что в должный срок
Пойдет он по аллеям, где струится
С полей нагретый солнцем ветерок
И золотистый свет дробится
В тени раскидистых берез,
Где на куртинах диких роз,
В блаженстве ослепительного блеска,
Впивают пчелы теплый мед,
Где иволга то вскрикивает резко,
То окариною поет,
А вдалеке, за валом сада,
Спешит народ, и краше всех — она,
Стройна, нарядна и скромна,
С огнем потупленного взгляда.

22.VII.16

Овальный стол, огромный.. Вдоль по залу
Проходят дамы, слуги — на столе
Огни свечей, горящих в хрустале,
Колеблются. Но скупо внемлет балу,
Гремящему в банкетной, и речам
Мелькающих по залу милых дам
Круг игроков. Все курят. Беглым светом
Блестят огни по жирным эполетам.

Зал, белый весь, прохладен и велик.
Под люстрой тень. Меж золотисто-смуглых
Больших колонн, меж окон полукруглых —
Портретный ряд — вон Павла плоский лик,
Вон шелк и груди важной Катерины,
Вон Александра узкие лосины...
За окнами — старинная Москва
И звездной зимней ночи синева.

Задумчивая женщина прижала
Платок к губам; у мерзлого окна
Сидит она, спокойна и бледна,
Взор устремив на тусклый сумрак зала,
На одного из штатских игроков,
И чувствует он тьму ее зрачков,
Ее очей, недвижных и печальных,
Под топот пар и гром мазурок бальных.

Немолод он, и на руке кольцо.
Весь выбритый, худой, костлявый, стройный,
Он мечет зло, со страстью беспокойной.
Вот поднимает желчное лицо,—
Скользит под красновато-черным коком
Лоск костяной на лбу его высоком,—
И говорит: «Ну что же, генерал,
Я, кажется, довольно проиграл? —

Не будет ли? И в картах и в любови
Мне не везет, а вы счастливый муж,
Вас ждет жена...» — «Нет, Стоцкий, почему ж?

Порой и я люблю волненье крови»,—
С усмешкой отвечает генерал.
И длится штос, и длится светлый бал...
Пред ужином, в час ночи, генерала
Жена домой увозит: «Я устала».

В пустом прохладном зале только дым,
В столовых шумно, говор и расспросы,
Обносят слуги тяжкие подносы,
Князь говорит: «А Стоцкий где? Что с ним?»
Муж и жена — те в темной колымаге
Спешат домой. Промерзлые сермяги,
В заиндевевших шапках и лаптях,
Трясутся на передних лошадях.

Москва темна, глуха, пустынна,— поздно.
Визжат, стучат в ухабах подреза,
Возок скрипит. Она во все глаза
Глядит в стекло — там, в синей тьме морозной,
Кудрявится деревьев серых мгла
И мелкие блистают купола...
Он хмурится с усмешкой: «Да, вот чудо!
Нет Стоцкому удачи ниоткуда!»

22.VII.16

Запели жрецы, распахнулись врата — восхищенный
Пал на колени народ:
Чудовищный конь, с расписной головой, золоченый,
В солнечном блеске грядет.

Горе тебе, Илион! Многолюдный, могучий, великий,
Горе тебе, Илион!
Ревом жрецов и народными кликами дикий
Голос Кассандры — пророческий вопль — заглушен!

* * *

Архистратиг средневековый,
Написанный века тому назад
На церковке одноголовой,
Был тонконог, весь в стали и крылат.
Кругом чернел холмистый бор сосновый,
На озере, внизу, стоял посад.
Текли года. Посадские мещане
К нему ходили на поклон.
Питались тем, чем при царе Иване,—
Поставкой в город древка для икон,
Корыт, латков,— и правил Рыцарь строгий
Работой их, заботой их убогой,
Да хмурил брови тонкие свои
На песни и кулачные бои.
Он говорил всей этой жизни бренной,
Глухой, однообразной, неизменной,
Про дивный мир небесного царя,—
И освещала с грустью сокровенной
Его с заката бледная заря.

23.VII.16

КАНУН

Хозяин умер, дом забит,
Цветет на стеклах купорос,
Сарай крапивою зарос,
Варок, давно пустой, раскрыт,
И по хлевам чадит навоз...
Жара, страда... Куда летит
Через усадьбу шалый пес?

На голом остове варка
Ночуют старые сычи,
Днем в тополях орут грачи,
Но тишина так глубока,
Как будто в мире нет людей...
Мелеет теплая река,
В степи желтеет море ржей...
А он летит — хрипят бока,
И пена льется с языка.

Летит стрелою через двор,
И через сад, и дальше, в степь,
Кровав и мутен ярый взор,
Оскален клык, на шее цепь...
Помилуй бог, спаси Христос,
Сорвался пес, взбесился пес!

Вот рожь горит, зерно течет,
Да кто же будет жать, вязать?
Вот дым валит, набат гудет,
Да кто ж решится заливать?
Вот встанет бесноватых рать
И, как Мамай, всю Русь пройдет...
Но пусто в мире — кто спасет?
Но бога нет — кому карать?

23.VII.16

ПОСЛЕДНИЙ ШМЕЛЬ

Черный бархатный шмель, золотое оплечье,
Заунывно гудящий певучей струной,
Ты зачем залетаешь в жилье человечье
И как будто тоскуешь со мной?

За окном свет и зной, подоконники ярки,
Безмятежны и жарки последние дни,
Полетай, погуди — и в засохшей татарке,
На подушечке красной, усни.

Не дано тебе знать человеческой думы,
Что давно опустели поля,
Что уж скоро в бурьян сдует ветер угрюмый
Золотого сухого шмеля!

26.VII.16

* * *

В норе, домами сдавленной,
Над грязью стертых плит,
Фонарик, весь заржавленный,
Божницу золотит.

Темна нора, ведущая
Ступеньками к горе,
Груба толпа, бредущая
С поклажею к норе.

Но всяк тут замедляется
И смотрит, недвижим,
Как Дева озаряется
Фонариком своим.

И кротостью усталые
Полны тогда черты,
И милы Деве алые
Бумажные цветы.

6.VIII.16

* * *

Вот он снова, этот белый
Город турок и болгар,
Небо синее, мечети,
Черепица крыш, базар,
Фески, зелень и бараны
На крюках без головы,
В черных пятнах под засохшим
Серебром нагой плевы...
Вот опять трактир знакомый,
Стол без скатерти, прибор
И судок, где перец с солью,
Много крошек, всякий сор...
Я сажусь за стол, как дома,
И засученной рукой,
Волосатою и смуглой,
Подает графин с водой
И тарелку кашкавала
Пожилой хозяин, грек,
Очень черный и серьезный,
Очень храбрый человек...

9.VIII.16

* * *

Настанет день — исчезну я,
А в этой комнате пустой
Все то же будет: стол, скамья
Да образ, древний и простой.

И так же будет залетать
Цветная бабочка в шелку —
Порхать, шуршать и трепетать
По голубому потолку.

И так же будет неба дно
Смотреть в открытое окно
И море ровной синевой
Манить в простор пустынный свой.

10.VIII.16

ПАМЯТИ ДРУГА

Вечерних туч над морем шла гряда,
И золотисто-серыми столпами
Стояла безграничная вода,
Как небеса лежавшая пред нами.
И ты сказал: «Послушай, где, когда
Я прежде жил? Я странно болен — снами,
Тоской о том, что прежде был я бог...
О, если б вновь обнять весь мир я мог!»

Ты верил, что откликнется мгновенно
В моей душе твой бред, твоя тоска,
Как помню я усмешку, неизменно
Твои уста кривившую слегка,
Как эта скорбь и жажда — быть вселенной,
Полями, морем, небом — мне близка!
Как остро мы любили мир с тобою
Любовью неразгаданной, слепою!

Те радости и муки без причин,
Та сладостная боль соприкасанья
Душой со всем живущим, что один
Ты разделял со мною,— нет названья,
Нет имени для них,— и до седин
Я донесу порывы воссозданья
Своей любви, своих плененных сил...
А ты их вольной смертью погасил.

И прав ли ты, не превозмогший тесной
Судьбы своей и жребия творца,
Лишенного гармонии небесной,
И для чего я мучусь без конца
В стремленье вновь дать некий вид телесный
Чертам уж бестелесного лица,
Зачем я этот вечер вспоминаю,
Зачем ищу ничтожных слов,— не знаю.

12.VIII.16

НА НЕВСКОМ

Колеса мелкий снег взрывали и скрипели,
Два вороных надменно пролетели,
Каретный кузов быстро промелькнул,
Блеснувши глянцем стекол мерзлых,
Слуга, сидевший с кучером на козлах,
От вихрей голову нагнул,
Поджал губу, синевшую щетиной,
И ветер веял красной пелериной
В орлах на позументе золотом...
Все пронеслось и скрылось за мостом,
В темнеющем буране... Зажигали
Огни в несметных окнах вкруг меня,
Чернели грубо баржи на канале,
И на мосту, с дыбящего коня
И с бронзового юноши нагого,
Повисшего у диких конских ног,
Дымились клочья праха снегового...

Я молод был, безвестен, одинок
В чужом мне мире, сложном и огромном.
Всю жизнь я позабыть не мог
Об этом вечере бездомном.

27.VIII.16

* * *

Тихой ночью поздний месяц вышел
Из-за черных лип.
Дверь балкона скрипнула,— я слышал
Этот легкий скрип.
В глупой ссоре мы одни не спали,
А для нас, для нас
В темноте аллей цветы дышали
В этот сладкий час.
Нам тогда — тебе шестнадцать было,
Мне семнадцать лет,
Но ты помнишь, как ты отворила
Дверь на лунный свет?
Ты к губам платочек прижимала,
Смокшийся от слез,
Ты, рыдая и дрожа, роняла
Шпильки из волос,
У меня от нежности и боли
Разрывалась грудь...
Если б, друг мой, было в нашей воле
Эту ночь вернуть!

27.VIII.16

ПОМПЕЯ

Помпея! Сколько раз я проходил
По этим переулкам! Но Помпея
Казалась мне скучней пустых могил,
Мертвей и чище нового музея.

Я ль виноват, что все перезабыл:
И где кто жил, и где какая фея
В нагих стенах, без крыши, без стропил,
Шла в хоровод, прозрачной тканью вея!

Я помню только древние следы,
Протертые колесами в воротах,
Туман долин, Везувий и сады.

Была весна. Как мед в незримых сотах,
Я в сердце жадно, радостно копил
Избыток сил — и только жизнь любил.

28.VIII.16

КАЛАБРИЙСКИЙ ПАСТУХ

Лохмотья, нож — и цвета черной крови
Недвижные глаза...
Сон давних дней на этой древней нови.
Поют дрозды. Пять-шесть овец, коза.

Кругом, в пустыне каменистой,
Желтеет дрок. Вдали руины, храм.
Вдали полдневных гор хребет лазурно-мглистый
И тени облаков по выжженным буграм.

28.VIII.16

КОМПАС

Качка слабых мучит и пьянит.
Круглое окошко поминутно
Гасит, заливает хлябью мутной —
И трепещет, мечется магнит.

Но откуда б, в ветре и тумане,
Ни швыряло пеной через борт,
Верю — он опять поймает Nord,
Крепко сплю, мотаясь на диване.

Не собьет с пути меня никто,
Некий Nord моей душою правит,
Он меня в скитаньях не оставит,
Он мне скажет, если что: не то!

28.VIII.16

* * *

Покрывало море свитками
Древней хартии своей
Берег с пестрыми кибитками
Забавлявшихся людей.

Вот зима — и за туманами
Скрылось солнце. Дик и груб,
Океан гремит органами,
Гулом раковинных труб.

В свисте бури крик мерещится,
И высокая луна
Ночью прыгает и плещется
Там, где мечется волна.

29.VIII.16

АРКАДИЯ

Ключ гремит на дне теснины,
Тень широкая сползла
От горы до половины
Белознойного русла.
Истекают, тают сосны
Разогретою смолой,
И зиждитель скиптроносный
Дышит сладостною мглой.
Пастухи его видали:
Он покоится в тени,
И раскинуты сандалий
Запыленные ремни.
Золотою скользкой броней,
Хвоей, устлана гора —
И тяжка от благовоний
Сосен темная жара.

29.VIII.16

КАПРИ

Проносились над островом зимние шквалы и бури
То во мгле и дожде, то в сиянии влажной лазури,
И качались, качались цветы за стеклом,
За окном мастерской, в красных глиняных вазах,—
От дождя на стекле загорались рубины в алмазах
И свежее цветы расцветали на лоне морском.
Ветер в раме свистал, раздувал серый пепел в камине,
Градом сек по стеклу — и опять были ярки и сини
Средиземные зыби, глядевшие в дом,
А за тонким блестящим стеклом,
То на мгле дождевой, то на водной синевшей пустыне,
В золотой пустоте голубой высоты,
Все качались, качались дышавшие морем цветы.
Проносились февральские шквалы. Светлее и жарче сияли
Африканские дали,
И утихли ветры, зацвели
В каменистых садах миндали,
Появились туристы в панамах и белых ботинках
На обрывах, на козьих тропинках —
И к Сицилии, к Греции, к лилиям божьей земли,
К Палестине
Потянуло меня... И остался лишь пепел в камине
В опустевшей моей мастерской,
Где всю зиму качались цветы на синевшей пустыне морской.

30.VIII.16

* * *

Едем бором, черными лесами.
Вот гора, песчаный спуск в долину.
Вечереет. На горе пред нами
Лес щетинит новую вершину.

И темным-темно в той новой чаще,
Где опять скрывается дорога,
И враждебен мой ямщик молчащий,
И надежда в сердце лишь на бога,

Да на бег коней нетерпеливый,
Да на этот нежный и певучий
Колокольчик, плачущий счастливо,
Что на свете все авось да случай.

9.IX.16

ПЕРВЫЙ СОЛОВЕЙ

Тает, сияет луна в облаках.
Яблони в белых кудрявых цветах.

Зыбь облаков и мелка и нежна.
Возле луны голубая она.

В холоде голых, прозрачных аллей
Пробует цокать, трещит соловей.

В доме, уж темном, в раскрытом окне,
Девочка косы плетет при луне.

Сладок и нов ей весенний рассказ,
Миру рассказанный тысячу раз.

2.X.16

Настала ночь, остыл от звезд песок.
Скользя в песке, я шел за караваном,
И Млечный Путь, двоящийся поток,
Белел над ним светящимся туманом.

Он дымчат был, прозрачен и высок.
Он пропадал в горах за Иорданом,
Он ниспадал на сумрачный восток,
К иным звездам, к забытым райским странам.

Скользя в песке, шел за верблюдом я.
Верблюд чернел, его большое тело
На верховом качало ствол ружья.

Седло сухое деревом скрипело,
И верховой кивал, как неживой,
Осыпанной звездами головой.

28.X.16

* * *

Бывает море белое, молочное,
Весь зримый Апокалипсис, когда
Весь мир одно молчание полночное,
Армады звезд и мертвая вода:

Предвечное, могильное, грозящее
Созвездиями небо — и легко
Дымящееся жемчугом, лежащее
Всемирной плащеницею млеко.

28.X.16

ПАДУЧАЯ ЗВЕЗДА

Ночью, звездной и студеной,
В тонком сумраке полей —
Ослепительно-зеленый
Разрывающийся змей.

О, какая ярость злая!
Точно дьявол в древний миг
Низвергается, пылая,
От тебя, Архистратиг.

30.X.16

* * *

Море, степь и южный август, ослепительный и жаркий.
Море плавится в заливе драгоценной синевой.
Вниз бегу. Обрыв за мною против солнца желтый,
яркий,
А холмистое прибрежье блещет высохшей травой.

Вниз сбежавши, отдыхаю. И лежу, и слышу, лежа,
Несказанное безмолвье. Лишь кузнечики сипят
Да печет нещадно солнце. И горит, чернеет кожа,
Сонным хмелем входит в тело огневой полдневный яд.

Вспоминаю летний полдень, небо светлое... В просторе
Света, воздуха и зноя, стройно, молодо, легко
Ты выходишь из кабинки. Под тобою, в сваях, море,
Под ногой горячий мостик... Этот полдень далеко...

Вот опять я молод, волен,— миновало наше лето...
Мотыльки горячим роем осыпают предо мной
Пересохшие бурьяны. И раскрыта и нагрета
Опустевшая кабинка... В мире радость, свет и зной.

30.X.16

ПОЭТЕССА

Большая муфта, бледная щека,
Прижатая к ней томно и любовно,
Углом колени, узкая рука...
Нервна, притворна и бескровна.

Все принца ждет, которого все нет,
Глядит с мольбою, горестно и смутно:
«Пучков, прочтите новый триолет...»
Скучна, беспола и распутна.

3.I.16

ЗАКЛИНАНИЕ

Из тонкогорлого фиала
Я золотое масло лью
На аравийскую жаровню,
На жертву тайную мою:

«Приди ко мне, завороженной!
Приди к невенчанной жене,
Супруг невенчанный, сраженный
Стрелой в неведомой стране!»

И угли вспыхивают длинным
Зеленым пламенем — и дым,
Лазурный, теплый и угарный,
По бедрам стелется нагим.

И лоб мой стынет, каменеет,
Глаза мутятся, сердце ввысь
Томительная сила тянет,
И груди остро поднялись:

Я предаюсь Тебе, я чую
Твой аромат и наготу
И на предплечьях золотые
Браслеты в ледяном поту!

26.1.16

То не красный голубь метнулся
Темной ночью над черной горою —
В темной туче метнулась зарница,
Осветила плетни и хаты,
Громом гремит далеким.

— Ваша королевская милость,—
Говорит королю Елена,
А король на коня садится,
Пробует, крепки ли подпруги,
И лица Елены не видит,—
Ваша королевская милость,
Пожалейте ваше королевство,
Не ездите ночью в горы:
Вражий стан, ваша милость, близко.

Король молчит, ни слова,
Пробует, крепко ли стремя.

— Ваша королевская милость, —
Говорит королю Елена,—
Пожалейте детей своих малых,
Молодую жену пожалейте,
Жениха моего пошлите!

Король ей в ответ ни слова,
Разбирает в темноте поводья,
Смотрит, как светит на горе зарница.

И заплакала Елена горько
И сказала королю тихо:
— Вы у нас ночевали в хате,
Ваша королевская милость,
На беду мою ночевали,
На мое великое счастье.
Побудьте еще хоть до света,
Отца моего пошлите!

Не пушки в горах грохочут —
Гром по горам ходит,

Проливной ливень в лужах плещет,
Синяя зарница освещает
Дождевые длинные иглы,
Вороненую черноту ночи,
Мокрые соломенные крыши,
Петухи поют по деревне,—
То ли спросонья, с испугу,
То ли к веселой ночи...
Король сидит на крыльце хаты.

Ах, хороша, высока Елена!
Смело шагает она по навозу,
Ловко засыпает коню корма.

⟨Не позднее февраля 1916⟩

КОБЫЛИЦА

Я снял узду, седло — и вольно
Она метнулась от меня,
А я склонился богомольно
Пред солнцем гаснущего дня.

Она взмахнула легкой гривой
И, ноздри к ветру обратив,
С тоскою нежной и счастливой
Кому-то страстный шлет призыв.

Едины божии созданья,
Благословен создавший их
И совместивший все желанья
И все томления — в моих.

3.11.16

МОЛЧАНИЕ

По раскаленному ущелью,
Долиной Смерти и Огня,
В нагую каменную келью
Пустынный Ангел ввел меня.

Он повелел зажечь лампаду,
Иссечь на камне знак Креста —
И тихо положил преграду
На буйные мои уста.

Так, Господи! Ничтожным словом
Не оскверню души моей.
Я знаю: ты в огне громовом
Уже не снидешь на людей!

Ты не рассеешь по вселенной,
Как прах пустынь, как некий тлен,
Род кровожадный и презренный
В грызне скатившихся гиен!

⟨6.II.1916⟩

* * *

По древнему унывному распеву
Поет собор. Злаченые столпы
Блестят из тьмы. Бог, пригвожденный к древу,
Почил — и се, в огнях, среди толпы.

И дьявол тут. Теперь он входит смело
И смело зрит простертое пред ним
Нагое зеленеющее тело,
Костры свечей и погребальный дым.

Он радостен, он шепчет, торжествуя:
На долгий срок ваш Бог покинул вас,
Притворное рыданье ваше всуе,
Далек воскресный час!

27.VI.16

* * *

И шли века, и стены Рая пали,
И Сад его заглох и одичал,
И по ночам зверей уж не пугали
Блистания небесного Меча,
И Человек вернулся к Раю,— всуе
Хотел забыть свой золотой он сон —
И Сатана, злорадно торжествуя,
Воздвиг на месте Рая — Вавилон.

29.VI.16

* * *

И снова вечер, степь и четко
Бьет перепел в росе полей.
Равнина к югу в дымке кроткой,
Как море дальнее, а в ней,—
Что в ней томит? Воспоминанья
О том, чему возврата нет,
Призыв на новые скитанья
Иль прошлого туманный след?
— Ты, молодость моя, вы, годы
Надежд, сердечной простоты,
Беспечной воли и свободы,
Счастливой грусти и мечты,—
Какой-то край обетованный,
Какой-то вечер в той стране,
«Где кипарис благоуханный
Внимает плещущей волне»,—
И ты, заветный и неясный
Неверный друг, кого опять
В тоске вечерней жду напрасно
И буду до могилы ждать.

⟨3 июля 1916 г.⟩

* * *

Снег дымился в раскрытой могиле,
Белой вьюгой несло по плечам,
Гроб в дымящийся снег опустили,
Полотенца пошли копачам,

И сугроб над могилою вырос,
И погост опустел — и гремел
В полумраке невидимый клирос
О тщете всех желаний и дел,

О великой, о белой, о древней,
О безлюдной пустыне, и ввысь
Улетал над стемневшей деревней,
И огни закраснелись, зажглись,

И собаки попрятались в сенцы,
И в сторожке, за штофом, в дыму,
Копачи, поделив полотенца,
Аллилуйю кричали — Ему.

〈7 июля 1916 г.〉

* * *

Луна и Нил. По берегу, к пещерам,
Идет народ, краснеют фонари.
На берегу, в песке сухом и сером,
Ряды гробниц — и все цари, цари.

Иной как был — под крышкой золоченой,
Иной открыт — в тугую пелену,
В пахучий кокон тесно заключенный,
Пять тысяч лет не видевший луну.

Что в коконе? Костяк в землистой коже,
Крест тонких рук, иссохший узкий таз,
Чернеет лик — еще важней и строже,
Чем в оны дни, — чернеют щели глаз.

Подкрашенные (желтые) седины
Страшней всего. О да, он в мире жил
И был он стар, дикарь и царь, единый
Царь дикарей, боготворивших Нил.

И полдень был, и светел в знойном свете
Был сад царя, и к югу, в блеске дня,
Терялся Нил... И пять тысячелетий
Прошли с тех пор... Прошли и для меня:

Луна и ночь, но все на том же Ниле,
И вновь царю сияет лунный Нил —
И разве мы в тот полдень с ним не жили,
И разве я тот полдень позабыл?

22.VII.16

* * *

Нет Колеса на свете, Господин:
Нет Колеса: есть обод, втулок, спицы,
Есть лошадь, путь, желание возницы,
Есть грохот, стук и блеск железных шин.

А мир, а мы? Мы разве не похожи
На Колесо? Похож и ты — как все.
Но есть и то, что всех Колес дороже:
Есть Мысль о Колесе.

25.VII.16

Наполовину вырубленный лес,
Высокие дрожащие осины
И розовая облачность небес:
Ночной порой из сумрачной лощины
Въезжаю на отлогий косогор
И вижу заалевшие вершины,
С таинственною нежностью, в упор
Далеким озаренные пожаром.
Остановясь, оглядываюсь, да,
Пожар! Но где? Опять у нас,— недаром
Вчера был сход! И крепко повода
Натягиваю, слушая неясный,
На дождь похожий, лепет в вышине,
Такой дремотно-сладкий и бесстрастный
К тому, что т а м и что так страшно мне.

27.VI.17

ЗМЕЯ

Зашелестела тонкая трава,
Струею темной побежала —
И вдруг взвилась и смотрит цифра 2,
Как волосок, трепещет жало...

Исчадие, проклятое в раю,
Какое наслаждение расплющить
Головку копьевидную твою,
Твой лик раскосый и зовущий!

25.VIII.17

* * *

Как много звезд на тусклой синеве!
Весь небосклон в их траурном уборе.
Степь выжжена. Густая пыль в траве.
Чернеет сад. За ним — обрывы, море.
Оно молчит. Весь мир молчит — затем,
Что в мире бог, а бог от века нем.

Сажусь на камень теплого балкона.
Он озарен могильно,— бледный свет
Разлит от звезд. Не слышно даже звона
Ночных цикад... Да, в мире жизни нет.
Есть только бог над горними огнями,
Есть только он, несметный, ветхий днями.

29.VIII.17

ЛУНА

Настанет Ночь моя, Ночь долгая, немая,
Тогда велит господь, творящий чудеса,
Светилу новому взойти на небеса.

— Сияй, сияй, Луна, все выше поднимая
Свой, Солнцем данный лик. Да будет миру весть,
Что День мой догорел, но след мой в мире — есть.

15.IX.17

* * *

У ворот Сиона, над Кедроном,
На бугре, ветрами обожженном,
Там, где тень бывает от стены,
Сел я как-то рядом с прокаженным,
Евшим зерна спелой белены.

Он дышал невыразимым смрадом,
Он, безумный, отравлялся ядом,
А меж тем, с улыбкой на губах,
Поводил кругом блаженным взглядом,
Бормоча: «Благословен аллах!»

Боже милосердный, для чего ты
Дал нам страсти, думы и заботы,
Жажду дела, славы и утех?
Радостны калеки, идиоты,
Прокаженный радостнее всех.

16.IX.17

ВОСПОМИНАНИЕ

Золотыми цветут остриями
У кровати полночные свечи.
За открытым окном, в черной яме,
Шепчет сад беспокойные речи.

Эта тьма, дождевая, сырая,
Веет в горницу свежим дыханьем —
И цветы, золотясь, вырастая,
На лазурном дрожат основанье.

Засыпаю в постели прохладной,
Очарован их дрожью растущей,
Молодой, беззаботный, с отрадной
Думой-песней о песне грядущей.

19.IX.17

ЛАНДЫШ

В голых рощах веял холод...
Ты светился меж сухих,
Мертвых листьев... Я был молод,
Я слагал свой первый стих —

И навек сроднился с чистой
Молодой моей душой
Влажно-свежий, водянистый,
Кисловатый запах твой!

19.IX.17

* * *

О радость красок! Снова, снова
Лазурь сквозь яркий желтый сад
Горит так дивно и лилово,
Как будто ангелы глядят.

О радость радостей! Нет, знаю,
Нет, верю, господи, что ты
Вернешь к потерянному раю
Мои томленья и мечты!

24.IX.17

* * *

Стали дымом, стали выше
Облака,— лазурь сквозит
И на шиферные крыши
Голубой водой скользит.

Что с того, что крыши стары
И весенний воздух сыр!
Даже запахом сигары
Снова сладок божий мир.

27.IX.17

* * *

Смятенье, крик и визг рыбалок
На сальной, радужной волне...
Да, мир живых и зол и жалок,
И в нем порою тяжко мне.

Вот — сколько ярости бессильной,
Чтоб растащить тугой моток
Кишки зеленовато-мыльной,
Что с парохода бросил кок!

28.IX.17

* * *

Мы рядом шли, но на меня
Уже взглянуть ты не решалась,
И в ветре мартовского дня
Пустая наша речь терялась.

Белели стужей облака
Сквозь сад, где падали капели,
Бледна была твоя щека,
И как цветы глаза синели.

Уже полураскрытых уст
Я избегал касаться взглядом,
Но был еще блаженно пуст
Тот дивный мир, где шли мы рядом.

18.IX.17

* * *

Мы сели у печки в прихожей,
Одни, при угасшем огне,
В старинном заброшенном доме,
В степной и глухой стороне.

Жар в печке угрюмо краснеет,
В холодной прихожей темно,
И сумерки, с ночью мешаясь,
Могильно синеют в окно.

Ночь — долгая, хмурая, волчья,
Кругом все леса и снега,
А в доме лишь мы да иконы
Да жуткая близость врага.

Презренного, дикого века
Свидетелем быть мне дано,
И в сердце моем так могильно,
Как мерзлое это окно.

30.IX.17

* * *

Осенний день. Степь, балка и корыто.
Рогатый вол, большой соловый бык,
Скользнув в грязи и раздвоив копыто,
К воде ноздрями влажными приник:

Сосет и смотрит светлыми глазами,
Закинув хвост за свой костлявый зад,
Как вдоль бугра, в пустой небесный скат,
Бредут хохлы за тяжкими возами.

1.X.17

* * *

Щеглы, их звон, стеклянный, неживой,
И клен над облетевшею листвой,
На пустоте лазоревой и чистой,
Уже весь голый, легкий и ветвистый...
О, мука мук! Что надо мне, ему,
Щеглам, листве? И разве я пойму,
Зачем я должен радость этой муки,
Вот этот небосклон, и этот звон,
И темный смысл, которым полон он,
Вместить в созвучия и звуки?
Я должен взять — и, разгадав, отдать,
Мне кто-то должен сострадать,
Что пригревает солнце низким светом
Меня в саду, просторном и раздетом,
Что озаряет желтая листва
Ветвистый клен, что я едва-едва,
Бродя в восторге по саду пустому,
Мою тоску даю понять другому...
— Беру большой зубчатый лист с тугим
Пурпурным стеблем,— пусть в моей тетради
Останется хоть память вместе с ним
Об этом светлом вертограде
С травой, хрустящей белым серебром,
О пустоте, сияющей над кленом
Безжизненно-лазоревым шатром,
И о щеглах с хрустально-мертвым звоном!

3.X.17

* * *

Этой краткой жизни вечным измененьем
Буду неустанно утешаться я,—
Этим ранним солнцем, дымом над селеньем,
В алом парке листьев медленным паденьем
И тобой, знакомая, старая скамья.

Будущим поэтам, для меня безвестным,
Бог оставит тайну — память обо мне:
Стану их мечтами, стану бестелесным,
Смерти недоступным,— призраком чудесным
В этом парке алом, в этой тишине.

10.X.17

* * *

Звезда дрожит среди вселенной...
Чьи руки дивные несут
Какой-то влагой драгоценной
Столь переполненный сосуд?

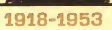
Звездой пылающей, потиром
Земных скорбей, небесных слез
Зачем, о господи, над миром
Ты бытие мое вознес?

22.X.17

* * *

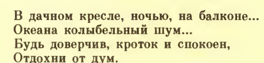
В пустом, сквозном чертоге сада
Иду, шумя сухой листвой:
Какая странная отрада
Былое попирать ногой!
Какая сладость все, что прежде
Ценил так мало, вспоминать!
Какая боль и грусть — в надежде
Еще одну весну узнать!

3.X.17

1918-1953

* * *

В дачном кресле, ночью, на балконе...
Океана колыбельный шум...
Будь доверчив, кроток и спокоен,
Отдохни от дум.

Ветер приходящий, уходящий,
Веющий безбрежностью морской...
Есть ли тот, кто этой дачи спящей
Сторожит покой?

Есть ли тот, кто должной мерой мерит
Наши знанья, судьбы и года?
Если сердце хочет, если верит,
Значит — да.

То, что есть в тебе, ведь существует.
Вот ты дремлешь, и в глаза твои
Так любовно мягкий ветер дует —
Как же нет Любви?

9.VII.18

* * *

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным Коленам припав.

14.VII.18

* * *

Древняя обитель супротив луны,
На лесистом взгорье, над речными водами,
Бледно-синеватый мел ее стены,
Мрамор неба, синий, с белыми разводами.

А на этом небе, в этих облаках,
Глубину небесную в черноту сгущающих,—
Храмы в златокованых мелких шишаках,
Райскою красою за стеной мерцающих.

20.VII.18

* * *

На даче тихо, ночь темна,
Туманны звезды голубые
Вздыхая, ширится волна,
Цветы качаются слепые —

И часто с ветром, до скамьи,
Как некий дух в эфирной плоти,
Доходят свежие струи
Волны, вздыхающей в дремоте.

13.IX.18

* * *

Огонь, качаемый волной
В просторе темном океана...
Что мне до звездного тумана,
До млечной бездны надо мной!

Огонь, по прихоти волны
Вдали качаемый, печальный...
Что мне до неба, до хрустальной,
Огнями полной вышины!

24.IX.18

МИХАИЛ

Архангел в сияющих латах
И с красным мечом из огня
Стоял в клубах синеватых
И дивно глядел на меня.

Порой в алтаре он скрывался,
Светился на двери косой —
И снова народу являлся,
Большой, по колена босой.

Ребенок, я думал о боге,
А видел лишь кудри до плеч,
Да крупные бурые ноги,
Да римские латы и меч...

Дух гнева, возмездия, кары!
Я помню тебя, Михаил,
И храм этот, темный и старый,
Где ты мое сердце пленил!

3.IX.19

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

У райской запретной стены,
В час полуденный,
Адамий с женой Евой скорбит:
Высока, бела стена райская,
Еще выше того черные кулары за ней,
Густа, ярка синь небесная;
На той ли стене павлины сидят,
Хвосты цветут ярью-зеленью,
Головки в зубчатых венчиках;
На тех ли купарисах птицы вещие
С очами дивными и грозными,
С голосами ангельскими,
С красою женскою,
На головках свечи восковые теплятся
Золотом-пламенем;
За теми купарисами пахучими —
Белый собор апостольский,
Белый храм в золоченых маковках,
Обитель отчая,
Со духи праведных,
Убиенных антихристом:
— Исусе Христе, миленький!
Прости душу непотребную!
Вороти в обитель отчую!

12.IX.19

* * *

Ты странствуешь, ты любишь, ты счастлива...
Где ты теперь? — Дивуешься волнам
Зеленого Бискайского залива
Меж белых платьев и панам.

Кровь древняя течет в тебе недаром.
Ты весела, свободна и проста...
Блеск темных глаз, румянец под загаром,
Худые милые уста...

Скажи поклоны князю и княгине.
Целую руку детскую твою
За ту любовь, которую отныне
Ни от кого я не таю.

1919

* * *

Высокий белый зал, где черная рояль
Дневной холодный свет, блистая, отражает,
Княжна то жалобой, то громом оглашает,
Ломая туфелькой педаль.

Сестра стоит в диванной полукруглой,
Глядит с улыбкою насмешливо-живой,
Как пишет лицеист, с кудрявой головой
И с краской на лице, горячею и смуглой.

Глаза княжны не сходят с бурных нот,
Но, что гремит рояль,— она давно не слышит,—
Весь мир в одном: «Он ей в альбомы пишет!» —
И жалко искривлен дрожащий, сжатый рот.

1919

СТЕПЬ

Сомкнулась степь синеющим кольцом,
И нет конца ее цветущей нови.
Вот впереди старуха на корове,
Скуластая и желтая лицом.

Равняемся. Халат на вате, шапка
С собачьим острым верхом, сапоги...
— Как неуклюж кривой постав ноги,
Как ты стара и узкоглаза, бабка!

— Хозяин, я не бабка, я старик,
Я с виду дряхл от скуки и печали,
Я узкоглаз затем, что я привык
Смотреть в обманчивые дали.

1919

* * *

Темень. Холод. Предрассветный
Ранний час.
Храм невзрачный, неприметный,
В узких окнах россыпь красных глаз.

Нищие в лохмотья руки прячут,
С паперти глядят в стекло дверей,
В храме стены по́том плачут,
Тусклы ризы алтарей.

Обеднела, оскудела паперть.
Но и в храме скорбь и пустота.
Черная престол покрыла скатерть,
За завесой царские врата.

Вот подрясник странника-расстриги.
Он в скуфейке, длинный и прямой.
Рыжий ранец, палку и вериги
В храм приносит нагло, как домой.

Вот в углу, где княжий гроб, под красной
Трепетной лампадой, на полу
Молится старушка, в муке страстной
Всю щепоть прижав к челу.

Матушка! Убогая, простая,
Бедная душа! Молись! Молись!
Чуть светает эта ночь глухая,
И лишь ты одна глядишь, вздыхая,
С теплой верой в сумрачную высь.

Темень. Холод. Буйных галок
Ранний крик.
Древний город темен, мрачен, жалок...
И велик!

⟨12.IX.19⟩

ИКОНКА

Иконку, черную дощечку,
Нашли в земле — пахали новь...
Кто перед нею ставил свечку?
В чьем сердце теплилась любовь?

Кто осветил ее своею
Молитвой нищего раба,
И посох взял и вышел с нею
На степь, в шумящие хлеба,

И, поклоняясь ветрам знойным,
Стрибожьим внукам, водрузил
Над полем пыльным, беспокойным
Убогий символ божьих сил?

1919

* * *

— Дай мне, бабка, зелий приворотных,
Сердцу песен прежних, беззаботных,
Отдыха глазам.

— Милый внучек, рада б, да не в силах:
Зелья те цветут не по лесам,
А в сырых могилах.

1920

ЗВЕЗДА МОРЕЙ, МАРИЯ

На диких берегах Бретани
Бушуют зимние ветры.
Пустуют в ветре и тумане
Рыбачьи черные дворы.

Печально поднят лик мадонны
В часовне старой. Дождь идет.
С ее заржавленной короны
На ризу белую течет.

Единая, земному горю
Причастная! Ты, что дала
Свое святое имя морю!
Ночь тяжела для нас была.

Огнями звездными над нами
Пылал морозный ураган.
Крутыми черными волнами
Ходил гудящий океан.

Рукой, от стужи онемелой,
Я правил парус корабля.
Но ты сама, в одежде белой,
Сошла и стала у руля.

И креп я духом, маловерный,
И в блеске звездной синевы
Туманный нимб, как отблеск серый,
Сиял округ твоей главы.

1920

Ворон

Ну, что, бабушка, как спасаешься?
  У тебя ль не рай, у тебя ль не мед?

Яга

Ах, залетный гость! Издеваешься!
  Уж какой там мед — шкуру пес дерет!
Лес гудит, свистит, нагоняет сон,
  Ночь и день стоит над волной туман,
Окружен со всех с четырех сторон
  Тьмой да мгой сырой островок Буян.
А еще темней мой прогнивший сруб,
  Где ни вздуть огня, ни топить не смей,
А в окно глядит только голый дуб,
  Под каким яйцо закопал Кощей.
Я состарилась, изболела вся,
  Сохраняючи чертов тот ларец!
Будь огонь в светце — я б погрелася,
  Будь капустный клок — похлебала б щец.
Да огонь-то, вишь, в океане — весть,
  Да не то что щец — нету прелых лык!

Ворон

Черт тебе велел к черту в слуги лезть,
  Дура старая, неразумный шлык!

15.VIII.21

КАНАРЕЙКА

На родине она зеленая...

Брэм

Канарейку из-за моря
Привезли, и вот она
Золотая стала с горя,
Тесной клеткой пленена.

Птицей вольной, изумрудной
Уж не будешь — как ни пой
Про далекий остров чудный
Над трактирною толпой!

10.V.21

* * *

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
  Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
  Сказать прости родному дому!

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
  Как бьется сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, наемный дом
  С своей уж ветхою котомкой!

25.VI.22

Свод радуги — творца благоволенье,
Он сочетает воздух, влагу, свет —
Все, без чего для мира жизни нет.
Он в черной туче дивное виденье
Являет нам. Лишь избранный творцом,
Исполненный господней благодати,—
Как радуга, что блещет лишь в закате,—
Зажжется пред концом.

15.VII.22

МОРФЕЙ

Прекрасен твой венок из огненного мака,
Мой Гость таинственный, жилец земного мрака.
Как бледен смуглый лик, как долог грустный взор,
Глядящий на меня и кротко и в упор,
Как страшен смертному безгласный час Морфея!

Но сказочно цветет, во мраке пламенея,
Божественный венок, и к радостной стране
Уводит он меня, где все доступно мне,
Где нет преград земных моим надеждам вешним,
Где снюсь я сам себе далеким и нездешним,
Где не дивит ничто — ни даже ласки той,
С кем бог нас разделил могильною чертой.

26.VII.22

СИРИУС

Где ты, звезда моя заветная,
  Венец небесной красоты?
Очарованье безответное
  Снегов и лунной высоты?

Где молодость, простая, чистая,
  В кругу любимом и родном,
И старый дом, и ель смолистая
  В сугробе белом под окном?

Пылай, играй стоцветной силою,
  Неугасимая звезда,
  Над дальнею моей могилою,
  Забытой богом навсегда!

22.VIII.22

* * *

Зачем пленяет старая могила
Блаженными мечтами о былом?
Зачем зеленым клонится челом
Та ива, что могилу осенила
Так горестно, так нежно и светло,
Как будто все, что было и прошло,
Уже познало радость воскресенья
И в лоне всепрощения, забвенья
Небесными цветами поросло?

25.VIII.22

* * *

В полночный час я встану и взгляну
На бледную высокую луну,
И на залив под нею, и на горы,
Мерцающие снегом вдалеке...
Внизу вода чуть блещет на песке,
А дальше муть, свинцовые просторы,
Холодный и туманный океан...

Познал я, как ничтожно и не ново
Пустое человеческое слово,
Познал надежд и радостей обман,
Тщету любви и терпкую разлуку
С последними немногими, кто мил,
Кто близостью своею облегчил
Ненужную для мира боль и муку,
И эти одинокие часы
Безмолвного полуночного бденья,
Презрения к земле и отчужденья
От всей земной бессмысленной красы.

25.VIII.22

* * *

Мечты любви моей весенней,
Мечты на утре дней моих,
Толпились как стада оленей
У заповедных вод речных:

Малейший звук в зеленой чаще —
И вся их чуткая краса,
Весь сонм, блаженный и дрожащий,
Уж мчался молнией в леса!

26.VIII.22

* * *

Все снится мне заросшая травой,
В глуши далекой и лесистой,
Развалина часовни родовой.
Все слышу я, вступая в этот мшистый
Приют церковно-гробовой,
Все слышу я: «Оставь их мир нечистый
Для тишины сей вековой!
Меч нашей славы, меч священный
Сними с бедра,— он лишний в эти дни,
В твой век, бесстыдный и презренный.
Перед распятым голову склони
В знак обручения со схимой,
С затвором меж гробами — и храни
Обет в душе ненарушимо».

27.VIII.22

* * *

Печаль ресниц, сияющих и черных,
Алмазы слез, обильных, непокорных,
  И вновь огонь небесных глаз,
  Счастливых, радостных, смиренных,—
Все помню я... Но нет уж в мире нас,
  Когда-то юных и блаженных!

Откуда же являешься ты мне?
Зачем же воскресаешь ты во сне,
  Несрочной прелестью сияя,
И дивно повторяется восторг,
  Та встреча, краткая, земная,
Что бог нам дал и тотчас вновь расторг?

27.VIII.22

ВЕНЕЦИЯ

Колоколов средневековый
Певучий зов, печаль времен,
И счастье жизни вечно новой,
И о былом счастливый сон.

И чья-то кротость, всепрощенье
И утешенье: все пройдет!
И золотые отраженья
Дворцов в лазурном глянце вод.

И дымка млечного опала,
И солнце, смешанное с ним,
И встречный взор, и опахало,
И ожерелье из коралла
Под катафалком водяным.

28.VIII.22

ВХОД В ИЕРУСАЛИМ

«Осанна! Осанна! Гряди
Во имя господне!»
И с яростным хрипом в груди,
С огнем преисподней
В сверкающих гнойных глазах,
Вздувая все жилы на шее,
Вопя все грознее,
Калека кидается в прах
На колени,
Пробившись сквозь шумный народ,
Ощеривши рот,
Щербатый и в пене,
И руки раскинув с мольбой —
О мщенье, о мщенье,
О пире кровавом для всех обойденных судьбой —
И ты, всеблагой,
Свете тихий вечерний,
Ты грядешь посреди обманувшейся черни,
Преклоняя свой горестный взор,
Ты вступаешь на кротком осляти
В роковые врата — на позор,
На проклятье!

29.VIII.22

* * *

В гелиотроповом свете молний летучих
На небесах раскрывались дымные тучи,
На косогоре далеком — призрак дубравы,
В мокром лугу перед домом — белые травы.

Молнии мраком топило, с грохотом грома
Ливень свергался на крышу полночного дома —
И металлически страшно, в дикой печали,
Гуси из мрака кричали.

30.VIII.22

ПАНТЕРА

Черна, как копь, где солнце, где алмаз.
Брезгливый взгляд полузакрытых глаз
Томится, пьян, мерцает то угрозой,
То роковой и неотступной грезой.

Томят, пьянят короткие круги,
Размеренно-неслышные шаги,—
Вот в царственном презрении ложится
И вновь в себя, в свой жаркий сон глядится.

Сощуривши, глаза отводит прочь,
Как бы слепит их этот сон и ночь,
Где черных копей знойное горнило,
Где жгучих солнц алмазная могила.

9.IX.22

1885 ГОД

Была весна, и жизнь была легка.
Зияла адом свежая могила,
Но жизнь была легка, как облака,
Как тот дымок, что веял из кадила.

Земля, как зацветающая новь,
Блаженная, лежала предо мною —
И первый стих, и первая любовь
Пришли ко мне с могилой и весною.

И это ты, простой степной цветок.
Забытый мной, отцветший и безвестный,
На утре дней моих попрала смерть, как бог,
И увела в мир вечный и чудесный!

9.IX.22

ПЕТУХ
НА ЦЕРКОВНОМ КРЕСТЕ

Плывет, течет, бежит ладьей,
И как высоко над землей!
Назад идет весь небосвод,
А он вперед — и все поет.

Поет о том, что мы живем,
Что мы умрем, что день за днем
Идут года, текут века —
Вот как река, как облака.

Поет о том, что все обман,
Что лишь на миг судьбою дан
И отчий дом, и милый друг,
И круг детей, и внуков круг,

Да вечен только мертвых сон,
Да божий храм, да крест, да он.

12.IX.22
Амбуаз

ВСТРЕЧА

Ты на плече, рукою обнаженной,
  От зноя темной и худой,
Несешь кувшин из глины обожженной,
  Наполненный тяжелою водой.
С нагих холмов, где стелются сухие
  Седые злаки и полынь,
Глядишь в простор туманной Кумании,
  В морскую вечереющую синь.
Все та же ты, как в сказочные годы!
  Все те же губы, тот же взгляд,
Исполненный и рабства и свободы,
  Умерший на земле уже стократ.
Все тот же зной и дикий запах лука
  В телесном запахе твоем,
И та же мучит сладостная мука,—
  Бесплодное томление о нем.
Через века найду в пустой могиле
  Твой крест серебряный, и вновь,
Вновь оживет мечта о древней были,
  Моя неутоленная любовь,
И будет вновь в морской вечерней сини,
  В ее задумчивой дали,
Все тот же зов, печаль времен, пустыни
  И красота полуденной земли.

12.X.22

* * *

Льет без конца. В лесу туман.
Качают елки головою:
«Ах, боже мой!» — лес точно пьян,
Пресыщен влагой дождевою.

В сторожке темной у окна
Сидит и ложкой бьет ребенок.
Мать на печи,— все спит она,
В сырых сенях мычит теленок.

В сторожке грусть, мушиный гуд...
— Зачем в лесу звенит овсянка,
Грибы растут, цветы цветут
И травы ярки, как медянка?

— Зачем под мерный шум дождя,
Томясь всем миром и сторожкой,
Большеголовое дитя
Долбит о подоконник ложкой?

Мычит теленок, как немой,
И клонят горестные елки
Свои зеленые иголки:
«Ах, боже мой! Ах, боже мой!»

10.V.23

* * *

Уж как на море, на море,
На синем камени,
Нагая краса сидит,
Белые ноги в волне студит,
Зазывает с пути корабельщиков:
«Корабельщики, корабельщики!
Что вы по свету ходите,
Понапрасну ищете
Самоцветного яхонта-жемчуга?
Есть одна в море жемчужина —
Моя краса,
Уста жаркие,
Груди холодные,
Ноги легкие,
Лядвии тяжелые!
Есть одна утеха не постылая —
На руке моей спать-почивать,
Слушать песни мои унывные!»
Корабельщики плывут, не слушают,
А на сердце тоска-печаль,
На глазах слезы горючие.
Ту тоску не заспать, не забыть
Ни в пути, ни в пристани,
Не отдумать довеку.

10.V.23

ДОЧЬ

Все снится: дочь есть у меня,
И вот я, с нежностью, с тоской,
Дождался радостного дня,
Когда ее к венцу убрали,
И сам, неловкою рукой,
Поправил газ ее вуали.

Глядеть на чистое чело,
На робкий блеск невинных глаз
Не по себе мне, тяжело,
Но все ж бледнею я от счастья,
Крестя ее в последний раз
На это женское причастье.

Что снится мне потом? Потом
Она уж с *ним*, — как страшен он! —
Потом мой опустевший дом —
И чувством молодости странной,
Как будто после похорон,
Кончается мой сон туманный.

7.VI.23

* * *

«Опять холодные седые небеса,
Пустынные поля, набитые дороги,
На рыжие ковры похожие леса,
И тройка у крыльца, и слуги на пороге...»

— Ах, старая наивная тетрадь!
Как смел я в те года гневить печалью бога?
Уж больше не писать мне этого «опять»
Перед счастливою осеннею дорогой!

7.VI.23

* * *

Одно лишь небо, светлое, ночное,
  Да ясный круг луны
Глядит всю ночь в отверстие пустое,
  В руину сей стены.

А по ночам тут жутко и тревожно,
  Ночные корабли
Свой держат путь с молитвой осторожной
  Далеко от земли.

Свежо тут ветер дует из простора
  Сарматских диких мест,
И буйный шум, подобный шуму бора,
  Всю ночь стоит окрест:

То Понт кипит, в песках могилы роет,
  Ярится при луне —
И волосы утопленников моет,
  Влача их по волне.

10.VI.23

ДРЕВНИЙ ОБРАЗ

Она стоит в серебряном венце,
С закрытыми глазами. Ни кровинки
Нет в голубом младенческом лице,
И ручки — как иссохшие тростинки.
За нею кипарисы на холмах,
Небесный град, лепящийся к утесу,
Под ним же Смерть: на корточках, впотьмах,
Оскалив череп, точит косу.
Но ангелы ликуют в вышине:
Бессильны, Смерть, твои угрозы!
И облака в предутреннем огне
Цветут и округляются, как розы.

1924

* * *

Уныние и сумрачность зимы,
Пустыня неприветливых предгорий,
В багряной смушке дальние холмы,
А там, за ними, — чувствуется — море.
Там хлябь и мгла. Угадываю их
По свежести, оттуда доходящей,
По туче, в космах мертвенно-седых,
Вдоль тех хребтов плывущей и дымящей.
Гляжу вокруг, остановив коня,
И древний человек во мне тоскует:
Как жаждет сердце крова и огня,
Когда в горах вечерний ветер дует!
Но отчего так тянет то, что там?
— О море! Мглой и хлябью довременной
Ты все-таки родней и ближе нам,
Чем радости всей этой жизни бренной!

1925

* * *

Маргарита прокралась в светелку,
Маргарита огня не зажгла,
Заплетая при месяце косы,
В сердце страшную мысль берегла.
Собиралась рыдать и молиться,
Да на миг на постель прилегла
И засиула. — На спящую Дьявол
До рассвета глядел из угла.

На рассвете он встал: «Маргарита,
Дорогое дитя, покраснел,
Скрылся месяц за синие горы,
И петух на деревне пропел, —
Поднимись и молись, Маргарита,
Ниц пади и оплачь свой удел:
Я недаром с такою тоскою
На тебя до рассвета глядел!»

Что ж ты, Гретхен, так неторопливо
Под орган вступила в двери храма?
Что ж, под гром органа, так невинно
Ты гля́дишь на огоньки престола,
А склоняешь кроткие ресницы
Так спокойно? Вот уж скоро полдеиь,
Солнца луч все жарче блещет в купол:
Скоро все замрет благоговейно,
Колокольчик зазвенит навстречу
Жениху небесному, — о Гретхен,
Что ж ты не бледнеешь, ие рыдаешь,
А тиха и радостна, как ангел,
Неневестиой Лилии подобна?
Бог прощает многое — ужели
Любящим, как ты, он все прощает?

1926

* * *

Только камни, пески, да нагие холмы,
Да сквозь тучи летящая в небе луна,—
Для кого эта ночь? Только ветер, да мы,
Да крутая и злая морская волна.

Но и ветер — зачем он так мечет ее?
И она — отчего столько ярости в ней?
Ты покрепче прижмись ко мне, сердце мое!
Ты мне собственной жизни милей и родней.

Я и нашей любви никогда не пойму:
Для чего и куда увела она прочь
Нас с тобой ото всех в эту буйную ночь?
Но господь так велел — и я верю ему.

1926

РАЗЛУКА

Бледна приморская страна,
    Луною озаренная.
Низка луна, ярка волна,
    По гребням позлащенная.

Волна дробится вдалеке
    Чеканною кольчугою.
Моряк печальный на песке
    Сидит с своей подругою.

Полночная луна глядит
    И думает со скукою:
«В который раз он тут сидит,
    Целуясь пред разлукою?»

И впрямь: идут, бегут века,
    Сменяют поколения —
Моряк сидит! В глазах тоска,
    Блаженное мучение...

1927

СВЕТ

Ни пустоты, ни тьмы нам не дано:
Есть всюду свет, предвечный и безликий...

Вот полночь. Мрак. Молчанье базилики,
Ты приглядись: там не совсем темно,
В бездонном, черном своде над тобою,
Там на стене есть узкое окно,
Далекое, чуть видное, слепое,
Мерцающее тайною во храм
Из ночи в ночь одиннадцать столетий...
А вкруг тебя? Ты чувствуешь ли эти
Кресты по скользким каменным полам,
Гробы святых, почиющих под спудом,
И страшное молчание тех мест,
Исполненных неизреченным чудом,
Где черный запрестольный крест
Воздвиг свои тяжелые объятья,
Где таинство сыновнего распятья
Сам бог-отец незримо сторожит?

Есть некий свет, что тьма не сокрушит.

1927

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Смотрит луна на поляны лесные
И на руины собора сквозные.
В мертвом аббатстве два желтых скелета
Бродят в недвижности лунного света:
Дама и рыцарь, склонившийся к даме
(Череп безносый и череп безглазый):
«Это сближает нас — то, что мы с вами
Оба скончались от Черной Заразы.
Я из десятого века,— решаюсь
Полюбопытствовать: вы из какого?»
И отвечает она, оскаляясь:
«Ах, как вы молоды! Я из шестого».

1947

NEL MEZZO DEL CAMIN DI NOSTRA VITA

Дни близ Неаполя в апреле,
Когда так холоден и сыр,
Так сладок сердцу божий мир...
Сады в долинах розовели,
В них голубой стоял туман,
Селенья черные молчали,
Ракиты серые торчали,
Вдыхая в полусне дурман
Земли разрытой и навоза...
Таилась хмурая угроза
В дымящемся густом руне,
Каким в горах спускались тучи
На их синеющие кручи...
Дни, вечно памятные мне!

1947

[1] Земную жизнь пройдя до половины *(итал.)*.

* * *

Где ты, угасшее светило?
Ты закатилось за поля,
Тебя сокрыла, поглотила
Немая, черная земля.
Но чем ты глубже утопаешь
В ее ночную глубину,
Тем все светлее наливаешь
Сияньем бледную Луну.
Прости. Приемлю указанье
Покорным быть земной судьбе,—
И это горное сиянье —
Воспоминанье о тебе.

* * *

Сохнут, жарко сохнут травы,
Над полдневными горами,
Над сиреневым их кряжем
Встало облако колонной —
И, курясь, виясь, уходит
К ослепляющему небу.
В тень прозрачную маслины
Блик горячий и зеркальный
Льется с моря и играет
По сухим, колючим травам.

* * *

Что впереди? Счастливый долгий путь.
Куда-то вдаль спокойно устремляет
Она глаза, а молодая грудь
Легко и мерно дышит и чуть-чуть
Воротничок от шеи отделяет —
И чувствую я слабый аромат
Ее волос, дыхания — и чую
Былых восторгов сладостный возврат...
Что там, вдали? Но я гляжу, тоскуя,
Уж не вперед, нет, я гляжу назад.

В КАРАВАНЕ

Под луной на дальнем юге,
Как вода, пески блестят.
Позабудь своей подруги
Полудетский грустный взгляд.

Под луной текут, струятся
Золотой водой пески.
Хорошо в седле качаться
Сердцу, полному тоски.

Под луной, блестя, чернеет
Каждый камень, каждый куст.
Знойный ветер с юга веет,
Как дыханье милых уст.

БРЕТАНЬ

Ночь ледяная и немая,
Пески и скалы берегов.
Тяжелый парус поднимая,
Рыбак идет на дальний лов.
Зачем ему дан ловчий жребий?
Зачем в глухую зыбь зимой
Простер и ты свой невод в небе,
Рыбак нещадный и немой?
Свет серебристый, тихий, вечный,
Кресты погибших. И в туман
Уходит плащаницей млечной
Под звездной сетью океан.

* * *

И вновь морская гладь бледна
Под звездным благостным сияньем,
И полночь теплая полна
Очарованием, молчаньем —
Как, господи, благодарить
Тебя за все, что в мире этом
Ты дал мне видеть и любить
В морскую ночь, под звездным светом.

* * *

Высокие нездешние цветы
В густой траве росли на тех могилах,
И небеса в бесчисленных светилах
На них смотрели с высоты.

И дивная Венера, как луна,
Нам бледно озаряла руки, лица —
И моря гробовая плащаница
Была черна, недвижна и черна.

* * *

В полуденных морях, далеко от земли,
Водил господь мое ветрило —
И на лицо мое могильной тьмой легли
Лучи палящего светила.
Три четверти луны — как паутина,
А четверть — рог, блестящий, золотой
Небесный желудь!
Тот колокол, что пел в родной долине,
Когда луна всходила из-за гор.
Душа, по старине, еще надежд полна,
Но только прошлое ей мило —
И мнится — лишь для тех ей жизнь была дана,
Кого она похоронила.
Полный колос долу клонится,
Полный колос недвижим.

* * *

Уж ветер шарит по полю пустому,
Уж завернули холода,
И как отрадно на сердце, когда
Идешь к своей усадьбе, к дому,
В студеный солнечный закат.
А струны телеграфные гудят
В лазури водянистой, и рядами
На них молоденькие ласточки сидят.
Меж тем как тучи дикими хребтами
Зимою с севера грозят!
Как хорошо помедлить на пороге
Под этим солнцем, уж скупым,—
И улыбнуться радостям былым
Без сожаленья и тревоги!

* * *

Порыжели холмы. Зноем выжжены,
И так близко обрывы хребтов,
Поднебесных скалистых хребтов.
На стене нашей глинистой хижины
Уж не пахнет венок из цветов,
Из заветных засохших цветов.
Море все еще в блеске теряется,
Тонет в солнечной светлой пыли:
Что ж так горестно парус склоняется,
Белый парус в далекой дали?
Ты меня позабудешь вдали.

ДВА ВЕНКА

Был праздник в честь мою, и был увенчан я
Венком лавровым, изумрудным:
Он мне студил чело, холодный, как змея,
В чертоге пирном, знойном, людном.

Жду нового венка — и помню, что сплетен
Из мирта темного он будет:
В чертоге гробовом, где вечный мрак и сон,
Он навсегда чело мое остудит.

НОЧЬ

Ледяная ночь, мистраль
(Он еще не стих).
Вижу в окна блеск и даль
Гор, холмов нагих.
Золотой недвижный свет
До постели лег.
Никого в подлунной нет,
Только я да бог.
Знает только он мою
Мертвую печаль,
Ту, что я от всех таю...
Холод, блеск, мистраль.

1952

ПЕРЕВОДЫ

Из американских поэтов

ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО

ОЧАРОВАННЫЙ ИНОК

Однажды утром,
По вековому сумрачному лесу,
Из древних, серых стен монастыря,
С задумчиво поникшей головою
И тихою молитвой на устах
Шел инок Феликс.

Был жаркий день,
Был зноен летний воздух, и зеленый
Тенистый лес
Уподоблялся мирной
Обители безгрешных. Золотые
Лежали мхи среди деревьев, ветви
Как бы творили знаменье креста,
Качаясь и шепча свои молитвы,
И разливался сладкий, нежный запах
Лесных цветов и виноградных лоз,
Тянувшихся из чащи к свету солнца.
Исполнено все было красоты;
Но инок Феликс
Был погружен в глубокое раздумье:
Его глаза
Покоились на книге Августина,
Где он прочел
О дивном и незримом божьем граде
В далекой и неведомой стране.
«Всем сердцем верю
В твои деянья, господи! — сказал он,—
Но не могу постигнуть их».— И вдруг
В лесу раздался голос,— дивный голос
Какой-то птицы, райски белоснежной,

Упавшей точно с неба и запевшей
Столь сладостно, столь звучно, что казалось,
Запели в небе струны золотые
Несметных арф. И Феликс
Забыл святую книгу
И долго, долго
Шел и внимал той птице, восхищенный,
Доколе не увидел, как во сие,
Небесного убежища блаженных,
Доколе не узрел
Сонм ангелов, ходящих в божьем граде
По золотым, по звучным плитам улиц.
Он искушен был дерзкой
Мечтой поймать таинственную птицу,
Но птица по холмам и по долам
Все далее и далее летела —
И Феликс, вместо сладостного пенья,
Услышал наконец
Далекий звон обители, зовущий
К полуденной молитве, и поспешно
В обитель возвратился. Что ж он видит?
Он узнает знакомые места,
Шпиц колокольни, пасмурные стены
Из серого гранита, кельи, вышки,
Но, вглядываясь в братию, не может
Найти в толпе
Ни одного знакомого! Повсюду
Чужие, неприветливые лица,
И новые для слуха голоса
Поют псалмы под голоса органа!
И всем чужой,
Меж старыми дубовыми скамьями,
Остановился Феликс, и монахи
Рассматривали тоже с удивленьем
Его лицо. «Я вот уж сорок лет
Живу в святой обители,— промолвил
Один из них, — но этого лица
За сорок лет я никогда не видел».
Похолодев от страха, Феликс робко
Сказал в ответ: «Окончив Первый час,
Я ныне утром вышел за ворота
И долго шел, влекомый сладким пеньем
Какой-то белоснежной дивной птицы,
Пока вдали

Не услыхал полуденного звона.
Я был как бы во сне:
Часы мне показались кратким мигом».
«Часы!» — сказал монах,
Сидевший за дубовой темной партой
Под северной стеною. «Не часы,
А целые года!» — сказал он. Это был
Старейший между всеми. Он столетье
Провел в лесу, в святом служенье богу,
Он вспомнил голос Феликса, всмотрелся
В его лицо и медленно промолвил:
«Сто лет назад,
Когда я был послушником, был в этой
Обители, хранимой богом, инок.
Весьма ему угодный и носивший
Святое имя: Феликс. Это Феликс!»

И вынесли на свет
Из пыльного скрипториума книгу,
Огромную, оправленную медью,
И темной кожей дикого медведя,
В которой отмечались имена
Всех иноков, здесь живших и умерших.
И там прочли
Все сказанное старцем: что столетье
Тому назад, в такой-то день и месяц,
Ушел из врат обители брат Феликс
И под ее благословенный кров
Уж больше не вернулся — слыл умершим.
И, прочитав,
Признали, что ему,
Плененному бессмертной райской песнью,
Век показался истинно мгновеньем.

1908

Из английских поэтов

АЛЬФРЕД ТЕННИСОН

ГОДИВА

Я в Ковентри ждал поезда, толкаясь
В толпе народа по мосту, смотрел
На три высоких башни — и в поэму
Облек одну из древних местных былей.

Не мы одни — плод новых дней, последний
Посев Времен, в своем нетерпеливом
Стремленье вдаль злословящий Былое,—
Не мы одни, с чьих праздных уст не сходит
Добро и Зло, сказать имеем право,
Что мы народу преданы: Годива,
Супруга графа Ковентри, что правил
Назад тому почти тысячелетье,
Любила свой народ и претерпела
Не меньше нас. Когда налогом тяжким
Граф обложил свой город и пред замком
С детьми столпились матери, и громко
Звучали вопли: «Подать нам грозит
Голодной смертью!» — в графские покои,
Где граф, с своей аршинной бородой
И полсаженной гривою, по залу
Шагал среди собак, вошла Годива
И, рассказав о воплях, повторила
Мольбу народа: «Подати грозят
Голодной смертью!» Граф от изумленья
Раскрыл глаза. «Но вы за эту сволочь
Мизинца не уколете!» — сказал он.
«Я умереть согласна!» — возразила
Ему Годива. Граф захохотал,
Петром и Павлом громко побожился,
Потом по бриллиантовой сережке
Годиву щелкнул: «Россказни!» — «Но чем же

Мне доказать?» — ответила Година.
И жесткое, как длань Исава, сердце
Не дрогнуло. «Ступайте,— молвил граф,—
По городу нагая — и налоги
Я отменю»,— насмешливо кивнул ей
И зашагал среди собак из залы.

Такой ответ сразил Годиву. Мысли,
Как вихри, закружились в ней и долго
Вели борьбу, пока не победило
Их Состраданье. В Ковентри герольда
Тогда она отправила, чтоб город
Узиал при трубиых звуках о позоре,
Назначенном Годиве: только этой
Цеиою облегчить могла Годива
Его удел. Годиву любят,— пусть же
До полдия ии единая нога
Не ступит на порог и ни единый
Не взгляиет глаз иа улицу: пусть все
Затворят двери, спустят в окнах ставни
И в час ее проезда будут дома.

Потом она поспешно поднялась
Наверх, в свои покои, расстегнула
Орлов иа пряжке пояса — подарок
Сурового супруга — и на миг
Замедлилась, бледна, как летний месяц,
Полузакрытый облачком... Но тотчас
Тряхнула головой и, уронивши
Почти до пят волну волос тяжелых,
Одежду быстро сбросила, прокралась
Вниз по дубовым лестницам — и вышла,
Скользя, как луч, среди колонн, к воротам,
Где уж стоял ее любимый конь,
Весь в пурпуре, с червоиими гербами.

На нем оиа пустилась в путь — как Ева
Как гений целомудрия. И замер,
Едва дыша от страха, даже воздух
В тех улицах, где ехала она.
Разинув пасть, лукаво вслед за нею
Косился желоб. Тявканье дворняжки
Ее кидало в краску. Звук подков
Пугал, как грохот грома. Каждый ставень

Был полон дыр. Причудливой толпою
Шпили домов глазели. Но Годива,
Крепясь, все дальше ехала, пока
В готические арки укреплений
Не засияли цветом белоснежным
Кусты густой цветущей бузины.

Тогда назад поехала Годива —
Как геиий целомудрия. Был некто,
Чья низость в этот день дала начало
Пословице: он сделал в ставне щелку
И уж хотел, весь трепеща, прильнуть к ней,
Как у него глаза оделись мраком
И вытекли,— да торжествует вечио
Добро над злом. Годива же достигла
В неведении замка — и лишь только
Вошла в свои покои, как ударил
И загудел со всех несметиых башен
Стозвучный полдеиь. В мантии, в короне
Она супруга встретила, сняла
С народа тяжесть податей — и стала
С тех пор бессмертной в памяти народа.

27.VI.06

Из французских поэтов

АЛЬФРЕД ДЕ МЮССЕ

ОТРЫВОК

...Когда из школьных стен домой мы возвращались,
Мы находили там безмолвие одно;
Отцы и братья нам не улыбались,
Отцы, за родину погибшие давно...
И хоть не раз горячих впечатлений
Душа недетская в томлении ждала,
Но было пусто все! И только по селенью
Гудели медленно вдали колокола...
Жизнь представлялась нам как бы двумя мирами:
За нами — прошлое с угасшею борьбой,
А новый день, встающий перед нами,
Еще во тьме, чуть тронутый зарей...
И ангел сумрачный для нас стал духом века;
Мы обрели его сидящим на костях, —
В плащ себялюбия закутан он, калека,
Не то живой, не то уж полупрах...

Так в Страсбурге дочь графа Сарвердена
В гробу, под белою венчальною фатой,
Лежит, сохранена, как мумия, от тлена,
Но страшен вид ее, ребячески-худой!
Холодною тоской и безотчетным страхом
Томит ее наряд и мертвое лицо:
Еще блестит ее венчальное кольцо,
А голова в цветах рассыпалася прахом!

О дети будущих, далеких поколений!
Когда вы в летний день, в отчизне дорогой,
Из зелени лугов, в часы отдохновений,
У плуга пот с чела сотрете трудовой

И улыбнется вам под яркими лучами
Земля-кормилица,— подумайте порой,
Что мы свой путь прошли с бессильными слезами,
Что жертвой были мы за будущий покой!

1890

ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ

ЗОЛОТОЙ ДИСК

Солнца диск золотой, уходя из лазурной пустыни,
Погружается медленно в тихое лоно зыбей.
И, прощаясь с землей, сыплет розовым блеском лучей,
В гребнях гор золотит, зажигает сверкающий иней.

Грустно ветер вздыхает и веет с далеких высот,
Стелет длинные тени в оврагах и влажных долинах,
Тамаринды колышет, и в темных, угрюмых вершинах,
Где гнездилися птицы, и сон и покой настает.

И дыханье земли, как священных кадильниц дыханье,
Средь кофейных деревьев и в чаще густых тростников
Разливаясь, сливается с свежим дыханьем лесов,
С ароматом плантаций в глубоком вечернем молчанье.

Вот звезда задрожала жемчужной своей белизной,
В синем мраке ночном, как живая, горит величаво —
И пылают в волнах, ослепленных небесною славой,
Мириады светил, мириады огней над землей.

И душа, забываясь в молчании ночи всесильной,
Созерцая и мир, и величье ее красоты,
Познавая тщету и надежды, и пылкой мечты,
В вечный сон погружается,— в саван могильный.

1895

УСОПШЕМУ ПОЭТУ

Ты, чей блуждавший взор в последние мгновенья
Пленялся и землей, и горней красотой,
Спи с миром в тишине холодного забвенья!
Запечатлела ночь твой облик гробовой.

Знать, слышать, чувствовать? — Прах, ветра дуновенье!..
Любить? — Но желчь одна, желчь в чаше золотой...
Как бог, свой бренный храм покинувший с тоской,—
Разлейся в беспредельности творенья!..

Почтит ли мир твое немое погребенье,
Иль, выронив слезу пустого сожаленья,
Твой пошлый век тебя забудет навсегда,—

Ты счастлив, ты отжил! Ты больше не страдаешь,
Быть человеком здесь ты ужаса не знаешь
И мыслить горького не ведаешь стыда.

1896

В ТЕМНУЮ НОЧЬ, В ШТИЛЬ, ПОД ЭКВАТОРОМ

Le Temps, l'Etendue et le Nombre...

Leconte de Lisle[1]

Время, Пространство, Число
С черных упали небес
В море, где мрак и покой.

Саван молчанья и тьмы
Их поглотил без следа —
Время, Пространство, Число.

Тяжким обломком, немым,
Падает Дух в пустоту,
В море, где мрак и покой.

---

[1] Время, Пространство, Число... Леконт де Лиль *(франц.)*.

С ним, погруженным во тьму,
Тонут, рожденные им,
Время, Пространство, Число
В море, где мрак и покой.

27.II.15

ФРАНСУА КОППЕ

СМЕРТЬ ПТИЦ

В безмолвье сумерек, мечтая у огня,
Не раз о смерти птиц задумывался я:
Как много гибнет их зимой от бурь жестоких!
Как много птичьих гнезд, пустых и одиноких,
Качается в лесу, среди нагих ветвей,
Под небом пасмурным тоскливых зимних дней!
Но отчего ж весной, когда в лесу мы бродим,
Скелетов маленьких нигде мы не находим?
Нигде среди цветов их не заметит глаз...
Иль птицы смерть свою должны скрывать от нас?

1898

Из итальянских поэтов

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА

СОНЕТ

Когда, как солнца луч, внезапно озаряет
Любовь ее лица спокойные черты,
Вся красота других, бледнея, исчезает
В сиянье радостном небесной красоты.

Смирясь, моя душа тогда благословляет
И первый час скорбей, и первые мечты,
И каждый час любви, что тихо подымает
Мой дух, мою любовь до светлой высоты.

Свет мысли неземной лишь от нее исходит,
Она того, кто вдаль последует за ней,
Ко благу высшему на небеса возводит,

По правому пути, где нет людских страстей,
И, полон смелостью, любовью вдохновенный,
Стремлюсь и я за ней в надежде дерзновенной!

⟨1896⟩

Из польских поэтов

АДАМ МИЦКЕВИЧ

Из «Крымских сонетов»

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Выходим на простор степного океана.
Воз тонет в зелени, как челн в равнине вод,
Меж заводей цветов, в волнах травы плывет,
Минуя острова багряного бурьяна.

Темнеет. Впереди — ни шляха, ни кургана.
Жду путеводных звезд, гляжу на небосвод...
Вон блещет облако, а в нем звезда встает:
То за стальным Днестром маяк у Аккермана.

Как тихо! Постоим. Далеко в стороне
Я слышу журавлей в незримой вышине,
Внемлю, как мотылек в траве цветы колышет,
Как где-то скользкий уж, шурша, в бурьян ползет,

Так ухо звука ждет, что можно бы расслышать
И зов с Литвы... Но в путь! Никто не позовет.

1901

ЧАТЫРДАГ

Склоняюсь с трепетом к стопам твоей твердыни,
Великий Чатырдаг, могучий хан Яйлы.
О мачта крымских гор! О минарет аллы!
До туч вознесся ты в лазурные пустыни

И там стоишь один, у врат надзвездных стран,
Как грозный Гавриил у врат святого рая.

Зеленый лес — твой плащ, а тучи — твой тюрбан,
И молнии на нем узоры ткут, блистая.

Печет ли солнце нас, плывет ли мгла, как дым,
Летит ли саранча, иль жжет гяур селенья, —
Ты, Чатырдаг, всегда и нем и недвижим.

Бесстрастный драгоман всемирного творенья,
Поправ весь дольний мир подножием своим,
Ты внемлешь лишь творца предвечные веленья!

1901

АЛУШТА НОЧЬЮ

Повеял ветерок, прохладою лаская.
Светильник мира пал с небес на Чатырдах,
Разбился, расточил багрянец на скалах,
И гаснет. Тьма растет, молчанием пугая.

Чернеют гребни гор, в долинах ночь глухая,
Как будто в полусне журчат ручьи впотьмах;
Ночная песнь цветов — дыханье роз в садах —
Беззвучной музыкой плывет, благоухая.

Дремлю под темными крылами тишины.
Вдруг метеор блеснул, — и, ослепляя взоры,
Потопом золота залил леса и горы.

Ночь! Одалиска-ночь! Ты навеваешь сны,
Ты гасишь лаской страсть, но лишь она утихнет —
Твой искрометный взор тотчас же снова вспыхнет!

1901

АДАМ АСНЫК

ЛИЛИИ

Золотые кудри в косы
Панночка плетет;
Заплетаючи, в раздумье
Песенку поет:

Темной ночью белых лилий
Сон неясный тих.
Ветерок ночной прохладой
Обвевает их.

Ночь их чашечки закрыла,
Ночь хранит цветы
В одеянии невинной
Чистой красоты,

И сказала: спите, спите
В этот тихий час!
День настанет — солнца пламень
Сгубит, сгубит вас!

Дня не ждите,— бесконечен
Знойный день, а сон,
Счастья сон недолговечен,
И умчится он.

Но, таинственно впивая
Холодок ночной,
К солнцу тянутся, к востоку
Лилии с тоской.

Ждут, чтоб солнце блеском алым
И теплом своим
Нежно белые бокалы
Растворило им.

И напрасно ночь лелеет
Каждый лепесток —
Грезит девушка о милом,
Солнца ждет цветок!

1893

АСТРЫ

Все поблекло... Только астры
Серебристые остались,—
Под холодным, синим небом
Замечтались...

Грустно я встречаю осень...
Ах, не так, как в дни былые!
Так же вянут, блекнут листья
Золотые,

Так же месячные ночи
Веют кроткой тишиною,
И шумит в аллеях ветер
Надо мною...

Но уж нет в душе печальной
Тех восторгов, тех волнений,
Что, как солнце, озаряли
День осенний.

Помню милый, бледный облик,
Локон нежный и волнистый,
В черных косах — венчик астры
Серебристый...

Помню очи... Вижу снова
Эти ласковые очи...
Все воскресло в лунном блеске,—
В блеске ночи!

⟨1893⟩

* * *

Без слов мы навсегда простилися с тобою,
Все речи я сберег в душевной глубине,
Я говорить не мог... Но сердца нет со мною —
Оно теперь с тобой в далекой стороне.

Белеет домик твой под крышею родною,
Поют там соловьи так звонко по весне...
Я отделен от вас страданьем и тоскою,
И дом мой далеко, и нет возврата мне...

Так больно было мне остаться без ответа!
Но все-таки я рад, что ясного рассвета,
Что жизнь твою не буду омрачать,—

Она к тебе идет с улыбкой молодою,
А я прощаюсь с последнею зарею,
Иду во тьму — и не вернусь опять!..

⟨1894⟩

ГЕРАКЛ

I

Предание его Гераклом называет...
Но как поэт героя назовет,—
Того, кто отдыху и радости не знает
И вечный труд без ропота несет?..

Тяжелой шкурой льва он плечи покрывает
И в ней, как царь властительный, идет;
Но чаще он молчит, и очи опускает,
И кандалы сам на себя кует.

Он страшен и могуч с дубиной исполина,
Но, как дитя, молчит пред взором господина,
Он перед ним — покорный раб немой,

Он, трепеща, спешит исполнить приказанье
И слышит смех обидный за собой,
В конюшнях Авгия работая в молчанье.

II

Но и другой он принимает вид —
И муза за него краснеет от смущенья...
Он терпелив, но дух его скорбит,
Растет, растет в груди сокрытое мученье,

И вот пора! — Он забывает стыд,
Свою судьбу, позор и годы униженья,—
В безумной оргии и диком опьяненье
Огонь в груди он загасить спешит.

Труды тяжелые, которые веками
Он исполнял, как раб, своими же руками
Нередко губит в несколько минут...

Но гаснет бешенство, проходит гнев упорный...
И в тишине свой богатырский труд
Он начинает вновь, безмолвный и покорный.

III

Еще себя не сознавая сам,
Он и гигантских сил своих не понимает,—
Войдет в костер без мысли, что к богам,
Как равный им, как бог, из пламени вступает.

Не знает он, что всем своим врагам,
Своим гонителям тревожный страх вселяет,
Что весь Олимп от ярости пылает,
Дивясь его победам и трудам.

Бессильные враги и жалкие преграды!
Пусть на пути его шипят и вьются гады
И встанет гидра с сотнями голов,—

Он с каждым днем растет, он с каждым днем сильнее,
Он разобьет при грохоте громов
Тяжелые оковы Прометея!

⟨1898⟩

Мотив Сенкевича

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

> **Небеса проповедуют славу божию, и о делах рук его вещает твердь. День дню передает речь, и ночь ночи открывает знание.**
>
> *Псал. 18*

Солнце уходит в далекие страны,
В сумрак ночной, за леса и моря.
В темных лесах засинели туманы,
В море горит золотая заря.

День угасает. Дневные заботы
С тихой зарей забывает земля,
Пахарь усталый вернулся с работы,
В теплой росе засыпают поля.

Вот потянулися птиц караваны...
Как необъятны зарей небеса!
Солнце уходит в далекие страны,
В сумрак ночной, за моря и леса...

Темнеет храм лесов. И кроткий и веселый,
Вечерний льется свет в лесную глубину.
Дремотно-ласково жужжат на солнце пчелы,
Кончая мирный день и отходя ко сну.

Клубится мошек рой. Задумчиво заводят
Свой жалобный концерт лесные комары...
Но гаснет, гаснет свет... Из листьев и коры
Ночные бабочки угрюмые выходят...

Стихает дятлов стук... С заката потянул
Неясный ветерок... Закат еще краснеет,
Но близок час ночной — и храм лесов темнеет,
И подымается чуть слышный, смутный гул.

То рать отцов-дубов заводит разговоры,
То на вечерний гимн скликаются леса...
И вот окончен день: в торжественные хоры
Сливаются лесные голоса.

«Сестры, возрадуйтесь! День благодатный,
Тихий и теплый, господь даровал.
Славой господней огонь предзакатный,
Славой небесною Запад пылал.

Звездную ночь нам творец посылает,
Темной земле он огни засветил,
Сон безмятежный для нас наступает...
Дивны веления господа сил!»

Мгновение молчат во мраке сосны,
Мгновенье — и звучит согласно по лесам:
«Господь, господь! Как ладан росный,
Благоухает наш бальзам.

И аромат любвеобильпый
Мы изливаем в теплой мгле
Тебе, господь, тебе, всесильный
На небесах и на земле!»

Тихой песней им вторят березы ветвистые:
«Отче наш! При сиянье озер
Зори светлые, зори огнистые
Золотят наш зеленый убор.

И под ласкою ветра целебною
Наши тонкие ветви шумят,
И тебе они арфой хвалебною,
Нашей радостной песней звучат!»

И кончают грустною мольбою
Пихты, погруженные во мглу:
«Сестры! Братья! Радуйтесь покою
И творите господу хвалу!»

Истомил нас день тяжелым зноем,
Но темнеют, меркнут небеса,
Веет ночь прохладой и покоем,
Падает вечерняя роса!»

И смолкает весь мир, забывается сном благодатным.
Гаснут вспышки зарниц. А из влажного мрака лесов,

Замирая, звучит от земли к небесам необъятным
Отдаленный хорал голосов,—

В высь, где темные бездны, лазурные бездны, струятся,
Млечный Путь, как река, в бесконечные дали ушел,
В высь, где звезды и звезды серебряной пылью роятся,
А над звездами — божий престол.

1895

Из украинских поэтов

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

ЗАВЕЩАНИЕ

Как умру, похороните
  Вы меня на воле,
На степи в краю родимом,
  На кургане в поле!

Чтобы даль вокруг синела,
  Чтоб и Днепр и кручи
Были видны,— было слышно,
  Как гремит могучий!..

⟨1900⟩

* * *

Во зеленой, темной роще
  Кукушка кукует:
Одинокой сиротою
  Девица тоскует.

А веселые, младые
  Годы золотые
Уплывают, как на волнах
  Цветики степные.

⟨1900⟩

Из армянских поэтов

АЛЕКСАНДР ЦАТУРИАН

* * *

Мрачна, темна душа моя...
Измучен безнадежным горем,
На берег моря вышел я
Тоскою поделиться с морем.

О беспредельной зыби даль!
Ты тоже мечешься, бушуя,
Тебе сродни моя печаль,
Ты ропщешь, как и я, тоскуя.

Внемли же мне, поплачь со мной
И отзовись на голос друга.
Быть может, сблизившись душой,
Мы позабудем боль недуга.

Иль пусть, как сестры, навсегда
Печали наши и томленья
В волнах исчезнут без следа
И там найдут покой забвенья.

Мрачна, темна душа моя...
Измучен безнадежным горем,
На берег моря вышел я
Тоскою поделиться с морем...

⟨1916⟩

* * *

Моя душа объята тьмой полночной,
Я суетой земною истомлен.
Моей душой, безгрешной, непорочной,
Владеет дивный и великий сон.

Лазурнокрылый ангел в небе реет,
На землю дева сходит, и она
Дыханьем звезд, лобзаньем неба свеет
С моей души ночные чары сна.

И день, и ночь ее прихода жду я,—
Вот-вот она покинет небосклон,
Развеет ночь души,— и, торжествуя,
Я воспою мой дивный, вещий сон.

⟨1916⟩

КОММЕНТАРИИ

В настоящем издании тексты (кроме нескольких стихотворений, оговоренных особо) даются по изданию: Бунин И. А. Собрание сочинений в девяти томах. Том первый. Стихотворения. 1886 — 1917; Том восьмой. Стихотворения. 1918 — 1953. Переводы. М., Художественная литература, 1965; 1967.

Составитель внес в текст отдельных стихотворений стилистические поправки Бунина, не учтенные в девятитомном собрании его сочинений. Он руководствовался при этом имеющимся у него сборником: Бунин И. А. Избранные стихи. Изд-во «Современные записки», Париж, 1929, в котором рукою В. Н. Муромцевой-Буниной сделана правка со сносками: «Исправлено автором по последней редакции», «зачеркнуто автором», «исправлено перед смертью за три месяца» и т. д. Этот экземпляр был подарен составителю В. Н. Муромцевой-Буниной 18 декабря 1958 года.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Стр. 39. *«Не видно птиц. Покорно чахнет...»* Это стихотворение вызвало высокую оценку Льва Толстого. «Был осенний хмурый день, моросил дождь, — вспоминал М. Горький о Толстом, — а он, надев тяжелое драповое пальто и высокие кожаные ботики — настоящие мокроступы, — повел меня гулять в березовую рощу. Молодо прыгает через канавы, лужи, отряхает капли дождя с веток на голову себе и превосходно рассказывает, как Шеншин объяснял ему Шопенгауэра в этой роще. И ласковой рукой любовно гладит сыроватые, атласные стволы берез.

— Недавно прочитал где-то стихи:

> Грибы сошли, но крепко пахнет
> В оврагах сыростью грибной... —

Очень хорошо, очень верно!» (Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т., М., 1951, т. 14, с. 293).

Стр. 58. *В поезде.* Напечатано в сборнике «Под открытым небом». 1898. Об этом сборнике Горький писал Бунину: «Получил вашу книжку... Хорошие стихи, ей-богу! Свежие, звучные, а них есть что-то детски-чистое я есть огромное чутье природы...» Приведя цитату из стихотворения «В поезде», Горький добавлял: «Миленький мой, это и есть самая чистая поэзия» (Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1954, т. 28, с. 68).

Стр. 79. *На хуторе.* Стихотворение написано об отце — Алексее Николаевиче Бунине (1824 — 1906). «Мой отец, — вспоминал поэт, — пел под гитару старинную, милую в своей романтической наивности песню, то протяжно, укоризненно, то с печальной удалью, меняя лицо соответственно тем двум, что участвовали в песне, один спрашивал, другой отвечал: «Что ты замолк и сидишь одиноко...» (Муромцева В. Н. Жизнь Бунина, с. 33)

Стр. 92. *Листопад.* Этой поэме Бунин придавал большое значение. По этой поэме он назвал свой сборник, вышедший в 1901 году в издательстве «Скорпион». Поэма вызвала многочисленные отзывы критики

н писателей. В статье «О лирике» А. Блок отмечал: «Цельиость и простота стихов и мировоззрения Бунина настолько ценны и единственны в своем роде, что мы должны с его первой книги и первого стихотворения «Листопад» признать его право на одно из главных мест среди современной русской поэзии» (Б л о к А. А. Собр. соч. М. — Л., 1962, т. 5, с. 141).

М. Горький, прочитав «Листопад», в письме В. Я. Брюсову, назвал Бунина «первым поэтом наших дней» (Г о р ь к и й М. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1954, т. 28, с. 152).

Стр. 97. *На распутье.* Стихотворение написано под впечатлением картины «Витязь на распутье» В. М. Васнецова. В сборнике «Листопад», где оно было опубликовано, стихотворение сопровождалось посвящением Васнецову. Положено на музыку А. Гречаниновым.

Стр. 106. *«Ночь печальна, как мечты мои...»* Стихотворение послужило текстом романсов С. В. Рахманинова и Р. М. Глиэра.

Стр. 109. *Учан-Су.* Учан-Су — водопад близ Ялты, в Крыму.

Стр. 125. *Ночь.* Мемфис — столица Египта в пору Древнего Царства (III тыс. до н. э.). Вавилон — столица Вавилонского царства в Двуречье (XIX — VI вв. до н. э.). Понт — Понт Эвксинский — древнегреческое название Черного моря.

Стр. 130. *Из Апокалипсиса.* Апокалипсис — одна из книг Нового завета (середина 68 — начало 69 гг.), авторство которой приписывается Иоанну Богослову и которая содержит пророчество о борьбе Христа с Антихристом и о «конце света».

Стр. 144. *«Багряная печальная луна...»* Вместо «И допотопной лилией краснеет...» — «И допотопной розою краснеет...» — «Исправлено автором» (примечание В. Н. Муромцевой-Буниной).

Стр. 168. *Одиночество.* Напечатано в 9 кн. сб. «Знание» за 1904 год с посвящением художнику и приятелю Бунина П. А. Нилусу. В 1910 году в чтении автора записано на пластинку.

Стр. 185. *«В лесу, в горе родник, живой и звонкий...»* Вместо «Но этот крест, но этот ковшик белый» — «О, этот крест и этот ковшик белый» — «Исправлено автором (последняя редакция)» (примечание В. Н. Муромцевой-Буниной).

Стр. 189. *«Тонет солнце, рдяным углем тонет...»* Барантв — поход, набег, здесь — племя *(тюрко-тат.)*.

Стр. 198. *Стон.* Озеро Мерида — древнее греческое название озера в Файюмском оазисе в Египте. Ра — бог солнца у древних египтян. Колоссом Мемнона (сына богини утренней зари) древние греки называли статую фараона Аменхотепа III близ древних Фив. Разрушенная землетрясением, она издавала при первых лучах солнца странный жалобный звук.

Стр. 199. *Черный камень Каабы.* Кааба — «куб» *(арабск.)*. — главное святилище мусульман, храм в Мекке, с его святыней — черным камнем, по преданию, принесенным ангелом Адаму из рая и вделанным в стену Авраамом.

Стр. 201. *Гробница Сафии.* Сафия — одиннадцатая жена Магомета, еврейка-пленница, выкупленная пророком, который был поражен ее красотой. Геллеспонт — Дарданелльский пролив *(древнегреч.)*. Тюрбэ — закрытая усыпальница, которая сооружалась для святых, султанов и очень важных лиц.

Стр. 219. *Айя-София.* Айя-София — храм святой Софии в Константинополе (VI в.), превращенный после турецкого завоевания в мечеть.

Стр. 227. *Петров день.* День апостолов Петра и Павла отмечается церковью 29 (12) июня.

Стр. 237. *Храм Солнца.* Храм (II — III ва.) а сирийском городе Баальбеке (городе Ваала, то есть солнца, отсюда греческое название Гелиополь). Среди руии возвышаютси шесть сохранившихся из 54 колоин аысотой в даадцать метроа. Талес — молитвениое облачение у евреев. В Баальбеке Бунин был 5 и 6 мая 1907 года. См. его очерк «Храм Солнца» (Собр. соч., т.3, с. 397 — 406).

Стр. 241. *Новый. храм.* Стихотворение записано на пластинку а чтении автора в 1910 году. Назарет — город в Галилее, где, согласно Евангелию, прошло детстао Христа.

Стр. 257. *Мандрагора.* Маидрагора — растеиие из семейства паслeновых, кореиь которого употреблился как лекарстаенное и приворотное, колдовское сиадобье.

Стр. 258. *Розы Шираза.* Ирем (Ирам) — город народа адаин. По преданию, один из их царей, услыхаа о садах рая, решил создать у себя такие же, но его сады я дворцы были разрушены богом.

Стр. 260. *Саваоф.* Саваоф — одно из имеи бога а иудаистской и христианской традиции.

Стр. 264. *Художник.* Стихотаореиие о А. П. Чехове и его доме а Ялте, где Бунин часто быаал. О дружественных отиошениях Чехоаа и Бунина см. «О Чехове» (Собр. соч.: В 9-ти т., т. 9).

Стр. 270. *«Горит хрусталь, горит рубин в вине...»* Раиее публиковалось под заглааием «Полдеиь». Заглааие «зачеркиуто аатором» (примечание В. Н. Муромцевой-Буииной).

Стр. 273. *Спор.* Фессалия — область в северо-восточиой Греции.

Стр. 276. *«Окно по ночам голубое...»* Ранее публиковалось под заглавием «При дороге». Заглааие «зачеркиуто автором» (примечаиие В. Н. Муромцевой-Буииной).

Стр. 293. *Судный день.* Аигел Израфил, по мусульмаиским представлеииям, а день Страшного суда призоает людей и поаедет их на суд прямой дорогой.

Стр. 294. *«Часы, шипя, двенадцать раз пробили...»* Раиее публиковалось под заглааием «Ритм». «Зачеркиул заглааие автор» (примечаиие В. Н. Муромцеаой-Буииной).

Стр. 301. *Завет Саади.* Саади (1184 — 1291) — персядский поэт.

Стр. 305. *Мушкет.* Вместо «И господь ответил» — «И господь утешил» — «Исправление автора» (примечаиие В. Н. Муромцевой-Буииной).

Стр. 306. *Венеция.* Впервые Бунин приехал в Венецию с драматургом С. А. Найденоаым в 1904 году, путешествуя по югу Фраиции н по Италии. Вторичио ои побывал в Веиеции аместе с женой в 1909 году. Альфонс де Ламартин (1790 — 1869) — французский позт и ромаиист. В. Н. Муромцева-Бунина переаодила киигу А. Ламартииа «Грацизлла». Марк — собор святого Марка а Веиеция (X в.). Пьяцетта — площадь *(итал.)*.

Стр. 323. *«В жарком золоте заката Пирамиды...»* Хедиа — поаелитель, титул (1866 — 1914) иаследствеиных правителей Египта, в то время подвластного Турции *(персидск.)*. Хуфу (Хеопс) — египетский фараои середины III тысячелетии до н. э. Камбиз — персидский царь, завоеаааший Египет в 525 г. до и. э.

Стр. 333. *Малайская песня.* Лекоит де Лиль (1818 — 1894) — фраицузский позт.

Стр. 335. *Святогор и Илья.* Вместо «Лег, накрылси» — «Лег, надвинул» — «Авторское испрааление» (примечание В. Н. Муромцевой-Буииной).

Стр. 338. *Князь Всеслав.* Книзь Всеслав Брячиславич — князь Полоцкий (XI а.). В 1067 году киевский князь Изислав Ярославич зама-

нил его а Кнев н заточнл в темницу. Однако а 1068 году киевляне, недовольные Изяславом, проаозгласили Всеслввв своим князем. Он княжнл семь месяцев, но выиужден был бежать, так как прежний князь, Изяслав, предпрннял на него поход пря поддержке полякоа. Всеслав вернулся а Полоцк. Софня — Софийскнй собор а Кневе.

Стр. 344. *У гробницы Виргилия.* Вирглнй (Вергилий, 70 — 19 до н. з.) — рнмскнй поэт, аатор «Энеиды» н «Сельскнх поэм».

Стр. 353. *Миньона.* Миньонв — героиня романа Гете «Годы учення Внльгельма Мейстерв».

Стр. 367. *Святилище.* Ступа — монументвльное культовое сооруженне над останкамн буддийского святого илн релнкаинмн. Вихара — буддийский монастырь илн искусственная пещера, служнвшая жилищем для монахов. Сннгалесы (сингалы) — одна из корейяных народностей Цейлона.

Стр. 377. *Дедушка в молодости.* Окарнна — духовой музыкальный инструмент, изготоалявшийся из глины или фарфора.

Стр. 380. *Конь Афины-Паллады.* По греческнм мифвм, богиин Афина посоаетовала соорудить деревяииого коня, с помощью которого греки овлвделн городом Илионом (Троей). Одна лишь царевна Кассандра, наделенная пророческнм даром, предупреждала троянцеа не аaодить а город деревянного коня, в брюхе которого спрятались лучшие грекявоины, однако ее совету не вняли.

Стр. 386. *«Настанет день — исчезну я...»* Во аторой строке второй строфы «аместо запятой — тире. Авторское нзменение» (прнмечвнне В. Н. Муромцеаой-Бунннной).

Стр. 387. *Памяти друга.* Стихотворенне написано в связи с самоубийством друга Бунина художникв В. П. Куровского (1869 — 1915).

Стр. 390. *Помпея.* Вместо «Я помню только римские следы» — «Я помню только дреание следы» — «Авторское нзменение» (прнмечанне В. Н. Муромцеаой-Буниной).

Стр. 393. *«Покрывало море свитками...»* В первой строке второй строфы вставлено «н».

Стр. 395. *Капри.* Вместо «в снянии нркой лазурн» — «в сиянии алвжной лазури» — «Поправка аатора» (примечанне В. Н. Муромцевой-Буниной).

Стр. 407. *Молчание.* Печатается по тексту: Иван Бунин. Лит. наследство. Кн. 1. М., 1973, с. 182 — 183.

Стр. 408. *«По древнему уныввному распеву...»* — твм же, с. 183.

Стр. 409. *«И шли века, и стены Рая пали...»* — твм же.

Стр. 410. *«И снова вечер, степь и четко...»* — там же.

Стр. 411. *«Снег дымился в раскрытой могиле...»* — там же, с. 184 — 185.

Стр. 412. *«Луна и Нил. По берегу, к пещерам...»* — твм же.

Стр. 413. *«Нет Колеса на свете, Господин...»* — — там же, с. 186.

Стр. 428. *«Этой краткой жизни вечным измененьем...»* Вместо «В свежем парке» — «В алом парке»; вместо «В этом парке розовом» — «В этом парке алом».

Стр. 432. *«И цветы, и шмели, и трава, и колосья...»* Вместо «милосердным коленнм» — «мнлосердным Колеям» — «Аaторскне поправки» (примечвние В. Н. Муромцеаой-Буянной).

Стр. 441. *«Темень. Холод. Предрассветный час...»* — там же, с. 188—189.

Стр. 450. *Сириус.* «Измеиен аторой куплет автором» (прнмечанне В. Н. Муромцевой-Бунннной). Ранее он чнтался так: «Где аы, скнтання полночные в раанинах саетлых н нагих, надежды, думы непорочные я радость звмыслов монх?»

Стр. 462. *Встреча.* Кумании — страна полоацев.

Стр. 464. *«Уж как на море, на море...»* Вместо «Мои белаи краса» — «Мон наган краса».

Стр. 465. *Дочь.* Вместо «Мне почему-то тижело» — «Не по себе мне, тижело».

ПЕРЕВОДЫ

Стр. 490. *Генри Лонгфелло* (1807 — 1882). Буиинский перевод его «Песнн о Гайавате» был удостоен Пушкинской премии Российской академии иаук. «Очароваиный инок» — один из трех отрывков из «Золотой легеиды», котораи иаляетси второй частью мистерни Лонгфелло «Христос». Заглавие отрыака принадлежнт Буиину. *Августин* (354 — 430) — христиаиский теолог и религиозный деитель, аатор миогочисленных произведеиий на богословские темы. Имеетси в аиду его осноаиой трактат «О граде божьем».

Стр. 493. *Альфред Теннисон* (1809 — 1892). Годива — героини аиглийской средневековой легеиды. *Исав* — сын библейского патриархз Исаака; в Библии говорится, что руки у Исааа былн косматые (Бытие, гл. 27, с. 23). Само ими «Исав» значит «волосатый» (древнеевр.).

Стр. 496. *Альфред де Мюссе* (1810 — 1857). Даиный «Отрыаок» нвлнется не переводом в точном смысле слова, а стихотвориой вариацией аторой главы романа Альфреда де Мюссе «Исповедь сына века».

Стр. 497. *Леконт де Лиль* (1818 — 1894).

Стр. 499. *Франсуа Коппе* (1842 — 1908).

Стр. 500. *Франческо Петрарка* (1304 — 1374). Бунин перевел XIII сонет Петрарки к Лауре.

Стр. 501. *Адам Мицкевич* (1789 — 1855). Буиин переаел три стихотаорении Мицкеаича из цикла «Крымские сонеты».

Стр. 503. *Адам Асных* (1838 — 1897).

Стр. 507. *Генрик Сенкевич* (1846 — 1916).

Стр. 510. *Тарас Шевченко* (1814 — 1861). О восторжеином отиошении Буниа к поэзии Тараса Шеачепко см. рассказ «Казацким ходом» (Собр. соч.: В 9-ти т., т. 2) н «Жизнь Арсеньева» (т а м ж е, т. 6).

Стр. 511. *Александр Цатуриан* (1865 — 1917).

Стр. 512. *Аветик Исаакян* (1875 — 1957).

СОДЕРЖАНИЕ

Олег Михайлов. Бунин-поэт 5

СТИХОТВОРЕНИЯ
1886 — 1899

«Шире, грудь, распахнись для принятия...» 18
Поэт 19
Деревенский нищий 20
«Месяц задумчивый, полночь глубокая...» 21
«Как печально, как скоро померкла...» 22
Полевые цветы 23
На пруде 24
«В темнеющих полях, как в безграничном море...» 25
«Серп луны под тучкой длинной...» 26
Октябрьский рассвет 27
«Высокó полный месяц стоит...» 28
«Какая теплая и темная заря!..» 29
«Бледнеет ночь... Туманов пелена...» 30
«Осыпаются астры в садах...» 31
«Не пугай меня грозою...» 32
«Туча растаяла. Влажным теплом...» 33
«Ветер осенний в лесах подымается...» 34
«Пустыня, грусть в степных просторах...» 35
«Как все вокруг сурово, снежно...» 36
«На поднебесном утесе, где бури...» 37
Цыганка 38
«Не видно птиц. Покорно чахнет...» 39
«Седое небо надо мной...» 40
«Одни встречаю я дни радостной недели...» 41
«Как дымкой даль полей закрыв на полчаса...» 42
В степи 43
«...Зачем и о чем говорить?...» 45
Подражание Пушкину 46
«Ту звезду, что качалася в темной воде...» 47
Ангел 48
Родине 49
«Свежеют с каждым днем и молодеют сосны...» 50
«Бушует полая вода...» 51
Соловьи 52
«Гаснет вечер, даль синеет...» 54
«Еще от дома на дворе...» 55

«В стороне далекой от родиого края...» 56
«За рекой луга зазеленели...» 57
В поезде 58
«Ночь идет — и темнеет...» 59
«...И снилося мне, что осеяяей порой...» 60
Мать 61
Ковыль 62
В Гефсимаиском саду 64
«Могилы, ветряки, дороги и курганы...» 65
«Если б только можио было...» 66
«Нагая степь пустыней веет...» 67
«Что в том, что где-то, на далеком...» 68
На проселке 69
«Поздний час. Корабль и тих и темен...» 70
Метель 71
«В окошко из темиой каюты...» 72
Родина 73
«Ночь и даль седая...» 74
На Диепре 75
Кипарисы 76
«Отчего ты печально, вечернее небо?..» 77
Северное море 78
На хуторе («Свечи нагорели, долог зимний вечер...») 79
«Скачет пристяжная, снегом обдает...» 80
«Я к ией вошел в полиочный час...» 81
«Сяова сон, плеиительиый и сладкий...» 82
«Звезды ночью весенней нежиее...» 83
Плеяды 84
«И вот опять уж по зарям...» 85
«Листья падают в саду...» 86
«Таииственно шумит лесиая тишина...» 87
«Как светла, как нарядна весна!..» 88
«Зелеиоватый свет пустыяиой луняой ночи...» 89

1900 — 1902

«Враждебных полон тайн иа взгорье спящий лес...» 90
«Нет солица, яо светлы пруды...» 91
Листопад 92
На распутье 97
Вирь 98
В отъезжем поле 100
«Все темней и кудрявей березовый лес зелеиеет...» 101
«Не угас еще вдали закат...» 102
«Лес шумит невнятным, ровяым шумом...» 103
«Вдали еще гремит, но тучи уж свалились...» 104
По вечерией заре 105
«Ночь печальна, как мечты мои...» 106
Рассвет («Высоко поднялся и белеет...») 107
Родиик 108
Учаи-Су 109
Зиой 110
Сумерки («Все — точио в полусне. Над серою водой...») 111
«На мертвый якорь кииули бакан...» 112
«К прибрежью моря длиняая аллея...» 113
«Открыты жинвья золотые...» 114

«Был поздний чвс — н вдруг над темнотой...» 115
«Зеленый цвет морской аоды...» 116
«Раскрылось небо голубое...» 117
«Зарницы лик, кзк сиовндеиье...» 118
«На высоте, иа снеговой вершнне...» 119
«Еще н холоден и сыр...» 120
«Дымитсн поле, рассает белеет...» 121
«Облака, как призраки разавлнн...» 122
На монастырском кладбище 123
«В поздний час мы были с нею в поле...» 124
Ночь 125
«Спокойный азор, подобный взору лвии...» 127
«За все тебн, Господь, благодарю!..» 128
«Полнмн пахнет, — свежих траа...» 129
Из Апокалипсиса 130
«Из тесной пропасти ущельн...» 132
«Не слыхвть еще тяжкого грома за лесом...» 133
«Любил ои ночи темные в шатре...» 134
«Мон печаль теперь спокойпа...» 135
«Шумели листьн, облетан...» 136
«Светло, кзк днем, и теиь за ивми бродит...» 137
Отрывок («В окно н вижу груды облаков...») 138
«Морозное дыханне метели...» 139
«Жесткой, черной лнствой шелестнт и трепещет кустарннк...» . . . 140
Нв острoае 141
«Не устану воспевать вас, звезды!..» 142
«Перед закатом набежвло...» 143
«Багрниая печальнан луна...» 144
Леснан дорога 145
«Чашу с темным вином подала мне богиин печали...» 146
«Как асе спокойно н как все открыто!..» 147
Бродягн 148
Кондор 149
«Шнроко меж вершнн дубрввы...» 150

1903 — 1906

Севернан береза 151
Портрет («Погост, часовенкз над склепом...») 152
Мороз 153
После бнтаы 154
«На окне, серебрнном от инен...» 155
«Далеко иа севере Капелла...» 156
«Проснулсн н внезапно, без причины...» 157
«Стврик у хвты венл, подкидывал лопвту...» 158
«Уж подсыхает хмель на тыне...» 159
«Там, иа припеке, спнт рыбацкие ковши...» 160
«Пераый утреннник, серебрнный мороз!..» 161
«Обрыв Яйлы. Как руки фурнй...» 162
Надпись нз чаше 163
Запустенне 164
Голубн («Раскрыт балкон, сожжен цветник морозом...») 167
Одиночество («И ветер, и дождик, н мгла...») 168
Сумеркн («Как дым, седвн мгла мороза...») 170
Жасмин 171
«Набегает впотьмвх...» 172

Развалины 173
Косогор 174
Разлив 175
Розы 176
На маяке 177
Сапсан 178
«В гостиную, сквозь сад и пыльные гардины...» 180
«Осень. Чащи леса...» 181
«Мы встретились случайно на углу...» 182
Огонь на мачте 183
«Все море — как жемчужное зерцало...» 184
«В лесу, в горе, родник, живой и звонкий...» 185
«Черные ели и сосны сквозят в палисаднике темном...» 186
«Густой зеленый ельник у дороги...» 187
Стамбул 188
«Тонет солнце, рдяным углем тонет...» 189
С острогой 190
Призраки 191
Вершина 192
В открытом море 193
Под вечер 194
Сквозь ветви 195
Огонь 196
На винограднике 197
Стон 198
Черный камень Каабы 199
За измену 200
Гробница Сафии 201
Чибисы 202
Купальщица 203
Новый год 204
Змея («Покуда март гудит в лесу по голым...») 205
Печаль 206
Песня («Я — простая девка на баштане...») 207
Речка 208
Пахарь 209
Чужая 210
Апрель 211
Детство 212
Терем 213
Каменная баба 214
У берегов Малой Азии 215
Золотой невод 216
Дагестан 217
На обвале 218
Айя-София 219
К востоку 220
Птица 221

1906 — 1911

«Огромный, красный, старый пароход...» 222
«Люблю цветные стекла окон...» 223
«Луна еще прозрачна и бледна...» 224
«И скрип, и визг над бухтой, наводненной...» 225
«Проснусь, проснусь — за окнами, в саду...» 226

Петров день 227
«Ограда, крест, зеленая могила...» 229
«Растет, растет могильная трава...» 230
Вальс 231
Дядька 232
На рейде 233
Джордано Бруно 234
В Москве 236
Храм Солнца 237
Воскресение 238
«Шла сиротка пыльною дорогой...» 239
Слепой 240
Новый храм 241
«Кошка в крапиве за домом жила...» 242
«Присела на могильнике Савуре...» 243
«Там иволга, как флейта, распевала...» 244
«Щебечут пестрокрылые чекканки...» 245
Пустошь 246
«В столетнем мраке черной ели...» 248
Наследство 249
Няня 251
На Плющихе 253
С корабля 254
Обвал 255
«Вдоль этих плоских знойных берегов...» 256
Мандрагора 257
Розы Шираза 258
С обезьяной 259
Саваоф 260
В Архипелаге 261
Бог полдня 262
«Открыты окна. В белой мастерской...» 263
Художник 264
«В полях сухие стебли кукурузы...» 265
Кружево 266
Собака 267
Полночь 268
Рассвет («Как стая птиц, в пустыне одиноко...») 269
«Горит хрусталь, горит рубин в вине...» 270
Вечер 271
Мертвая зыбь 272
Спор 273
Песня («Зацвела на воле...») 274
Ночные цикады 275
«Окно по ночам голубое...» 276
Матери 277
Без имени 278
Мужичок 279
Дворецкий 280
Криница 281

1912 — 1917

Псковский бор 282
Два голоса 283
«Ночь зимняя мутна и холодна...» 284

Ночная змея 286
В Сицилии 287
Летняя ночь 288
Белый олень 289
Потомки пророка 290
«Шипит и не встает верблюд...» 291
Уголь 292
Судный день 293
«Часы, шипя, двенадцать раз пробили...» 294
«Как дым пожара, туча шла...» 295
Светляк 296
Степь («Синий ворон от падали...») 297
Холодная весна 298
Матрос 299
Святогор 300
Завет Саади 301
Дедушка 302
Мачеха 303
Отрава 304
Мушкет 305
Венеция («Восемь лет в Венеции я не был...») 306
«Теплой ночью, горною тропинкой...» 310
Могильная плита 311
Перстень 312
Слово 313
«Просыпаюсь в полумраке...» 314
Святой Евстафий 315
Поэту 316
«Взойди, о Ночь, на горний свой престол...» 317
Невеста («Я косы девичьи плела...») 318
«Роса, при бледно-розовом огне...» 319
Белый цвет 320
Одиночество («Худая компаньонка, иностранка...») 321
«К вечеру море шумней и мутней...» 322
«В жарком золоте заката Пирамиды...» 323
«Что ты мутный, светел-месяц?..» 324
Казнь 325
Шестикрылый 326
Парус 327
Святитель 328
Заимок 329
Аленушка 330
Ирида 331
Скоморохи 332
Малайская песня 333
Святогор и Илья 335
Святой Прокопий 336
Сон епископа Игнатия Ростовского 337
Князь Всеслав 338
«Мне вечор, младой, скучен терем был...» 339
Кадильница 340
«Когда-то, над тяжелой баркой...» 341
Дурман 342
Сон («По снежной поляне...») 343
У гробницы Виргилия 344

«Сниие обон полниили...» . . . 345
«На поморни далеком...» . . . 346
«Тзм ие светит солнце, ие бывает иочи...» . . . 347
«Лнман песком от моря отделен...» . . . 348
Зеркало . . . 349
Мулы . . . 350
Снрокко . . . 351
Псалтирь . . . 352
Мнньона . . . 353
В горах . . . 354
Людмила . . . 355
«Стена горы — до небосвода...» . . . 356
«Солнце полночное, тени лиловые...» . . . 357
Молодость . . . 358
Уездное . . . 359
В орде . . . 360
Цейлон («Окраина земли...») . . . 361
Отлив . . . 363
Богння . . . 364
В цирке . . . 365
Спутница . . . 366
Свитилище . . . 367
Феска . . . 368
Вечерний жук . . . 369
«Рыжими иголками...» . . . 370
Кончина святителя . . . 371
Руслан . . . 372
«Край без истории... Все лес да лес, болота...» . . . 373
Плоты . . . 374
«Он видел смоль ее волос...» . . . 375
«Полночный звон степной пустыни...» . . . 376
Дедушка в молодости . . . 377
Игроки . . . 378
Конь Афины-Паллады . . . 380
«Архистратиг средневековый...» . . . 381
Каиун . . . 382
Последний шмель . . . 383
«В норе, домами сдавленной...» . . . 384
«Вот он снова, этот белый...» . . . 385
«Настанет день — исчезну я...» . . . 386
Памяти друга . . . 387
На Невском . . . 388
«Тихой ночью поздний месяц вышел...» . . . 389
Помпея . . . 390
Калабрийский пастух . . . 391
Компас . . . 392
«Покрывало море свитками...» . . . 393
Аркадия . . . 394
Капри . . . 395
«Едем бором, черными лесами...» . . . 396
Первый соловей . . . 397
Среди звезд . . . 398
«Бывает море белое, молочное...» . . . 399
Падучая звезда . . . 400
«Море, степь и южный август, ослепительный и жаркий...» . . . 401

Поэтесса ... 402
Заклинание ... 403
Молодой король ... 404
Кобылица ... 406
Молчание ... 407
«По древнему унывному распеву...» ... 408
«И шли века, и стены Рая пали...» ... 409
«И снова вечер, степь и четко...» ... 410
«Снег дымился в раскрытой могиле...» ... 411
«Луна и Нил. По берегу, к пещерам...» ... 412
«Нет Колеса на свете, Господин...» ... 413
Семнадцатый год ... 414
Змея («Зашелестела тонкая трава...») ... 415
«Как много звезд на тусклой синеве!..» ... 416
Луна ... 417
«У ворот Сиона, над Кедроном...» ... 418
Воспоминание ... 419
Ландыш («В голых рощах веял холод...») ... 420
«О радость красок! Снова, снова...» ... 421
«Стали дымом, стали выше...» ... 422
«Смятенье, крик и визг рыбалок...» ... 423
«Мы рядом шли, но на меня...» ... 424
«Мы сели у печки в прихожей...» ... 425
«Осенний день. Степь, балка и корыто...» ... 426
«Щеглы, их звон, стеклянный, нежный...» ... 427
«Этой краткой жизни вечным изменением...» ... 428
«Звезда дрожит среди вселенной...» ... 429
«В пустом, сквозном чертоге сада...» ... 430

1918 — 1953

«В дачном кресле, ночью, на балконе...» ... 431
«И цветы, и шмели, и трава, и колосья...» ... 432
«Древняя обитель супротив луны...» ... 433
«На даче тихо, ночь темна...» ... 434
«Огонь, качаемый волной...» ... 435
Михаил ... 436
Потерянный Рай ... 437
«Ты странствуешь, ты любишь, ты счастлива...» ... 438
«Высокий белый зал, где черная рояль...» ... 439
Степь («Сомкнулась степь синеющим кольцом...») ... 440
«Темень. Холод. Предрассветный...» ... 441
Иконка ... 442
«— Дай мне, бабка, зелий приворотных...» ... 443
Звезда морей, Мария ... 444
Русская сказка ... 445
Канарейка ... 446
«У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...» ... 447
Радуга ... 448
Морфей ... 449
Сириус ... 450
«Зачем пленяет старая могила...» ... 451
«В полночный час я встану и взгляну...» ... 452
«Мечты любви моей весенней...» ... 453
«Все снится мне заросшая травой...» ... 454
«Печаль ресниц, сияющих и черных...» ... 455

Венеция («Колоколов средневековый...») 456
Вход в Иерусалим 457
«В гелиотроповом свете молний летучих...» 458
Пантера 459
1885 год 460
Петух на церковном кресте 461
Встреча 462
«Льет без конца. В лесу туман...» 463
«Уж как на море, на́ море...» 464
Дочь 465
«Опять холодные седые небеса...» 466
«Одно лишь небо, светлое, ночное...» 467
Древний образ 468
«Уныние и сумрачность зимы...» 469
«Маргарита прокралась в светелку...» 470
«Только камни, пески, да нагие холмы...» 471
Разлука 472
Свет 473
Ночная прогулка 474
Nel mezzo del camin di nostra vita 475
«Где ты, угасшее светило?..» 476
«Сохнут, жарко сохнут травы...» 477
«Что впереди? Счастливый долгий путь...» 478
В караване 479
Бретань 480
«И вновь морская гладь бледна...» 482
«Высокие нездешние цветы...» 483
«В полуденных морях, далеко от земли...» 484
«Уж ветер шарит по полю пустому...» 485
«Порыжели холмы. Зноем выжжены...» 486
Два венка 487
Ночь («Ледяная ночь, мистраль...») 488

ПЕРЕВОДЫ

Из американских поэтов

ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО

Очарованный инок 490

Из английских поэтов

АЛЬФРЕД ТЕННИСОН

Годива 493

Из французских поэтов

АЛЬФРЕД ДЕ МЮССЕ

Отрывок 496

ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ

Золотой диск 497
Усопшему поэту 498
В темную ночь, в штиль, под экватором 498

ФРАНСУА КОППЕ

Смерть птиц 499

Из итальянских поэтов

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА

Сонет 500

Из польских поэтов

АДАМ МИЦКЕВИЧ

ИЗ «КРЫМСКИХ СОНЕТОВ»

Аккерманские степи 501
Чатырдаг 501
Алушта ночью 502

АДАМ АСНЫК

Лилии 503
Астры 504
«Без слов мы навсегда простилися с тобою...» 504
Геракл 505

Мотив Сенкевича

Вечерняя молитва 507

Из украинских поэтов

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Завещание 510
«Во зеленой, темной роще...» 510

Из армянских поэтов

АЛЕКСАНДР ЦАТУРИАН

«Мрачна, темна душа моя...» 511

АВЕТИК ИСААКЯН

«Моя душа объята тьмой полночной...» 512
Комментарии 513

Иван Алексеевич Бунин

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ

Редактор *Ю. Бондарев*
Художник *В. Покатов*
Художественный редактор *О. Червецова*
Технический редактор *В. Котова*
Корректор *В. Дробышева*

ИБ № 4826
Подписано к печати 10.12.85. Формат 84x108/$_{32}$. Гарнитура об. нов. Печать офсетная. Бумага офсет. № 2. Усл. печ. л. 27,72. Усл. кр.-отт. 43,26. Уч.-изд. л. 14,4. Тираж 300000 (225001-300000) экз. Зак. 4729. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Отпечатано с готовых диапозитивов на полиграфическом предприятии «Современник» Росполиграфпрома Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 445043, г. Тольятти, Южное шоссе, 30

